

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 3 ЯНВАРЬ 1983

Николай Николаевич Румянцев.

Конвейер ажурной фабрики.

МЕЧТА ДИ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 3 (2896)

15 ЯНВАРЯ 1983

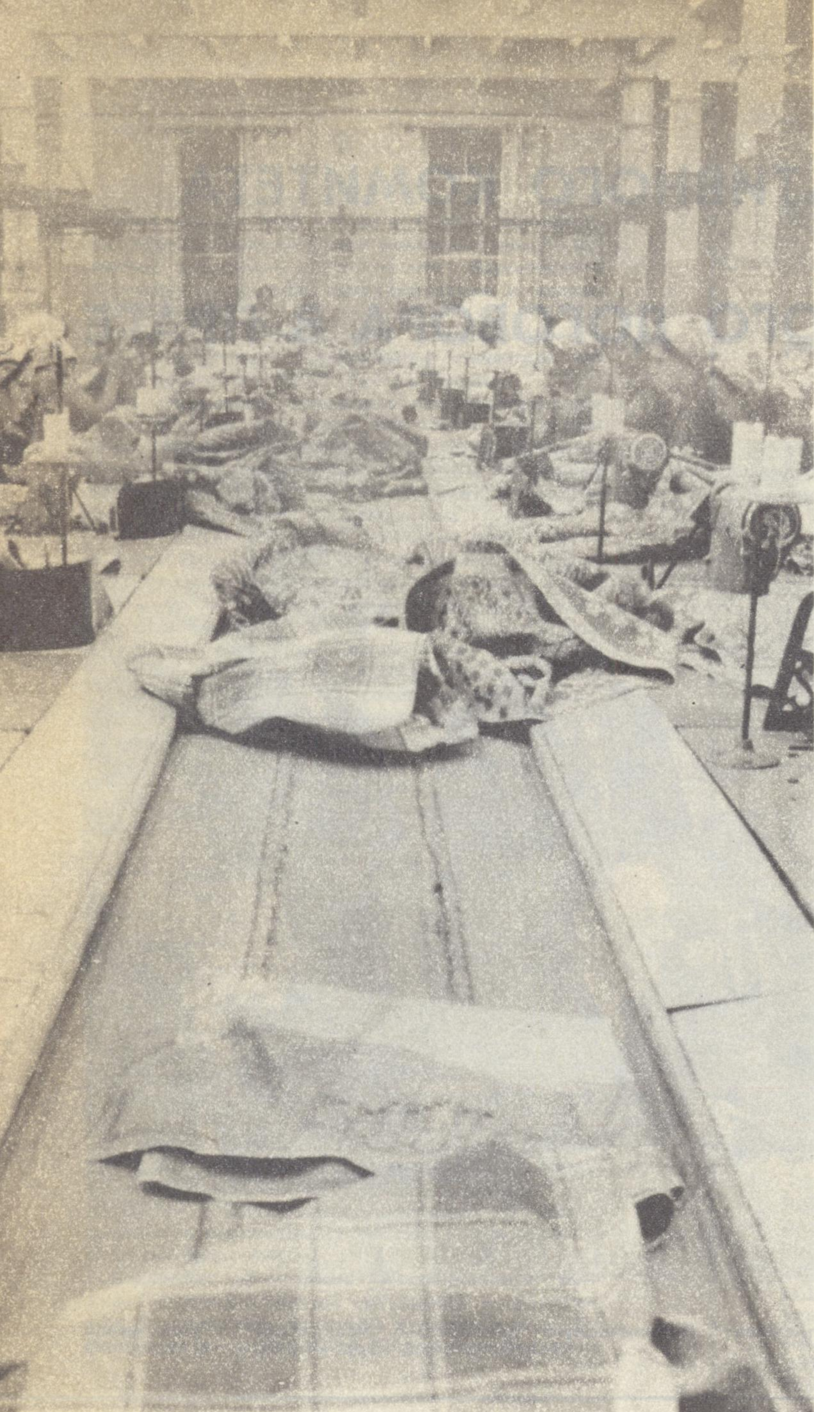
деловые люди

Георгий РОЗОВ, фото автора

На улицах Приволжска, небольшого городка в Ивановской области, то и дело видишь ухоженных лошадок, запряженных либо в сани, либо в телегу. Мне это показалось странным. Жителю большого города живого коня можно встретить разве что на ипподроме. Приметил я скучающего в ожидании груза ездового и заговорил с ним. Григорий Ефимович Колеорин оказался человеком словоохотливым.

— Тридцать лет, почитай, ну да, с пятьдесят третьего, работаю коневозчиком,— важно сказал он.— И все на нашем комбинате. Что возим? Лес, тес, белье в прачечную, продукты в столовую и детские сады, известку на стройку... Лошадей у нас всего шестнадцать. А машины нам не конкуренты. Что гололед, что грязь — лошадкам все нипочем. И дешевле это по нашим расстояниям. Румянцев это очень хорошо понимает. Хозяин!

Николай Николаевич Румянцев — Герой Социалистического Труда, директор Яковлевского льнокомбината. Предприятие старинное. В этом году ему исполнится сто тринадцать лет. В особых рекомендациях комбинат не нуждается. Марка сама за себя говорит. В 1938 году, когда село Яковлевское преобразовали в город Приволжск, переименовали заодно и комбинат. Но покупатели вдруг перестали приобретать знаменитые прежде яковлевские скатерти, салфет-

Ткачиха Н. И. Тихомирова получила новую квартиру.

РЕКТОРА

ки, простыни. За рубежом спрашивали: куда они пропали? Тогда вернули комбинату прежнее имя и торговую марку, и все наладилось.

Еще до революции село Яковлевское считалось жемчужиной русской льняной промышленности. Не померкла слава предприятия и в наши дни. Пятьдесят девять кварталов подряд предприятие под руководством Румянцева удерживало переходящее знамя ЦК КПСС, Совмина СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ.

Сам Николай Николаевич об этом говорит так:

— Передовиками быть выгодно и приятно. Вы любите дарить подарки хорошим людям? И я люблю.

Вскоре после этого разговора собрались работники комбината в Доме культуры на вечер «От всей души». Ну точь-в-точь как по телевидению. Чествовали передовиков, песни по их заявкам пели. А в конце, уже по-своему, вручали хрустальные сервизы стоимостью в двести рублей тем, кто пятилетку за два года выполнил, и в сто пятьдесят — тем, кто за то же время выполнил план четырех лет. Вместе с почетным знаменем комбинат получает сорок девять тысяч рублей, из которых семьдесят процентов можно тратить на премирование передовиков, а оставшиеся тридцать — на соцкультбыт. В первом ряду горячо аплодировала молоденькая выпускница комбинатского ПТУ-17 Лена Филиппова. Ее сервизы еще впереди, но она от души радовалась за других. Вручал тяжеленные коробки с хрусталем, конечно, сам директор. Первой на сцену вышла ткачиха Валентина Владимировна Чистякова. В зале легким ветерком прошелестел одобрительный смешок. Ящик оказался так тяжел, что, взяв его из рук директора, Валентина Владимировна едва смогла удержать. Выручил Николай Николаевич: помог ткачихе спуститься со сцены в зал. А ему это было тоже нелегко: до сих пор дает себя знать старая рана, полученная в боях под Москвой, отзывается острой болью в позвоночнике...

Предприятие за последние годы изменилось. Старинные краснокирпичные корпуса фабрик подросли на один этаж. Оборудование обновилось. Словом, проведена реконструкция. Раньше здесь работало десять тысяч человек. Сейчас, в результате реконструкции, только семь, но тканей комбинат дает почти в четыре раза больше — сорок восемь миллионов метров в год. Можно уже бы, кажется, директору пожить относительно спокойно, однако четыре года назад Николай Николаевич публично пообещал «одеть мужчин в батистовые сорочки». Сейчас комбинат не выпускает батиста. Для него нужна особая тонкая пряжа, а сырья — тонковолокнистого льна — пока что очень мало. Впрочем, четыре года назад и самого обычного льна комбинату не хватало. Исправлять положение с сырьем Николай Николаевич начал круто: добился присоединения к комбинату двух льнозаводов. Потом купил сто семь тракторов, двадцать пять грузовиков ЗИЛ-130 Г с прицепами и еще кое-какую уборочную технику. Организовал курсы для подготовки своих механизаторов. А осенью комбинатовские льнозаводы скупили на корню урожай льна в девятнадцати колхозах Ивановской области. Убирали и вывозили лен с полей на льнозаводы своими силами. За месяц управились! А раньше здесь и за три не успевали — чуть ли не половина урожая уходила под снег, а по весне сжигалась.

Так и пошло. Вот уже три года у директора с сырьем никаких забот. И колхозам выгодно.

— А теперь,— говорит Николай Николаевич,— самое время заинтересовать колхозы, чтобы выращивали для нас тонковолокнистые сорта льна. Семена подходящие мы уже закупили. Снабдим хозяйства удобрениями, заключим договоры: вы нам, дескать, лен сорта «Светоч» продаете прямо в поле. Комиссия оценивает урожай, мы его оплачиваем, а дальше уже отлаженный конвейер: поле — льнозавод. Получится что-то вроде агропромышленного объединения. Без этого нам батиста не получить...

СОВЕЩАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТАТИВНОГО КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВ—УЧАСТНИКОВ ВАРШАВСКОГО ДОГОВОРА В ПРАГЕ

Глава советской делегации Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов подписывает Политическую декларацию государств — участников Варшавского Договора.

Телефото спец. корр. «Правды» А. Пахомова

ВСТРЕЧА Ю. В. АНДРОПОВА С Г.-Й. ФОГЕЛЕМ

Во время беседы.

Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС).

●

4—5 января 1983 года в Праге состоялось совещание Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

Совещание Политического консультативного комитета открыл Генеральный секретарь ЦК КПЧ, Президент ЧССР Густав Гусак.

На совещании поочередно председательствовали: Первый секретарь ЦК ПОРП, Председатель Совета Министров ПНР тов. В. Ярузельский; Генеральный секретарь РКП, Президент СРР тов. Н. Чаушеску; Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Ю. В. Андропов.

Участники совещания совместно рассмотрели в свете складывающегося сложного международного положения обстановку в Европе и обменялись мнениями по некоторым другим международным вопросам. В этом контексте они обсудили важнейшие направления борьбы на современном этапе за предотвращение опасности ядерной войны, за сохранение и упрочение разрядки международной напряженности, за укрепление безопасности и развитие сотрудничества на европейском континенте. Касаясь деятельности своего оборонно-политического союза, они положительно оценили работу Комитета министров иностранных дел и Комитета министров обороны за период, прошедший со времени предыдущего совещания в Варшаве в мае 1980 года, и наметили дальнейшие задачи.

Свои выводы и соображения они изложили в единодушно принятой Политической декларации государств — участников Варшавского Договора.

Политический консультативный комитет заслушал доклад главнокомандующего Объединенными вооруженными силами государств — участников Варшавского Договора о практической работе, проделанной объединенным командованием.

Совещание прошло в обстановке дружбы и товарищеского взаимопонимания. Оно продемонстрировало единство взглядов государств — участников Варшавского Договора по обсуждавшимся коренным проблемам европейской и мировой политики.

Очередное совещание Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора состоится в г. Софии — столице Народной Республики Болгарии.

●

11 января Генеральный секретарь ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропов принял члена Президиума Социал-демократической партии Германии (ФРГ), кандидата от СДПГ на пост федерального канцлера ФРГ Ганса-Йохена Фогеля, находившегося в СССР по приглашению Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами. Во встрече приняли участие: с советской стороны — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС, председатель Комиссии по иностранным делам Совета Национальностей Верховного Совета СССР Б. Н. Пономарев, член ЦК КПСС, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, заместитель министра иностранных дел СССР В. Г. Комплектов и начальник управления Генерального штаба Вооруженных Сил СССР генерал-полковник Н. Ф. Червов;

с западногерманской стороны — члены Президиума СДПГ Э. Бар и Г.-Ю. Вишневский, а также посол ФРГ в СССР А. Майер-Ландрут.

Состоялся обстоятельный обмен мнениями по ряду актуальных проблем современного международного положения, а также по некоторым вопросам двусторонних отношений между СССР и ФРГ.

Представители КПСС и СДПГ выразили озабоченность по поводу растущего обострения международной обстановки, усиливающейся гонки вооружений, чреватой серьезной угрозой миру.

Участники встречи были единодушны в положительной оценке двусторонних отношений между СССР и ФРГ, успешно развивающихся в различных областях в духе взаимной выгоды и добрососедства на солидной базе московского договора 1970 года. Была выражена уверенность, что существуют хорошие перспективы дальнейшего расширения этого сотрудничества в интересах народов обеих стран и упрочения европейского и всеобщего мира.

Беседа была откровенной и конструктивной.

ВО ИМЯ МИРА НА ЗЕМЛЕ!

Новелла **ИВАНОВА**

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Людям нужен мир. Это простая истина. Но над миром нависла реальная угроза гибели. В конце XX века земной цивилизации грозит ядерная катастрофа. Причина? Необузданная, всевозрастающая гонка вооружений, предпринятая за последнее время правящими кругами США. Ныне эта гонка вооружений перешла в качественно новую, более опасную фазу, охватив буквально все виды вооружений и практически все районы мира. И по утрам, с тревогой открывая газеты, мы узнаем о новых военных конфликтах и кризисах, возникших по вине милитаристских империалистических сил.

Людям нужен мир! Полные решимости остановить ядерных маньяков, они проводят манифестации на улицах городов, собирают подписи под воззваниями, требующими запрещения ядерного оружия. И эта решимость народов отстоять мир опирается на международный авторитет, могущество СССР и стран социалистического содружества, которые совсем недавно вновь выдвинули реальную альтернативу сползанию к ядерной катастрофе.

Социализм и мир неразделимы — таков лейтмотив многочисленных международных откликов на состоявшееся в Праге совещание Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора. Политическая декларация этого совещания воспринята как послание мира к государствам и народам всей земли. Как подчеркивает венгерская газета «Непсабадшаг», она «выражает волю подавляющего большинства человечества», «большинства партий, представляющих различные общественные силы и идеологию». Сознавая свою высокую ответственность за мир, партийные и государственные руководители социалистических стран выдвинули в Праге конкретную программу широкого международного сотрудничества с целью обуздания гонки вооружений и перехода к разоружению, прежде всего ядерному. В Политической декларации ясно говорится, что в ядерной войне не может быть победителей, поэтому долг всех правительств и государств, если они дорожат судьбами своих народов,— проявить политическую волю и готовность к сотрудничеству. Военная политика всех государств должна исходить исключительно из целей обороны и учитывать законные интересы безопасности всех стран. После того как Советский Союз взял на себя в одностороннем порядке обязательство не применять первым ядерное оружие, пришло время, чтобы все ядерные державы, которые еще не сделали этого, действовали таким же способом.

Исторический пражский документ содержит целый ряд конкретных предложений, охватывающих договоренности по всем аспектам ограничения вооружений и разоружения. Касаясь проблемы укрепления безопасности в Европе, участники совещания привлекли внимание к серьезной опасности для европейских народов, которую несет с собой намерение блока НАТО разместить в Западной Европе новые американские ядерные средства средней дальности. Особо важное значение имеет новое предложение социалистических стран заключить договор о взаимном неприменении военной силы и поддержании отношений мира между государствами — участниками Варшавского Договора и государствами — членами НАТО.

Подчеркнув, что оздоровление обстановки в мире в значительной мере связано с ликвидацией существующих военных конфликтов в Азии, Африке, Латинской Америке и других районах мира, участники совещания отметили также растущий вклад, который вносит в ликвидацию и предотвращение кризисных ситуаций движение неприсоединения.

Сурово осудив вторжение Израиля в Ливан, израильскую агрессию против палестинского и ливанского народов, участники встречи в Праге потребовали немедленного и полного вывода израильских войск из Ливана. «Нет таких проблем, общемировых или региональных, которые не могли бы быть справедливо решены мирными средствами» — эти слова из Политической декларации вызвали самый горячий отзыв в сердцах людей. Как писала газета «Нойес Дойчланд», «уже первые отклики на итоги пражского совещания показали, насколько глубоко эта новая мирная инициатива социалистических стран затрагивает интересы государств и народов земли». Английская «Морнинг стар» указывала, что именно страны Варшавского Договора, а не НАТО выступили с важными предложениями, направленными на обуздание гонки вооружений, что свидетельствует об искреннем стремлении этих стран к миру и разрядке. Западногерманская газета «Унзере цайт» подчеркнула, что «Политическая декларация государств Варшавского Договора указывает альтернативу угрозе ядерной катастрофы. Поэтому она встретила столь огромный интерес в мире». «Новые важные мирные инициативы СССР и других социалистических стран подтверждают, что социализм и мир — неразделимы,— подчеркивается в заявлении Президиума Правления Германской коммунистической партии.— Для коммунистов нет ничего более важного, чем предотвратить опасность возникновения пожара термоядерной войны. Европа не должна стать новой Хиросимой».

Да, людям нужен мир на земле! И участники прошедшего в Праге совещания вновь открыто заявили о том, что главная цель внешней политики первой в мире страны социализма и стран социалистического содружества была и остается прежней — защита мира, защита завоеваний социализма.

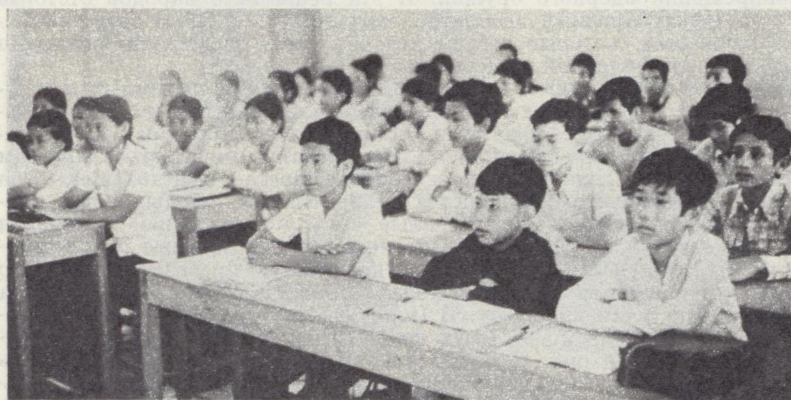
«Советский Союз,— говорится в постановлении Политбюро ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР,— делает все от него зависящее, чтобы в международных делах восторжествовал разум. Он и впредь будет последовательно проводить ленинскую политику мирного сосуществования с государствами другой социальной системы, сохраняя бдительность к проискам врагов социализма и мира, принимая необходимые меры для обеспечения безопасности страны».

Твердость занятой странами Варшавского Договора позиции и ее конструктивность вселяют в наши сердца уверенность, что интересы человечества будут надежно защищены!

ШАГИ НАРОДНОЙ КАМПУЧИИ

Улицы в Пномпене, столице Кампучии, просыпаются к жизни с первыми лучами солнца. Около водопроводных колонок толпятся женщины с кувшинами и глиняными горшками, матери моют своих шоколадных голышей прямо здесь же, на тротуаре, загораются многочисленные очаги, на которых готовятся нехитрые завтраки. Затем появляются мото- и велорикши, повозки, запряженные быками или маленькими лошадками, тянутся к рынкам тележки с зеленью, овощами и другой снедью. Спешат в свои лавочки торговцы. Распахиваются двери государственных учреждений, садятся за парты школьники. В общем, новый день вступает в свои права, и все идет по заведенному порядку. Внешне в столице уже мало что напоминает страшные дни полпотовского ада, хотя прошло всего четыре года с тех пор, как кампучийский народ избавился от антинародной клики, принесшей столько горя и несчастий жителям этой древней страны.

На уроке в одной из школ Пномпеня.

Четыре года — много это или мало? Мало, если говорить о народной памяти. Раны слишком живы. Они еще далеко не затянулись, да и затянутся ли на протяжении жизни этого поколения? Но, с другой стороны, приходится удивляться, как много сделано за эти четыре года, какой динамической силой обладает народ, обретший свободу.

Когда мне пришлось путешествовать по этой стране, бросилось в глаза большое количество ребятни и особенно малышей в возрасте до пяти лет. Сейчас Кампучия — страна с одним из самых высоких показателей прироста населения: пять процентов за последние три года. Семьи, как правило, большие, и официальные плановые органы республики считают, что население страны очень скоро достигнет 6,7 миллиона человек.

Мне кажется, что этот факт отражает не просто традицию, характерную для всех стран Азии,— иметь как можно больше детей. В этом проявляется и то, что люди уверены в своем будущем, в будущем своих сыновей и дочерей, в будущем своей страны. Отсюда и желание трудиться, желание как можно скорее ликвидировать последствия прошлого.

Кампучия — аграрная страна. Подъем сельского хозяйства — это первоочередная задача после освобождения. В министерстве сельского хозяйства, где я беседовал с одним из руководящих работников весной прошлого года, мне сказали, что 1982 год должен быть в какой-то степени переломным. Было намечено значительно расширить посевные площади под основной сельскохозяйственной культурой — рисом. Планировалось расширение посевов других культур — сои, арахиса, сахарного тростника, хлопка, джута.

И вот результат. Площади под рисом достигли за прошлый год почти 1,6 миллиона гектаров. Кукуруза собрана со 120 тысяч гектаров. Выполнены планы по сбору других культур, а поголовье буйволов и другого тяглового скота достигло почти 900 тысяч. Наметки на будущее, определенные IV съездом Народно-революционной партии: довести посевные площади в республике до 2,3—2,5 миллиона гектаров, поголовье буйволов до 1,5 миллиона голов.

Значительные успехи достигнуты и в восстановлении промышленности, транспорта, расширении сети медицинских учреждений и особенно образования. Ведь в стране почти не осталось учителей, врачей, артистов и просто грамотных людей. Сейчас же непременной характерной деталью и в столице, и в других городах, и в сельской местности можно считать ребятишек с книжками в руках.

Растет авторитет Кампучии и на международной арене. Несмотря на попытки империалистических держав изолировать народную Кампучию от международного сообщества, республика установила отношения более чем с 30 государствами и международными организациями. Она твердо и неуклонно проводит курс на укрепление мира и дружбы с различными странами и выступает за нормализацию обстановки в Юго-Восточной Азии.

Ю. ПОПОВ

Фото автора

ОБВИНЯЕТСЯ СИОНИЗМ

Два момента истории.

Два кинокадра.

На первом — старая фотография. 1897 год. Респектабельные господа позируют перед объективом. На память. Это участники первого конгресса Всемирной сионистской организации.

На втором кадре — мальчик-палестинец. Лет четырнадцать, не больше. Стоя у тяжелого пулемета, он приготовился защищать своих близких, свой очаг в лагере беженцев Рашидия в Ливане. Сейчас этого мальчика уже нет,— израильские танки смогли войти в Рашидию лишь тогда, когда не осталось в живых ни одного защитника этого лагеря. Это год 1982-й...

Два кинокадра отделены друг от друга почти вековой историей. Это история сионизма — идеологии, политики и практики организации, созданной крупной еврейской буржуазией, сросшейся с монополистическими кругами наиболее развитых империалистических держав. О возникновении и развитии этой идеологии и рассказывает документальный фильм «Сионизм перед судом истории», который создан на Центральной студии документальных фильмов.

Господа, изображенные на фотографии 1897 года, конечно же, не планировали убийство именно этого мальчика, именно в лагере Рашидия и именно в 1982 году. Они планировали большее: дать империализму удобный инструмент для борьбы с национально-освободительными движениями, для борьбы с коммунизмом.

Советские кинодокументалисты обобщили в своей работе большой исторический материал. Архивные кинокадры и съемки, которые вели авторы фильма в последние годы в различных странах, интервью с сионистскими деятелями и с представителями национально-освободительного движения народов Ближнего Востока позволяют проследить основные этапы развития сионизма, увидеть истинное его содержание — воинствующий шовинизм и антикоммунизм.

Разговор об истинном содержании далеко не случаен. Ведь именно это содержание сионизм тщательно маскировал в годы своего зарождения, пытается маскировать и по сей день. «Настоящая национальная идея» — вот основное прикрытие сионизма, которое призвано скрыть его сугубо классовую сущность. Что же принесла народам «национальная идея»? Что принесла она самому еврейскому народу как до, так и после создания государства Израиль?

Нетрудно заметить, что на многих этапах развития современного общества цели сионизма довольно точно совпадали с целями наиболее реакционных отрядов империализма. Так было и в фашистской Германии. Ведь недаром, готовясь к «окончательному решению еврейского вопроса», сгоняя евреев в гетто, гитлеровцы пользовались услугами «вспомогательной еврейской полиции». Кинокадры сорокалетней давности, на которых показаны действия этих молодчиков, невольно заставляют задуматься о той роли, которую сыграли заправилы сионизма в уничтожении миллионов евреев. Тут уж не до «национальной идеи».

...Разрушенные палестинские деревни. Трупы на дорогах. Горе миллионов людей, изгнанных со своей родной земли. Это сионизм сегодня. Во имя чего все это совершается? Во имя «национальной идеи»? Буржуазные средства массовой информации утверждают, что да. Факты реальной действительности говорят об обратном. Идет империалистический грабеж, захват чужих территорий. Его проводит государство Израиль, государство, как выражаются сионисты, «богом избранного народа». «Богом избранным» здесь предложен выбор: либо избивать другие народы, либо, если не согласны на первое, быть избитыми самим. Третьего не дано. Кадры израильской кинохроники запечатлели сцены расправ полиции над теми, кто осмелился выразить свое несогласие с политикой, которую проводят руководители страны по указке своих покровителей из-за океана. Полицейские дубинки и кровь... На сей раз кровь «богом избранных». Вот она, «национальная идея» в действии.

Тайное рано или поздно становится явным.

Все больше людей как за пределами Израиля, так и внутри этой страны начинают понимать истинную сущность сионизма, который несет горе и страдания народам, и в первую очередь еврейскому народу, который он сделал своим заложником. Начинают понимать, что сионизм как органическая часть империализма исторически обречен. И поэтому все чаще задумываются о том, что ждет их дальше.

«Эти люди — живые символы расовой ненависти, террора и насилия, надменности и жестокости, порожденных властью. Это символ жестокого национализма и милитаризма, интриг и провокаций. Они в такой мере приобщили себя к созданной ими философии и к руководимым ими силам, что проявление к ним милосердия будет означать победу и поощрение того зла, которое связано с их именами...» Эти слова обвинения были произнесены более тридцати лет назад. В Нюрнберге. На суде над главарями фашистского рейха. Теперь они звучат как грозное предупреждение тем, кто не хочет делать выводов из уроков истории, кто поставил свои имперские амбиции превыше человеческих жизней. В первую очередь это относится к сионистским правителям Израиля.

А. СОКОЛОВ

Кадр из фильма: израильский солдат выталкивает араба из его родного дома. Затем дом будет разрушен. Это повседневная практика сионистов на захваченных территориях.

USA

A

КУКРЫНИКСЫ-83

В обнимку с бомбой.

Рисунок КУКРЫНИКСЫ

ТАКТИКА ТЕХНОЛОГИИ

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ

Партийное собрание в Институте новой металлургической технологии было посвящено обсуждению материалов ноябрьского Пленума ЦК КПСС и итогов 1982 года. Оно проходило буквально за несколько дней до вручения Центральному НИИ черной металлургии имени И. П. Бардина, в состав которого входит ИНМТ, переходящего Красного знамени ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ за победу в социалистическом соревновании в честь 60-летия образования СССР, и о награде все уже, конечно, знали. Можно было вполне полагать, что о торжественном событии и заговорят прежде всего. Однако...

— Сегодня,— начал свое выступление директор ИНМТ, профессор Л. В. Меандров,— отрасль идет с отставанием по стали и по прокату. Хочу сейчас напомнить вам сказанные на ноябрьском Пленуме ЦК КПСС слова Юрия Владимировича Андропова:

«Участились сбои в работе предприятий черной металлургии. И в прошлом, и в этом году эта отрасль не справляется с плановыми заданиями. Народному хозяйству недодано несколько миллионов тонн проката. Ответственность за положение дел в этой отрасли должно нести прежде всего Министерство черной металлургии. Конечно, есть и объективные трудности. Значительная часть основных фондов требует реконструкции, модернизации. Министерству необходима серьезная помощь со стороны Госплана, Госснаба и машиностроительных министерств».

Есть, товарищи, объективные трудности. Однако давайте сегодня говорить не о них. Взглянем на себя со стороны и изнутри. В частности, давайте задумаемся, насколько эффективной будет та помощь, о которой говорилось на Пленуме ЦК КПСС, если мы, как центральный институт отрасли, как организация, в значительной степени формирующая направления ее технического прогресса, не будем давать четких, научно обоснованных, выверенных практикой рекомендаций. А ведь положа руку на сердце скажем: не всегда наши рекомендации бывают именно такими... Ведь в восемьдесят первом и в восемьдесят втором годах отрасль работала с учетом наших рекомендаций, выработанных в семьдесят седьмом — семьдесят девятом годах. И работала не лучшим образом.

Я верю, товарищи, что вы сейчас выскажете свои соображения по наболевшим проблемам. Сам я ограничусь лишь двумя. Первая. Как мы знаем, в отрасли трудности с обновлением оборудования, стареет оно. У нас же в институте и своя беда — стареем мы с вами, а с обновлением полноценными специалистами дела, увы, обстоят тоже далеко не блестяще. Давайте подумаем, как тут быть.

И еще об одном. Мы иногда жалуемся на свое родное министерство: заваливает, мол, срочными, внеплановыми заданиями. Я понимаю — трудно, тем более что основная, плановая работа остается.

Однако вспомним, какие это задания. Появились, скажем, трудности с технологией производства листовой стали на Челябинском заводе. Министерство поручает нам разобраться и помочь. Мы обязаны это делать. И едем в Челябинск, разбираемся, помогаем.

Или другое задание: ускорить внедрение производства стали с первой группой отделки на Новолипецком заводе. Понятно, что и это задание не в плане научно-исследовательских работ института. Но ведь речь идет о стали для ВАЗа, для страны. А значит, это опять же наша работа.

Каждый коммунист, каждый беспартийный должны ясно осознать важность ситуации. А она в том, что любое задание, которое направлено на исправление сегодняшнего положения дел,— это почетное задание. Значит, выполнение его — долг. Почетный долг. Это не высокие слова. Это истина. От нас сейчас требуется полная творческая отдача каждого. Полная. Знаю, что большинство это понимает.

Известно, что наша страна имеет сильно развитую черную металлургию. Объемы производства чугуна, стали, проката самые большие в мире. Причем отрасль неуклонно развивается. Вводятся все новые и новые доменные и электроплавильные печи, кислородные конвертеры, прокатные станы, коксовые батареи. Неуклонно снижается объем ручного труда, за последние семь лет введено около ста автоматизированных систем управления технологическими процессами. Осваиваются новые рудоносные шахты и карьеры.

Во всем этом большая доля труда ЦНИИчермета. А переходящее Красное знамя свидетельствует о том, что комплексный институт не просто в первой шеренге, но, как говорят, правофланговый.

И тем не менее сама отрасль — черная металлургия — оценивается иными характеристиками. Дело прежде всего в том, что в последние годы увеличение общего объема производства не достигается, хотя и неизменно планируется. Не менее тревожно и то, что не удается обеспечивать выпуск металла широкой номенклатуры и нужного сортамента, а именно это позволяет эффективно, с меньшими отходами использовать его в промышленности.

Справедливости ради нужно пояснить, что из года в год растет глубина шахт и карьеров, что снижается содержание железа в сырой руде, что увеличивается вывод из эксплуатации рудников в связи с полной выработкой тех или иных рудосодержащих полей и горизонтов. Нельзя умолчать о том, что снизилась доля производства металлургического оборудования на таких крупных машиностроительных предприятиях, как Новокраматорский, Уральский, Ждановский заводы тяжелого машиностроения. Министерство тяжелого машиностроения решило включить в производственные планы этих предприятий другие, более важные, как оно полагает, заказы.

Почти полностью прекращено производство этого оборудования на Ижорском заводе имени А. А. Жданова.

Выступавшие на партийном собрании говорили о задачах, стоящих перед коллективом института в свете решений ноябрьского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС. В частности, секретарь парторганизации института кандидат технических наук В. Е. Тихомиров отметил необходимость укрепления не только творческих контактов между учеными и производственниками, но и между партийными организациями института и опытно-экспериментального завода ЦНИИчермета при решении проблемных вопросов комплексного характера.

— Это позволит,— сказал он,— поднять эффективность научно-исследовательских работ и улучшить планирование.

Проблеме развития научно-исследовательских работ и созданию принципиально новых технологических процессов было посвящено выступление старшего научного сотрудника, кандидата технических наук Е. Х. Шахпазова. Он подчеркнул важность скорейшей реконструкции и переоснащения экспериментальной базы института, без чего невозможно работать так, как требуют время и задачи, стоящие перед черной металлургией.

Большое внимание на партийном собрании было уделено вопросам внедрения разработок института.

Старший научный сотрудник, кандидат технических наук Б. Л. Жураковский сказал о том, почему отдельные подразделения не добиваются предполагаемого экономического эффекта при внедрении разработанной технологии.

— Мы не всегда добиваемся реализации результатов анализа использования сырьевых ресурсов и работы предприятий отрасли. Заводы далеко не всегда прислушиваются к нам,— пояснил он.— Нужно сделать так, чтобы прислушивались и учитывали наши рекомендации. Например, внедрение лишь части наших предложений по улучшению работ доменных печей позволило сэкономить только на пяти заводах отрасли более двадцати тысяч тонн кокса в год.

Сейчас на Челябинском электрометаллургическом комбинате одна из комплексных бригад института, возглавляемая заведующим лабораторией ферросплавов, кандидатом технических наук Б. А. Шушлебиным, работает по освоению мощностей первой очереди цеха № 8 по производству низкоуглеродистого феррохрома. Впрочем, это «сейчас» тянется уже который год. Первая электропечь сдана в эксплуатацию в 1978 году. «Почему же так затягивается освоение?» — спросил я Шушлебина уже после собрания.

— Прежде всего поймите,— ответил Борис Алексеевич,— что освоение происходит в условиях продолжающегося строительства цеха. Но это оправдывает немногое.

Цех № 8 по своей мощности и заложенным в проекте техническим решениям, в том числе с использованием новых видов оборудования, является оригинальным. Следует признать, что наш институт не смог выдать совершенного технологического задания. Проектный институт Гипросталь, в свою очередь, выпустил не лучший проект, допустив ряд ошибок. Ошибки усугубились неудовлетворительным качеством оборудования. Это оборудование было принято в эксплуатацию с большим количеством строительных и монтажных недоделок, несмотря на возражения технологов. Освоение было начато в условиях некомплексного ввода объектов цеха, что также усугубило положение. В процессе освоения выявилась неработоспособность отдельных узлов оборудования и части агрегатов. С момента начала проектирования (1964 год) и времени последней корректировки проекта прошел большой срок, в течение которого ухудшилось качество добываемой хромовой руды, поэтому технологам по ходу освоения приходится заниматься поиском новых технологических решений для получения качественной продукции и улучшения технико-экономических показателей. К настоящему времени комбинат вместе с проектным и научно-исследовательским институтами выполнил большой комплекс работ по исправлению выявившихся узких мест и положение постепенно выправляется, но предстоит сделать еще очень много для того, чтобы цех начал работать нормально.

Достаточно ознакомившись с внедренческой тематикой ИНМТ, с работами комплексных бригад, я пришел к выводу, что столь дол-

гоживущая ситуация встречается редко. Вот более характерная. Главное место действия — Узбекский металлургический завод. Институт разработал для него технологическое задание. Проектировал Грузинский институт по проектированию металлургических заводов Грузгипромез. Оборудование изготавливал Южноуральский машиностроительный завод. Все наконец готово, можно приступать к внедрению.

— И вот наша бригада приезжает на завод и... не узнает свою технологию,— рассказывает заведующий лабораторией кандидат технических наук Ю. Е. Кан,— такие внесены в нее изменения. Технологическое задание было хорошее, это признавали все, но во что оно вылилось? В результате долго и мучительно занимаемся освоением непрерывной разливки.

— Но почему же вы, разработчики технологии, не вмешались в работу проектного института, который, очевидно, тоже в ведении Минчермета? Почему допустили отсебятину машиностроители?

— Завод не нашего министерства, а Грузгипромез — институт свой, отраслевой, да только принадлежит не нашему, а другому главку. У Грузгипромеза были при этом свои трудности, свои ограничительные рамки. У машиностроителей оказались свои проблемы, свои трудности. Вот к чему приводит ведомственная разобщенность.

— Товарищи,— обращаюсь я к собеседникам,— и это при том, что наша технология черной металлургии — одна из лучших в мире, если вообще не лучшая.

— Действительно, — говорит Юрий Евгеньевич.— В свое время деятельность «Лицензинторга» началась с продажи лицензии на процесс непрерывной разливки стали сначала во Францию, а потом в Японию. Вскоре из Японии к нам пришло письмо: ими установлен мировой рекорд производительности на машинах непрерывной разливки, построенных по нашей лицензии. А у себя дома так медленно разворачиваемся...

Из решения партийного собрания ИНМТ:

«В тематическом плане института на 1983 год не полностью отражены разработка и участие в мероприятиях по устранению отставания черной металлургии в таких важнейших направлениях, как внепечное вакуумирование, непрерывная разливка стали на горизонтальных машинах, и другие. Это имеет серьезное значение для технической политики отрасли».

Техническая политика отрасли... В черной металлургии точность в выборе направлений, методов, объемов, пропорций, решений буквально любых, казалось бы, незначительных вопросов, непереоценима, а ошибки особенно чувствительны. Потому что предмет и объект — всегда крупномасштабное производство. Емкое по материальным и трудовым затратам, длительности создания и, главное, по объему выпуска конечного продукта. Высока ответственность, и это ощущалось постоянно в выступлениях на партсобраниях, в беседах с учеными. Да, есть объективные трудности, но о них, как правило, речь шла меньше всего.

Из беседы с доктором технических наук, заведующим лабораторией конвертерного производства П. И. Юговым:

— На Новолипецком металлургическом заводе был введен в действие конвертерный цех № 1, в составе которого технологическим заданием ЦНИИчермет предусматривалась внепечная обработка металла синтетическим шлаком. Однако в процессе проектирования и последующего утверждения проекта в министерстве этот важный элемент технологии был исключен. А мы, сотрудники института, не проявили должной принципиальности и потому не сумели отвоевать бесспорно верную идею. И что же? Агрегаты внепечной обработки позже пришлось построить. Но до того мы вынуждены были покупать дорогостоящие листовой прокат и трубы в ФРГ.

...В важнейших партийных документах не раз говорилось, что каждая отрасль должна иметь самостоятельную, хорошо развитую экспериментально-производственную базу. Для черной же металлургии проблема такой базы окрашена в еще более строгие тона. Домна не печь для производства булочек. Остановка домны или конвертера, вернее, перевод такого оборудования с производственной на экспериментально-внедренческую работу неминуемо оборачивается потерями в производстве основной продукции комбината. Потому в черной металлургии особенно важно иметь собственную опытно-производственную базу. Слишком дороги здесь основные фонды, их стоимость исчисляется цифрами со многими нулями.

Опытно-экспериментальный завод входит в состав ЦНИИчермет. И решает многие важные задачи по созданию новых образцов продукции и отработке новых технологических процессов. Автор этих строк был и здесь, на партийном собрании по итогам ноябрьского Пленума ЦК КПСС. Шел предметный разговор о резервах, о неиспользованных возможностях. Обсуждались причины медленных темпов реконструкции кузнечного отделения. Много говорилось о трудовой дисциплине, хотя по формальным показателям дела обстоят здесь совсем неплохо. Но разговор шел не формальный.

А вот и совсем больной вопрос: строительство нового опытного производства в Храпуново, близ Ногинска. Там появятся новые возможности для проведения работ по плазменной металлургии, созданию новых видов покрытий, отработке новых технологических схем непрерывной разливки. Однако строительство в Храпуново затягивается. В чем причина? Об этом говорили на партийных собраниях и в ИНМТ и здесь, на заводе. Никто не винил других. Только себя. Так, выданные в свое время технологические задания на экспериментальные установки для Храпуново из-за медленных темпов строительства морально устаревали. Можно ли было корректировать их на ходу? Да, говорили выступавшие. Нужно было это делать. Однако не делали...

Партийное собрание в Институте новой металлургической технологии. Фото А. Гостева

Шел партийный разговор о сегодняшнем дне и о будущем.

— Так какое же все-таки оно, будущее черной металлургии?— спросил я Николая Павловича Лякишева, директора ЦНИИчермета, члена-корреспондента АН СССР, лауреата Ленинской и Государственной премий.— Удастся ли ликвидировать отставание отрасли? Будет ли, в частности, увеличено производство стали, проката?

— Ликвидировать, я уверен, удастся, но добиваться этого следует не просто ценой увеличения объемов производства.

Наша главная задача — разработка более совершенных технологических заданий, более профессиональная работа на всех этапах внедрения наших технологических процессов. Конечно, и организационно-ведомственные неурядицы — серьезнейшая помеха. Нужно устранять их всем нам: ученым, проектантам, машиностроителям и, конечно, руководителям министерств и ведомств.

В результате мы должны добиться производства металла со строго заданными свойствами, причем каждая марка — точно по своему назначению. Что это даст?

Вот, скажем, металл для северных районов. Он должен быть стойким против хрупкого разрушения, характерного для условий низких температур. Или обратимся к югу. Там металл должен обладать повышенными антикоррозионными свойствами. Иначе тысячи тонн его обречены на гибель. Таких примеров я мог бы привести множество. Короче говоря, в каждом случае нужен металл со специальными свойствами, которые и позволят ему жить долго. Тем самым сократится необходимость в новых объемах металлургического производства.

— Николай Павлович, вообще культура нашего отношения к металлу — тема безусловно интересная и долгая...

— Именно. Вот, например, у нас же в машиностроительном производстве неоправданно низкий коэффициент использования металла. Конечно, ответственность за это несем и мы, металлурги, не обеспечивая всех требуемых профилей и размеров труб, проката. Все это ведет к значительному перерасходу металла. Но, как правило, машиностроители непомерно занижают расчетную прочность. Поэтому в среднем наши машины, агрегаты, оборудование на 20 процентов тяжелее американских.

За последние 15 лет черная металлургия почти на 30 процентов увеличила выпуск эффективных видов металлопродукции, а коэффициент использования металла в машиностроении, увы, так и не повысился. Во всем мире, например, отказываются от обработки металла резанием — отходы очень большие,— применяют современные методы. А мы все режем...

Можно и нужно ликвидировать отставание отрасли без увеличения объема производства, хотя при нынешней нашей культуре обращения с металлом требование это выполнить будет трудно.

Если осуществить все меры по рациональному использованию металла «глобально» — в черной металлургии и у потребителя,— то это обеспечит экономию многих миллионов тонн металла в год. Такая экономия равнозначна приросту производства металлопродукции, но при этом не потребуются капитальные затраты на прирост мощностей, которые с лихвой перекроют стоимость наших рекомендаций. Освободившиеся в итоге средства можно будет истратить на техническое перевооружение отрасли, на улучшение условий труда и решение экологических проблем.

СОЛНЕЧНЫЙ КАМЕНЬ

А. БАСМАНОВ

Фото М. САВИНА

Янтарь есть бирманский, богемский, канадский, колумбийский, галицийский, гренландский, сицилийский (особенно яркой, огненной окраски), японский, камчатский, мексиканский, янтарь из Санто-Доминго, испанский, сирийский, истрийский, наконец, янтарь с полуострова Юкатан. Но больше всего этой застывавшей тысячелетиями смолы, этих желтых зерен и пурпурных желваков, этих лимонных слез недр и океанов на берегах Балтики (собственно, прибалтийский и есть подлинный янтарь) и Северного моря, где бегут сизые низкие тучи и свистят сырые йодистые ветра, где каракуль прибоя кутает песчаные отмели и через флеши дюн, словно перекати-поле, перебирается сосновая обломленная лапа.

О янтарных слезах — античные мифы и стихи: о слезах раненых влет птиц, о слезах сестер гордеца Фаэтона, юных гелиад, превращенных в прибрежные тополя у реки Эридан и оплакивающих гибель брата у тихих вод, куда в горящих одеждах, метеором промчавшись по лазоревому небу, он вместе со своею златой колесницей с плеском, пламенем и шипеньем рухнул, сраженный зевесовым пучком молний. «И кора покрывает последнее слово, слезы оттуда текут, источась на молоденьких ветках, стынет под солнцем янтарь...» — сказал поэт любви, богов и изгнанья Публий Овидий Назон.

Но, кроме поэтов и фантазеров, были ученые. Одни утверждали, что янтарь — продукт мочи рыси или китовой амбры; другие — что это каменное масло; третьи, самые прозорливые (Тацит), угадывали: это бальзам, истекающий из ран хвойных деревьев. Но все удивлялись одинаково: отчего ж его больше не в благодатной италийской стороне или Элладе, но у свебов, германцев и эстов? Только лишь полтора века назад ученые люди поняли наверное: янтарь — действительно окаменевшая за миллионы лет смола, а так как в третичный период, то есть 40—70 этих миллионов лет назад, не где-нибудь, но именно на севере росли знаменитое мамонтово дерево, кипарисы и туи, цвели пальмы, лавры, мирты, камелии и магнолии и в тех скандинавских, карельских, кольских огромных и роскошных лесах дурманяще пахло гортензией и пряно — геранью, сделалось ясно, отчего хмурая Балтика—родина солнечного самоцвета.

Вот он, Калининградский музей янтаря, средневековая крепость, превращенная в хранилище замечательных и изящнейших драгоценностей, нерукотворных и рукотворных вещиц, пакгаузы и пороховые погреба, обретшие очертания элегантных и удобных выставочных залов. Много сил, изобретательности и терпения понадобилось директору местного Историко-художественного музея Л. Г. Зайчиковой, чтоб выделить янтарный филиал, реставраторам — чтобы обучить старую крепость новой профессии, много знаний (в полном смысле энциклопедических) литературных, исторических, минералогических, искусствоведческих пришлось освоить С. П. Гуляевой, Т. Ю. Суворовой, З. В. Костяшовой, В. М. Поповой, Л. П. Судаковой, И. Л. Гетманцевой, Р. А. Стефанковой, чтоб вести серьезную научную работу и увлекательные экскурсии.

В экспозиционных выгородках, витринах и под стеклянными колпаками возлежат сгустки земного нектара — куски, кусочки, кусищи янтаря: твердого и вязкого сукцинита, винно-желтого геданита (гнилого янтаря), бурого, открытого еще в стародавние времена фирмой «Стантиен и Беккер», беккерита, редчайшего глессита, эластичного, легко режущегося ножом зеленоватого кранцита, непрозрачного, почти черного стантиенита — тому куску, наверное, тридцать миллионов лет, а этому, быть может, пятьдесят.

Каждый раз художники расшифровывают тайну благородного самоцвета, осмысливают его сквозь поэтические образы: в оправе кольчужного плетения будто парит облачный рисунок камня в музейном гарнитуре В. Брыкина «Славянский», а в броши Э. Лиса и В. Митянина «Вихри» динамический узор материала подчеркнут металлическими кручеными лентами. Очень эффектен сработанный в лучших традициях русских ювелиров гарнитур А. Квашнина «Вечерний». Все это — сегодняшний день того искусства, которому уже не одна тысяча лет: «Цепь из обделанных в золото с чудным искусством, светлых, как солнце, больших янтарей» дарит еще в гомеровой «Одиссее» Эвримах Пенелопе.

Около Лиепаи археологи раскопали янтарную мастерскую XVI века до нашей эры. В гробницах египетских фараонов, умерших опять же до нашей эры за три тысячи двести лет, нашли бусы из янтаря; янтарные бусы находил и Шлиман при раскопках Микен. В античном Риме из янтаря изготавливали сосуды для благовоний, инталии и предметы роскоши: маленькая фигурка, по свидетельству Плиния Старшего, стоила дороже раба. Русь покупала балтийский янтарь еще в X столетии: подвески, кольца, перстни, гребни; Европа — тончайшей резьбы распятия; Восток — четки. В Ломбардии и Венеции ношение янтарных ожерелий было столь распространено, что трудно было увидеть женщину без такого украшения. Воины Кореи и Марокко носили янтарные талисманы, веря, что они сохранят им жизнь в бою. Греки кадили янтарем, чтобы изгнать из человека нечистую силу. В России на мамок и кормилиц надевали янтарные бусы порою весом в несколько фунтов, так как считалось, что они сберегут младенца от невзгод. Этот лучистый самоцвет обожали молодые девушки, искренне веря, что он придает матовость коже. Больные, страдавшие зобом, надеялись, что необработанные янтарины вылечат их или хотя бы облегчат страдания. Предполагалось также: «божественная смола» спасает от слабоумия, желтухи, лихорадки, изгоняет камни из почек и печени, лечит глаза и уши.

Но, кроме сомнительных исцелений, янтарь нес еще несомненную красоту. К началу XVII века искусство его обработки столь выросло, что для камнерезов, казалось, не было ничего невозможного. Гравировка, инкрустация, изысканные мозаики, благородные формы скульптур,— янтарь повиновался мастеру и покорял знатоков. Взгляните на шкатулку с Дионой из Екатерининского дворца (теперь воссозданную и выставленную в музее) и вы убедитесь в этом сами.

Гуннские украшения и аварские амулеты, персидские мундштуки и кальяны, датские ларцы и русские серьги, итальянские шахматы, французские печатки, пудреницы, табакерки — все эти испытания на красоту держал всегда янтарь блестяще. Самый же, кажется, серьезный экзамен состоялся для него в знаменитой Янтарной комнате: она была спланирована Шлютером и отделана мастерами Туровым и Шахтом в Монбижу у Фридриха Прусского в 1711 году, затем преподнесена как «презряндный презент» Петру I, упакована и под военным конвоем отправлена через Ригу в Петербург, а затем уже — смонтирована декорацией в Царскосельском дворце: камерный янтарный кабинет превратился гением Растрелли в пышную парадную залу.

Это было настоящее чудо не только по большой ценности материала, искусной резьбе и изяществу форм, но главным образом благодаря прекрасному, то темному, то светлому, но всегда теплому тону янтаря, придающему всему интерьеру невыразимую прелесть. Какого гигантского труда потребовало создание того единственного в своем роде произведения! Фантастичное же барокко лишь увеличило трудность решения задачи. Здесь можно было увидеть янтарные рамы для мозаик, панно и барельефы, бюсты, фигуры и гербы, смотревшиеся в совершенно разных оттенках при солнечном и свечном освещении, зеркала же многократно отражали эту янтарную красоту.

Красота была ограблена, как известно, фашистами в последнюю войну: никто не видел с тех пор знаменитую комнату, ее тайна покрыта полным мраком. Но в музее теперь можно видеть частичные воссоздания, точно повторяющие сюжет, абсолютно адекватные по мозаическим сочетаниям янтарных цветов; пройдут годы, и чудесная комната засияет вновь.

Иногда с янтарем шутили. Лет триста назад появилась модная забава: маленькие рельефы из слоновой кости скрывались под янтарными пластинками в крышках шкатулок и табакерок; прозрачность пластинки была достаточна, чтобы угадать, что под нею что-то есть, но недостаточна, чтобы разобрать сюжет. Стоило, однако, смочить янтарь — скрытое изображение проступало ясно. С прозрачностью этого диво-камня связано и серьезнейшее дело: с XVII века почти по средину XIX из янтаря точили линзы для очков — самые крупные из них имели диаметр до 50 миллиметров.

Янтарь, янтарь! Будто весь мир, будто миллионы годов спрессовались здесь, в этой старинной крепости, в этих крохотных камушках. Как сказал Кант: «О, если б ты, маленькая муха, могла говорить! Насколько иным было бы все наше знание о прошлом мира!» Это Кант имел в виду муху в янтаре.

Сто образцов с включениями — так называемыми инклюзами — в экспозиции, в шесть раз больше их в фондах. Паучки, личинки, бабочки, муравьи, жуки, гусеницы, мошки, блохи, слепни, клещи, комары: одни из них постоянно жили на янтароносных деревьях, другие отдыхали на их стволах или подстерегали на них добычу, третьих забросил в смолу случайный порыв ветра, четвертых упавшая капля настигла врасплох на земле. «Хотя он у людей был в жизнь свою презренный, по смерти, в янтаре, у них стал драгоценный...» — говорит Ломоносов о муравье, завязшем в прилипчивой смоле. Янтарь с инклюзами действительно драгоценнейший.

Образцы с инклюзами поступают иногда в музей из поселка Янтарного, который стоит недалеко от Калининграда. Тут уникальный комбинат по добыче и обработке солнечного камня, ибо именно на этом небольшом пятачке Земли сосредоточено девяносто процентов его мировых запасов. Порода подается ковшом на транспортер, с транспортера — в фабричные сепараторы, где янтарь отделяется от грунта. На фабрике же творят и художники: придают камню форму, шлифуют его, монтируют с металлом.

Свыше шести тысячелетий солнечный минерал служит нам. Он был одним из первых материалов, на которые обратил свое внимание первобытный человек. Янтарем украшались, из него делали лекарства, оптические и физические приборы.

В старинных рецептурниках, изданных в Венеции, Париже и Лондоне, можно отыскать великое множество рецептов по изготовлению янтарных лаков. Скрипки Амати и Страдивари, покрытые такими лаками, звучали божественно.

Высоко звучали скрипки, густым медом светился цвет, вдохновлялись поэты. Помните, у Фета: «...Что за янтарный отлив на роскошных извивах волос!»

Это все о тебе, янтарь.

Калининградский музей янтаря * Браслет «Мечта», художник В. Чекушкин * Янтарные тарелки. XVII век * Уникальный кусок янтаря весом 4 килограмма 200 граммов * Браслет из гарнитура «Вечерний», художник Н. Смирнов

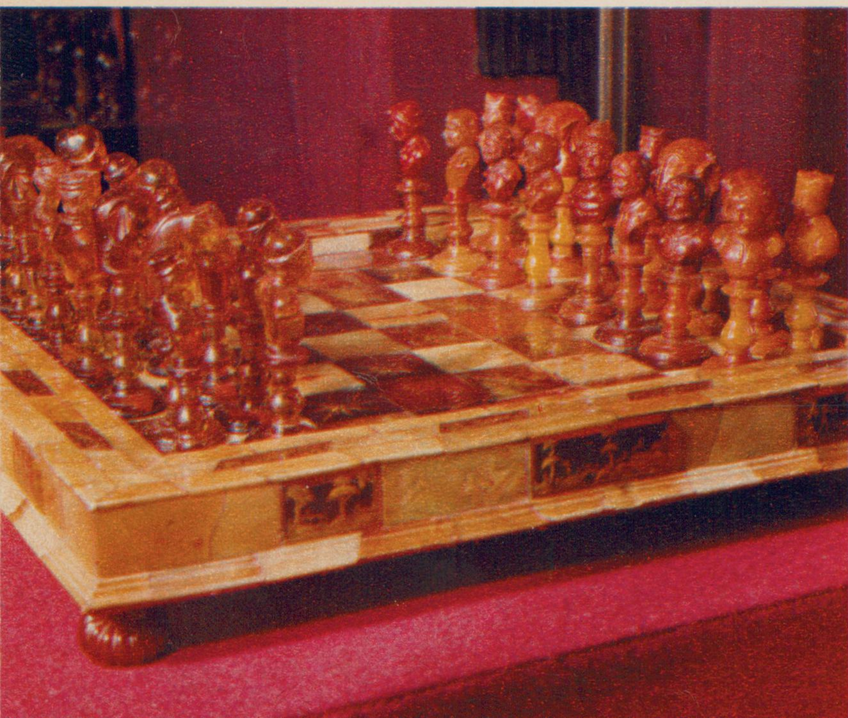

СТРОКА ИЗ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ

В одни руки?..

С. КАЛИНИЧЕВ

Щедрость украинской земли общеизвестна. Это о ней сказано: посади оглоблю — тарантас вырастет. Загляните в сезон на один из рынков Киева, Винницы, а еще лучше — Богуслава, Шепетовки, Сорочинец... Прилавки ломятся от солнечных яблок, душистой малины, белотелой картошки, сизых баклажанов, помидоров с арбузной мякотью и арбузов, которые, завидев нож, сами лопаются. А пупырчатый нежинский огурчик — если его разломить в городской квартире, во всем доме весной запахнет!

В магазинах же ассортимент победнее, да и товар, несмотря на все ухищрения оформителей витрин, выглядит не столь аппетитно и ярко. К сожалению, это так. Фрукты и овощи — продукты нежные, скоропортящиеся, требуют бережного и, можно сказать, избирательного отношения. Хозяйке, которая собрала с грядки 2—3 ведра огурцов, надергала моркови, увязала пучки укропу — ей проще. Перезревший помидор себе на борщ оставила, картошку помельче — поросенку сварила. И на рынке она учитывает, диктует условия: с продуктами, которые и дома употребить можно, будет стоять до конца, а те, что могут пропасть, хоть за полцены отдаст.

Люди постарше помнят, что в овощных (давно уже, правда) регулярно торговали грибами и орехами, баклажанами и сладким перцем, вишней и смородиной, молодым горохом в стручках и чесноком. Куда шире был выбор варений, джемов, повидла, компотов, сушки, солений... С годами ассортимент, особенно летний, стал беднеть. Практически исчезли грибы и орехи, лесная да и садовая ягода, баклажаны и перец стали куда большей диковинкой, чем заморские бананы и апельсины.

Такое положение сложилось не вдруг, и одной из причин тому ведомственная разобщенность, когда выращиванием овощей занимались одни, хранением и переработкой— другие, а торговлей — третьи... И у каждого был свой план, свои цели, которые не всегда совпадали. После XXVI съезда партии и принятия Продовольственной программы положение стало меняться к лучшему. Вновь созданное Министерство плодоовощного хозяйства взяло в одни руки выращивание, переработку, хранение и продажу продукции. Правда, времени для коренных изменений прошло еще мало, делать глубокие обобщения рановато, но все же первый опыт, показав немало, бесспорно, положительных сторон, однако, задал и достаточно вопросов, которые надо решать.

Чтобы убедиться в этом, заглянем в одно из пригородных киевских хозяйств — совхоз «Бориспольский», который специализируется на производстве овощей, фруктов, молока. Его коллектив вот уже шесть лет подряд успешно выполняет и государственные планы и свои социалистические обязательства, продавая ежегодно 11—12 тысяч тонн овощей. Вполне естественно, что при создании новой организации обеспечения населения овощами и фруктами учитывалось многое из опыта именно таких хозяйств.

Овощеводы «Бориспольского» уже несколько лет поддерживали прямые связи с определенными киевскими магазинами, доставляя им свою продукцию прямо с поля на прилавок.

— Что же изменилось теперь? — спросил я у директора совхоза Николая Петровича Скоробогатого.

— Наш совхоз вошел в объединение «Киевплодоовощхоз». В результате и у меня и у директора базы или магазина — единое руководство. А находясь в одном ведомстве, быстрее и проще решать многие вопросы.

Существенным облегчением, по словам директора, стало то, что продукция теперь закупается на месте. Большое приемочное помещение, построенное шефами в совхозе, передано торговым организациям. Овощи и фрукты, завезенные сюда с поля, на месте принимаются представителем плодоовощторга.

— Теперь совхозные автомашины,— говорит Николай Петрович,— я не гоняю в город. Для них и здесь, на внутрихозяйственных перевозках, дел невпроворот.

Николай Петрович — хозяин цепкий. Шесть лет назад пришел он сюда с должности начальника районного управления сельского хозяйства, дела повел грамотно, расчетливо. Он и по образованию агроном-экономист. Хозяйничает, можно сказать, с открытыми глазами. В 1981 году совхоз, например, получил около миллиона рублей чистой прибыли. И, как человек, глубоко понимающий сложившуюся ситуацию, директор старается избегать категоричных суждений.

Скоробогатый, конечно, доволен, что сдает продукцию тут же, на месте. Но почему не всю, а только стандартную? А куда девать остальное? Скажем, перезревшие кабачки или желтые огурцы можно скормить коровам. А как быть со спелым помидором, который до магазина не довезешь, а если довезешь, то потечет на прилавке? Куда девать недотянувшие до стандарта яблоки, сливы, а их ведь набираются тонны и тонны? Ни в Киеве, ни вблизи него нет ни одного консервного завода, где этот нестандарт можно было бы переработать на пасту, соки, джемы, компоты, повидло... Есть в некоторых хозяйствах маломощные переработочные линии, но дай им бог со своим нестандартом справиться!

Положение с нестандартной продукцией волнует и работников торговли, но по-другому. Дело в том, что ежегодно, по сложившейся традиции, Совет Министров республики издает распоряжение, которым обязывает их закупать нестандартную продукцию и засчитывать ее в план заготовок. В результате несортовые помидоры, подгнивший картофель, битые яблоки и прочее все-таки вывозится на базы и в городские хранилища. А потом? Вот тут и начинается самое непонятное. Оказывается, закупочные цены на нестандартную продукцию есть, а розничных нет. Не существует в природе! И в хранилищах и холодильниках (которых еще не хватает), где должны сберегаться до будущей весны отборные продукты, начинается перевалка тысяч тонн подпорченных овощей и картофеля. Кое-что отбирается и идет в продажу как стандарт или перерабатывается на крахмал, пасту, а большая часть, пролежав до весны... возвращается по той же почти цене в колхозы и совхозы на корм скоту.

Сколько сил затрачивается понапрасну, отвлекается транспорт, загружаются хранилища, чтобы переместить тысячи тонн балласта из села в город, а потом из города в село... зато с записью в графе о выполнении плана заготовок. На этих операциях с нестандартом только «Киевплодоовощторг» ежегодно терпит убыток — около трех миллионов рублей.

Но вернемся в совхоз «Бориспольский». Его директор доволен, конечно, тем, что не надо гонять в город свои автомобили, когда они и в хозяйстве позарез нужны. Решение этой проблемы для него как гора с плеч. Но чувствуется, не договаривает чего-то Николай Петрович. Лишь однажды он вздохнул:

— В копеечку нам все это влетает...

И, слово за слово, выясняется следующее. Совхоз может сдавать одну и ту же продукцию, одного качества, в одно время... по двум различным ценам. Если сдает непосредственно в магазин — цена более высокая, а если на базу — значительно ниже. Экономическое оправдание этому есть, вернее, было: на базе овощи надо перегрузить, сохранить, подсортировать, что связано с дополнительными расходами. Такой порядок был заведен некогда для того, чтобы заинтересовать хозяйства в прямых связях с торговлей: завез с поля на прилавок — зелень более свежая, с нею никакой дополнительной работы, вот и получай высокую, приравненную к розничной цену, лишь за вычетом торговой скидки.

Ныне же все выращенное совхоз сдает на месте. Какая-то часть продукции идет на базы, а значительная доля — по-прежнему транзитом в магазин. Но весь расчет осуществляется по более низкой цене, ведь приемный пункт в совхозе — это передовая база торгующей организации.

— Только на овощах мы теряем за счет разницы в ценах около двухсот тысяч рублей,— вздыхает директор совхоза.

Запутанными и часто не соответствующими экономической целесообразности ценами недовольна как одна сторона, так и другая — и те, кто выращивает овощи и фрукты, и те, кто продает их.

«Постойте,— скажет читатель,— ведь теперь, как было сказано, весь зеленый конвейер от поля до магазина принадлежит одному ведомству!»

В общем, это так. Но знак вопроса в заголовке статьи не случаен. Это мне доходчиво объяснил директор плодоовощного комбината Ленинского района Киева А. А. Володин. Именно этот комбинат закупает и продает населению почти всю выращенную в совхозе продукцию. Анатолий Александрович сказал:

— Мы с Николаем Петровичем Скоробогатым дружим, сейчас хотя и в одном ведомстве состоим, но у него — своя бухгалтерия, а у меня — своя.

И директор комбината с обидой говорил о том, что весной Скоробогатый сумел сдать ему часть овощей по более высоким ценам. Но вообще-то Анатолия Александровича волнуют несоответствия иного порядка: когда закупочные цены значительно выше розничных.

Оказывается, и такие случаи на практике нередки, а вся торговля овощами вообще убыточна. Неизбежные убытки плодоовощекомбинатов компенсируются за счет государства.

— Конечно,— соглашается Анатолий Александрович,— мы должны закупить все, что выращено в совхозе. Но вот шел массовый сбор летней капусты. Через свои магазины больше того, что требовалось населению, мы реализовать не могли. Пришлось продать пятнадцать вагонов за пределы республики. Далеко на Север... Но если б та капуста, уже закупленная в совхозе, пропала на месте, экономически это было бы нам, торговле, выгоднее. Вот какое получается противоречие. Конечно, гноить продукт безнравственно, и на это мы не можем идти, но только как быть с экономикой?

Оказывается, и тут все дело в несовершенстве структуры цен.

— Вы, как корреспондент, спрашивали у Скоробогатого, почему он не выращивает сладкий перец, баклажаны?..

— Да... Он пояснил, что на их землях они плохо родятся.

Анатолий Александрович только иронически улыбнулся и перевел разговор на другую тему.

— Вы думаете, мне не хочется, чтобы в магазинах района продавались сухие грибы, орехи, лесная и садовая ягода, вишневое и абрикосовое варенье?.. Не думайте, что всего этого добра у нас стало меньше или что-то там перестало расти. Все дело в экономической выгоде или невыгоде. Вот пример. Сейчас мы закупили несколько тонн чеснока по два рубля за килограмм. Такова закупочная цена, она установлена не нами... А розничная его цена — рубль двадцать копеек. И ровно так же со многими другими продуктами. Розничные цены нам утверждает горисполком, и нередко — с большим запозданием. А закупки надо делать впрок, если будешь ждать да раздумывать — останешься ни с чем.

Ну ладно, с грибами да ягодами немного прояснилось. Одним невыгодно их сдавать по закупочной цене, которая не оправдывает усилий по сбору и выращиванию, а другим невыгодно закупать, по-

Фрагмент Янтарной комнаты (воссоздание) * **Янтарная комната в Царскосельском дворце** (живописное воссоздание) * **Янтарные шахматы. XVIII век * Янтарная шкатулка с Дионой. XVII век** (воссоздание).

«ХОРОША НАУКА ФИЗИКА!»

Друзья и соратники — академики С. П. Королев, И. В. Курчатов, М. В. Келдыш.

Фото Д. Переверзева

В эти дни И. В. Курчатову исполнилось бы восемьдесят лет, а прожил он всего пятьдесят семь.

Своими воспоминаниями с читателями «Огонька» делится доктор физико-математических наук, профессор, лауреат Ленинской и Государственной премий СССР И. Н. ГОЛОВИН, который близко знал Курчатова, работая с ним бок о бок почти двадцать лет, был его заместителем.

— Начну со стиля работы Игоря Васильевича. Ведь это не просто артистическое выражение «стиль». Стиль — это своего рода средство, с помощью которого человек претворяет задуманное в жизнь. А Курчатов за свою жизнь успел сделать очень много. Вспоминаю такой пример. 1933 год. Молодые Курчатов и Алиханов поднимают вопрос о необходимости сооружения в Ленинградском физтехе, где они работали, большого циклотрона. Но в Радиевом институте уже давно строили циклотрон с диаметром полюсов в один метр. Только установка эта что-то никак не вступит в строй: не ладится вакуум, непонятно ведет себя высокочастотный генератор, нейтронов все нет и нет. И Курчатов идет в Радиевый институт: ему необходимо понять, почему не работает циклотрон. Ведь он так нужен!

После лекций в Педагогическом институте и работы в своей лаборатории Курчатов спешит теперь на циклотрон. Он еще в коридоре, а сотрудники уже слышат, как он весело и энергично напевает:

— Куда ни поеду, куда ни пойду,
А к милой зайду на минутку...

И ночи напролет вместе со своим аспирантом М. Г. Мещеряковым разбирает, чистит и вновь собирает узлы циклотрона.

С приходом Курчатова в лаборатории сразу повеселело. «Не получается вакуум? Почему? Не знаете? Кто-нибудь да знает! Зовите специалиста с любого завода, из любого учреждения». Специалист приходил, объяснял, но видно, что сам он физики вакуума не понимает. «Поднимайте литературу!» — Курчатов заставляет читать, читает и думает сам. Прошла неделя, другая — появляется нужный вакуум. В лаборатории уже закрутился курчатовский вихрь. И днем, и ночью, в любой час он находит нужных специалистов, спрашивает, дает задания, проверяет...

Работы по проникновению в тайны материи прервала война. Курчатов немедленно пришел к своему старому другу А. П. Александрову — нынешнему президенту АН СССР, с которым еще десять лет назад они занимались диэлектриками в Ленинградском физтехе. «Поступаю в твое распоряжение,— сказал он,— посылай меня и моих сотрудников туда, где мы нужнее всего».

Анатолий Петрович Александров уже несколько лет работает по заданию морского флота. С первого дня войны он на Балтийском море, занимается обработкой кораблей для защиты от магнитных мин. Он уже испытал на себе и бомбежки с воздуха и преследования подводных лодок, но с успехом проводит корабли сквозь минные поля. Вскоре и Курчатов приступает к такой же службе в Севастополе. Военные моряки очень скоро наглядно убедились в важности этой работы и полюбили неутомимого профессора и его сотрудников. Работали вместе с минерами, разрабатывали методы траления. Конструкции мин, сбрасываемых немцами, все время менялись, поэтому приходилось быть в курсе всех минных новостей — участвовать во вскрытии мин. Из размагниченных Курчатовым и Александровым кораблей ни один не подорвался.

После окончания работ в Севастополе Курчатов, совершив по Черному морю переход в Поти — причем из трех транспортов, вышедших из Севастополя, два были потоплены немецкой авиацией,— окружным путем прибыл в Казань. В дороге он заболел сильнейшим воспалением легких. Игорь Васильевич встал с постели, обросший черной курчавой бородой, и заявил, что ножницы ее коснутся только после победы. Вскоре он уточнил это условие...

Наше правительство располагало информацией о том, что в Германии и Соединенных Штатах в обстановке особой секретности ведутся работы по созданию нового сверхмощного оружия.

11 февраля 1943 года Курчатов был назначен научным руководителем урановой проблемы — так она тогда называлась — и получил задание начать работы в Москве. Физики передавали друг другу волнующую новость: «Курчатов создает Урановый институт!»

На Курчатова правительством возложена большая ответственность, ему даны большие права. Называемых Курчатовым людей Государственный Комитет Обороны направляет к нему независимо от того, в армии они находятся или на заводах.

Правила наиболее тщательно подбирать людей строго придерживался Курчатов всегда. Он никогда не соглашался быстро создавать большие коллективы. Годы, затраченные им на подбор и воспитание талантливых ученых и инженеров, окупались последующим нарастающим темпом работ. Он никогда неоправданно не расходовал народные средства.

Если до войны расцвел талант Курчатова-экспериментатора, то в этот период он предстает перед нами как организатор науки невиданного масштаба. Игорь Васильевич полон неистощимой энергии. Окружающие изнемогают от «курчатовского» темпа работы, но сам он доступен для всех. К нему идут за помощью и советом. Он создает вокруг себя атмосферу творческого труда, требуя от каждого бескорыстного служения делу. Он беспощаден к честолюбцам, карьеристам, для которых стремление к личному успеху преобладает над всеми остальными качествами, трогательно заботится о честных тружениках от солдата и кочегара до генерала и академика. Увлекая всех своим отношением к делу, он признает только одно — взаимную помощь в общем движении к цели.

Рабочий день Курчатова кончался поздно ночью. Когда возникали неполадки и инженеры становились в тупик, не находя решения, Курчатов сам, вместе с рабочими и инженерами, разбирался в причинах.

Всю жизнь Курчатов брал на себя особо важное, трудное. «Делайте в работе, в жизни только самое главное,— говорил он молодым физикам.— Иначе второстепенное, хотя и нужное, легко заполнит всю вашу жизнь, возьмет все силы, и до главного вы не дойдете».

И еще я часто вспоминаю его фразу "Хороша наука физика! Только жизнь коротка».

тому что розничная цена еще ниже.

Непонятно другое. В разгар сезона (случается и так) огурцов да помидоров, кабачков да морковки в поле — навалом, а в магазине ими торгуют с перебоями. Такие факты с конкретными адресами легко отыскать в местных газетах. Их можно было бы отнести за счет нерасторопности отдельных работников. В любом деле можно найти какие-то огрехи. Но вот что трудно объяснить. Скажем, конец августа — начало сентября. Почти в каждом овощном магазине Киева продаются помидоры по 15 копеек за килограмм, а на рынке — рядом, в двух шагах, часто даже под одной крышей — ниже 80 копеек за килограмм цена на них не опускается.

Возможно, у кого-то есть лишние деньги, и ему пришла фантазия за ту же продукцию платить впятеро дороже. Но ведь в Киеве десятки рынков, их посещают сотни тысяч людей, и торговля овощами тут идет довольно бойко. Чтобы понять, почему так, надо взять в руки авоську и пойти в магазин за помидорами. В ближайшем их нет... А если есть, то еще только выгружают, если же выгрузили — продавец куда-то отлучился, сейчас будет... В иных магазинах — качество продукции «не то». Но вот все на месте, становитесь в конец длинного хвоста и — забудьте о времени.

Дело в том, что у продавца магазина всего две руки. В овощном же в горячую пору есть арбузы, дыни, виноград, яблоки и многое другое, вплоть до халвы и сахара. У магазина тоже свой план. И гораздо удобнее спокойно стоять возле контейнера с дынями, наблюдать, как покупатели сами выбирают товар и кладут на весы, гонять пальчиком костяшки счетов и получать деньги. Тонну дынь продал — пятьсот рублей к плану. Но чтобы выручить такую же сумму на помидорах или огурцах, надо продать их больше трех тонн, переместить туда-сюда гору ящиков. План-то учитывается в рублях, независимо от того, что продавалось — девятикопеечная грязная картошка или двухрублевая чистенькая парниковая продукция. И продавец вольно или невольно стремится наиболее рационально обеспечить плановые показатели.

Торговля овощами и фруктами в Киеве, как, впрочем, и в большинстве промышленных центров республики, в минувшем году заметно улучшилась. Об этом говорят не только возросшие показатели выполнения планов в рублях, но и, что более убедительно, прилавки магазинов. Однако целый ряд экономических, а кое-где и организационных неувязок ощутимо дает о себе знать. Например, как только овощные магазины были переподчинены Минплодоовощхозу, так городское управление торговли перестало выделять им фонды на упаковочную бумагу, кульки, холодильное оборудование и многие другие необходимые в торговле мелочи. Создание приемочных баз в совхозах и колхозах обнаружило острейшую нехватку сортировочных линий, моечных машин, погрузчиков и прочее.

Продовольственная программа рассчитана на многие годы, однако это не должно оправдывать затяжку решения назревших проблем. Многие из них требуют корректив уже сейчас, и чем это будет скорее сделано, тем лучше.

ПОДВИГ ЛЕНИНГРАДЦЕВ

Д. ПАВЛОВ,
бывший уполномоченный Государственного комитета обороны по обеспечению населения города и войск фронта продовольствием

Сентябрь 1941 года оказался в Ленинграде на редкость теплым, в садах и парках еще зеленела трава. Листья на деревьях горели яркими красками ранней осени. Но люди не замечали чудесных дней золотой поры. Не радость и спокойствие были у них на душе, а ненависть к врагу, который охватил город железным обручем. Крайне опасное положение сложилось на Колпинском направлении — немцы стремились с ходу взять Колпино и ворваться в Ленинград.

В один из таких тревожных дней я был у А. А. Жданова в Смольном: обсуждался вопрос о снижении норм питания. Неожиданно открылась дверь, и в кабинет вошел член Военного совета Ленинградского фронта А. А. Кузнецов.

— Я только что с передовой,— громко сказал он,— наступление немцев на Колпино остановлено. Рабочие Ижорского завода прямо из цехов пришли на помощь частям Красной Армии. Пришли в чем были — в куртках, пиджаках, пальто, да и вооружены чем попало. Но выстояли!

Жданов встал из-за стола, прошелся по кабинету и сказал:

— Это очень волнующая весть. Ведь рабочие по своей инициативе идут в смертельный бой, защищая не только свои дома, но и все дело революции! И, однако, этого мало. Блокада есть блокада. Наша задача — прорвать кольцо. А пока это не сделано, надо все силы бросить на увеличение завоза продовольствия, горючего и других грузов по Ладоге.

Стали обсуждать, как наладить доставку грузов через озеро, и пришли к выводу, что нужно незамедлительно послать хороших специалистов в Осиновец и Новую Ладогу для подготовки этих заброшенных пристаней к приему судов.

19 сентября Военный совет фронта возлагает руководство всеми работами в Осиновце и перевозками по озеру на члена Военного совета фронта адмирала И. С. Исакова. Это назначение было неожиданным и вызывало сомнения: сможет ли боевой флотоводец в короткий срок построить порт на пустынном берегу. Ведь нужно углублять дно озера у причалов, строить пирсы и узкоколейную дорогу от озера к основной магистрали, обеспечить укрытие продовольствия, горючего, боеприпасов от непогоды и вражеской авиации, наладить движение судов... Не лучше ли назначить хорошего строителя или опытного портовика? Но те, кто поручал И. С. Исакову эту нелегкую задачу, знали его характер, его упорство, верили в его способности.

Адмирал действовал решительно. Он поддерживал специалистов в их смелых начинаниях, подбадривал уставших рабочих, солдат и матросов. Ежедневно обходил территорию будущего порта, проверяя ход работ. Однажды ему доложили, что в бухтах Морье и Гольсмана есть списанные баржи, но если их подштопать, то можно использовать для перевозки грузов. Адмирал тут же осмотрел брошенные суда: они оказались полузатопленными, изрядно потрепанными и разбитыми. Требовалось много труда и времени для возврата их к жизни. Да и будут ли они надежны в бурных водах Ладоги? Сомнения, закрадывающиеся в душу, адмирал отбрасывает. Плавсредств для перевозки грузов было крайне мало, а порт без судов что мотор без горючего. Последовал приказ, короткий и строгий, и баржи восстановили. Начались работы, день и ночь выкачивали воду, меняли обшивку, конопатили. Вскоре три баржи были выведены на рейд и отправлены в Новую Ладогу за продовольствием.

В конце сентября, находясь в Осиновце, я зашел в домик, расположенный рядом с маяком,— здесь размещался штаб порта. За маленьким столом сидел адмирал Исаков. Он сосредоточенно рассматривал карту размещения зенитных орудий.

Энергичным движением руки он переставлял знаки установок пушек. Зная уязвимые места строящегося порта, принимал меры к их защите. Распоряжения адмирал отдавал ровным, сухим голосом. В часы налета авиации немцев, когда бомбы рвались вокруг домаштаба, вздымая фонтаны земли и щебня, Исаков сохранял ледяное спокойствие, ни один мускул у него не дрогнул. Наблюдая за боевыми действиями зенитных батарей, он не замечал грозящей опасности. И только, когда вражеский самолет, сраженный огнем артиллеристов, падал в озеро, у него на губах появлялась улыбка.

Много сделал адмирал, чтобы облегчить положение голодающих ленинградцев: по воде было доставлено двадцать пять тысяч тонн продовольствия и сотни тонн других грузов,— но вскоре ему пришлось вернуться к своим обязанностям флотоводца.

Шли дни. Время перевалило во вторую половину ноября. Свинцовые тучи низко висели над Ладогой, падал снег, на озере кое-где образовался хрупкий лед, ни проехать, ни пройти. И все же даже в этих невероятно тяжелых условиях моряки Ладожской флотилии, рискуя жизнью, пробивались через льды, доставляли осажденным продовольствие.

И все же продовольствия катастрофически не хватало: с 20 ноября пришлось уменьшить и без того ничтожную норму: две трети населения города стали получать по 125 граммов хлеба в день. А всего в осажденном городе ежедневно расходовалось 510 тонн муки.

Урезка пайка за короткий срок пагубно отразилась на здоровье людей. С каждым днем осажденные слабели. От истощения в ноябре умерло одиннадцать тысяч человек, на грани смерти находилось еще больше. Можно представить, что было бы с городом и людьми, если бы двадцать пять тысяч тонн продовольствия не удалось завезти в сентябре — ноябре. Этот хлеб дал возможность ленинградцам жить и бороться двадцать дней, а в условиях блокады это подвиг.

Проезжая по улицам Ленинграда, держа путь на Осиновец, я видел стоявших в очередях у магазинов исхудавших людей. Моросил дождь, с моря дул холодный, сырой ветер, пронизывая до костей. Но никто не покидал своего места, голод был мучительнее всех других страданий. Тяжело было на душе, возникала мысль: долго ли будут продолжаться мучения? Где предел человеческой выносливости? Дать ответ на эти вопросы даже самому себе я не мог. Но верил, как и все ленинградцы: хлеб будет, нужно терпение. Из пережитого могу подтвердить, что писатель, сказавший, что ни один врач не знает такого лекарства для усталого тела и измученной души, как надежда, тысячу раз прав. Лишись надежды, лишись веры в лучшее — и катастрофа тебя постигнет неизбежно.

Вскоре ударили морозы, но не настолько сильные, чтобы на озере образовался надежный лед: озеро то покрывалось льдом, то вновь вздымались волны.

Обычно спокойный начальник тыла фронта генерал Ф. Н. Лагунов нервничал. На него была возложена ответственность за устройство ледовой трассы, а то, что машины не выходили на лед, он воспринимал как личное упущение. Генерал почти ежедневно приезжал в Осиновец, чтобы убедиться, так ли уж ненадежен лед. Нет, проехать нельзя, слишком тонок зимний панцирь озера. И вот наконец долгожданная весть: подул северный ветер — и температура резко упала. Генерал спешит в Осиновец. Северный ветер яростно гнал свинцовые тучи на юг. Теперь скоро по озеру можно будет проехать, говорили поморы-рыбаки. Так и произошло. 22 ноября машины вышли на лед и одна за другой покатились на восточный берег Ладоги.

Прошло семь дней, и радостное настроение сменилось чувством озабоченности. За это время перевезли всего восемьсот тонн муки, то есть меньше двухдневной потребности. А причина была в крайне медленном обороте машин. Длина трассы по льду — тридцать километров, а машины находились в пути десять — двенадцать часов. Шоферы, не обладая опытом перевозок по ледяной пустыне, терялись в ее пространстве. Несколько машин затонуло в полыньях, часть застряла в промоинах.

Между тем хлеба в Ленинграде осталось всего на шесть дней. А. А. Жданов, А. А. Кузнецов, Ф. Н. Лагунов выезжают в Осиновец, желая лично разобраться в причинах срыва перевозок. Они беседуют с рабочими дороги, водителями машин, с офицерами различных подразделений, осматривают трассу.

Вернувшись в Ленинград, А. А. Жданов доложил Военному совету обстановку на озере. Было принято решение: имеющуюся в городе технику по очистке дорог от снега, тракторы, грейдеры, деревянные угольники перебросить на трассу, машины закрепить за определенными водителями, дорогу поделить на участки, ответственность за состояние пути возлагалась на дорожно-комендантскую службу.

Продовольствия начали завозить больше. И вот наступила незабываемая минута. Вечером 24 декабря Военный совет фронта принимает предложение Жданова — увеличить норму выдачи хлеба на сто граммов рабочим и на семьдесят пять всем остальным жителям Ленинграда. Члены Военного совета, руководители города знали, что нет никаких запасов и что при малейшей заминке в доставке продовольствия катастрофа неизбежна, и все же единогласно высказались за прибавку.

Военный совет и обком партии направили на Дорогу жизни несколько сот партийных и советских работников, где они личным примером трудолюбия, стойкости и отваги вели за собой многотысячную армию дорожников.

Для управления всеми службами на трассе назначается начальник фронтовой дороги генерал А. М. Шилов.

В это же время А. А. Жданов обращается с письмом к личному составу ледовой трассы. В обращении не скрывается, что осажденные терпят невероятные лишения и их судьба висит на волоске.

Пропускная способность дороги стала возрастать, со второй половины января на западный берег доставлялось 1500 тонн продуктов питания в день. В обратном направлении из Ленинграда вывозили женщин, детей, стариков. Как только они переезжали озеро и ступали на Большую землю, все получали горячую пищу.

В январе начальник дороги Шилов и я были в Кобоне — деревне, расположенной на восточном берегу озера. Здесь в небольшом домике размещали и кормили эвакуируемых, а затем после короткого отдыха отправляли дальше —

в глубь страны. Мы зашли в этот уютный дом посмотреть, как обслуживают прибывших ленинградцев.

За продолговатым, наспех сколоченным столом сидели, плотно прижавшись друг к другу, истощенные женщины и дети. У края стола сидели средних лет женщина и девочка лет шести-семи. Обе бледные, худые.

— Хлеб-то какой вкусный, а суп мясной,— сказала женщина, обращаясь к девочке.

— Мама, а завтра нам тоже дадут хлеб и суп?

— Дадут, Танюша, дадут.

Девочка улыбнулась и, радостная, прильнула к матери. У женщины на глазах выступили слезы. Из разговора с ней мы узнали, что она учительница, муж погиб под Лугой в июле 1941 года, старшая дочь умерла от голода в декабре.

— От горя и голода я стала болеть,— тихим голосом говорила учительница.— Умереть было не страшно, но у меня оставалась дочь,— она указала рукой на уткнувшуюся в ее платье девочку.

Со дня прибавки нормы хлеба прошел месяц упорнейшего труда, чрезвычайного напряжения нервов, духовных и физических сил. Шоферы, регулировщики, ремонтники, связисты приобрели опыт и уверенность в работе. В метели и морозы, в любое время суток машины шли бесконечной лентой по расчищенной, укатанной дороге. Перевозки грузов возросли. С 24 января вводятся новые, увеличенные нормы снабжения хлебом. Создавались запасы впрок, и не только продуктов питания, но и других материальных средств, нужных для борьбы города-крепости.

По зимней дороге из Ленинграда вывезли 514 тысяч истощенных людей.

Так Дорога жизни из тоненькой ниточки, связывающей осажденных с Большой землей, превратилась в мощную артерию, питавшую город и фронт. Она помогла выстоять и создать условия для прорыва блокады.

Поставленную Военным советом Ленинградского фронта задачу прорвать кольцо блокады, несмотря на огромные усилия, в течение осени сорок первого и всего сорок второго года выполнить не удалось. Лишь 12 января 1943 года войска Волховского и Ленинградского фронтов ударили с двух сторон по позициям неприятеля в самом узком месте — несколько южнее Ладожского озера.

Требовалось пройти всего двенадцать километров, чтобы части обоих фронтов соединились и принесли спасение многострадальному Ленинграду. Но какие это были километры! Густая сеть траншей со множеством огневых точек, каждый километр простреливается вдоль и поперек. Все подходы заминированы и окутаны колючей проволокой. Первая линия обороны противника — Тортолово, Гайтолово, Рабочий поселок № 8, Липки — представляла собой самую настоящую крепость с мощными укреплениями. В укрытиях замаскированы сотни орудий и пулеметных гнезд. Защищали опорные пункты отборные части фашистской 18-й армии.

И вот на этот огнедышащий вал пошли в атаку советские воины. Со стороны Волховского фронта — 2-я ударная армия под командованием В. З. Романовского, со стороны Ленинграда — 67-я армия под командованием М. П. Духанова. Первый удар нанесли артиллеристы. Залпы тысячи орудий сотрясали землю. Затем на штурм пошли танки и пехотные части. Каждый метр земли брался с бою. На самом трудном участке прорыва сражались бойцы 327-й дивизии. Они проявляли чудеса храбрости. Один солдат бросился на фашистский пулемет, другой взорвал гранатой себя вместе с десятком вражеских солдат, третий дополз под огнем до занятого врагом поселка, засел в крайнем доме и отбил несколько атак немецких подразделений. Да разве перечислишь все героические поступки солдат и офицеров, стремившихся прорвать железное кольцо блокады, помочь измученным ленинградцам!

К 14 января полоса между фронтами составляла уже четыре километра, а 16 января — один километр. Командующий немецкой армией Кюхлер отдал приказ стоять насмерть, и немецкие солдаты, выполняя приказ, оказывали упорное сопротивление. Однако близость желанной цели удесятеряла силы наших бойцов. И вот наконец незабываемый день — 18 января произошла встреча воинов Ленинградского и Волховского фронтов!

Шестнадцатимесячная блокада Ленинграда была прорвана. Освобождены от врага населенные пункты Марьино, Липки, станции Синявино, Подгорная, город Шлиссельбург.

Операцию по прорыву блокады блистательно провели командующий Ленинградским фронтом Л. А. Говоров и командующий Волховским фронтом К. А. Мерецков. А координацию действий двух фронтов успешно осуществили представители Ставки К. Е. Ворошилов и Г. К. Жуков.

Осадное кольцо было прорвано, но ширина пробитого коридора составляла лишь 8—11 километров. Немцы неоднократно предпринимали контратаки. Командир 227-й немецкой дивизии Скотти отдал приказ: «Восстановить утраченное! Через могилы — вперед!» Но неприятель ничего не смог сделать.

Вскоре на этой узкой полосе была проложена железная дорога, и по ней двинулись поезда с грузами для Ленинграда.

Прошли годы... Тысячи людей приезжают ежедневно на берег Ладожского озера посмотреть на легендарную Дорогу жизни. Эта дорога — не только озеро, но и шоссе, идущее от Ленинграда до Ладоги. Каждый ее километр отмечен небольшими гранитными обелисками. Но мне кажется, что этого мало. Надо, чтобы дорога была усажена деревьями в два-три ряда. Березы, липы, тополя, дубы своими зелеными кронами придали бы дороге нарядный, живой вид. Я уверен, что ленинградцы, пережившие блокаду, их дети и внуки с удовольствием взялись бы за это благородное дело. Дорога жизни — один из самых ярких памятников защитникам города Ленина — должна утопать в зелени.

Очередь за водой.

Зенитчики отражают налеты фашистской авиации.

На Невском проспекте.

Дорога жизни на Ладоге весной.

Ленинградцы приветствуют солдат-освободителей.

Прорыв вражеского кольца. Встреча воинов Волховского и Ленинградского фронтов.

Регулировщица движения у начала Ледовой трассы.

ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

Юлиан СЕМЕНОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

...Дослушав разговор кадровика с капитаном Друзовым, консультант управления Василий Грущин легко пробросил:

— Вы б порасспросили, что случилось... Саня Писарев мой институтский знакомец, он горяч и крут; когда его исключили из комсомола и института за неправильное поведение как комсорга, он такое натворил... Мы его с трудом спасли от ба-альшой беды... Сейчас его думали двигать на главрежа... Надо вовремя во всем разобраться... И, с другой стороны, талант не убережем — отвечать придется не перед кем-нибудь, перед собственной совестью...

А вернувшись к себе, он снял трубку телефона, набрал номер и сказал:

— Игорек, ты позвони завтра нашему кадровику, попроси его навести справки о том периоде, когда Саньку Писарева подставил его директор, Киреев, помнишь, этот деляга сгорел на левых концертах? Я готовлю для Саньки сюрприз, его двигают вверх, так что надо парня прикрыть, если кто-нибудь решит копать его белье... Да как не помнишь?! Это было в пятьдесят девятом, когда Киреев возил их группу на Абакан — Тайшет, его потом посадили за махинации на два года, а Санька год отмывался за чужие грехи... Пусть наш дед перепроверит, не висит ли еще что на нем: вовремя отбить товарища — святое дело... Да... Именно... Только на меня не ссылайся, все ж знают, что мы однокурсники, рука руку моет и все такое прочее... Да... Когда поужинаем? Нет, завтра закрыт... Давай в пятницу, святой день, в субботу похмелиться можно!

4

Писарев проснулся ровно в шесть, будто кто потряс его за плечо. Он проснулся счастливым, потому что ему показали хороший сон; это было у него четыре раза, когда он видел именно этот сон, и он считал это счастливым знамением, особенно еще потому, что сегодня было тринадцатое, а цифра эта была для него добрым знаком.

Ему виделось, как по васильковому лугу (оттого, что в нем было вкраплено несколько белых ромашек, синее было явственным, близким, слышимым, особенно когда налетал ветер; он был теплым, пахло полынью) бежали Васька и Димка. Они были маленькими еще; в руках у Василька был змей; Писарев не умел делать змеи, только помнил, как отец мастерил ему эти штуки, и еще он помнил ощущение прерванного дыхания, когда змей взмахнул из папиных рук и затрепетал в белом знойном небе, и вокруг него метались черные тире ласточек, которые приняли этого воздушного змея за большую беззлобную птицу, умеющую радоваться солнцу так же, как и они сами.

И каждый раз, когда Писареву показывали этот сон, он просыпался с ощущением счастья оттого, что научился мастерить змея, что отныне — что бы с ним ни случилось — он сможет дарить детям радость: на прозрачную бумагу, клей и палочки много денег не надо, даже если лишат телеэкрана и кино, зарплаты в театре хватит, ставку актерам повысили, сто семьдесят в месяц, чуть что не персоналка...

И действительно, каждый раз после того, как Писарев видел этот сон, его ждала удача.

Он потянулся за сигаретой, продолжая улыбаться, но потом вспомнил вчерашний вечер, когда вернулся в театр, и там уже никого не было, и он заказал разговор с Прикопьевыми в Гагре (у них всегда останавливалась Лида с мальчиками), и услыхал глухой Лидин голос, и сразу же представил себе ее заплаканное лицо, он до сих пор очень любил ее лицо, потому что все в ней изменилось, кроме лица, и поначалу долго не мог понять ее, потому что она повторяла одно и то же:

— Господи боже мой, господи, ну за что же, боже ты мой, за что?!

Он подавил в себе желание объяснить ей, отчего все это случилось, но понял, что этого сейчас нельзя говорить и не оттого, что не всякая правда нужна человеку, пожалуй что все ж таки всякая, только нужно точно знать время, угодное для того, чтобы ее открывать.

— Лида, не надо,— сказал он мягко.— Возьми себя в руки и объясни, что случилось. Меня вызывали в милицию, что-то рассказали, но я до сих пор не могу толком понять...

— Что ты не можешь понять?! Ну, что ты не можешь понять?! Я не хотела зависеть от тебя, ясно?! А мальчики очень тебя любят! И они хотят, чтобы ты с ними какое-то время жил в Москве в квартире. А куда мне деваться? Я мечтала купить себе половину какой-нибудь дачи, чтоб уезжать туда и быть там, непонятно разве?! Они сказали, что уйдут из дома, если я решу устроить свою жизнь! Отцам можно все, только матерям ничего нельзя!

— Лида...

— Что «Лида»?! Ну, что?! Дед подарил мне это колье, разве непонятно?! И это была моя надежда, единственная надежда! Мне сорок семь, жизнь прожита, у тебя дело, а у меня было одно дело — растить мальчиков, а теперь они выросли и им нужен ты, а что ж мне теперь делать?! Что?!

— Лида...

— Что «Лида»?! Что?!

— Эту штуку найдут, только ты не плачь, не рви сердце мальчикам...

— А мне можно?!

— Лида, не надо так... Я готов тебе помочь, чем только могу... Я завтра поговорю с Митей Степановым, у него много друзей в уголовном розыске, он позвонит, я обещаю тебе... Лида, пусть это будет самым большим горем в твоей жизни. Мальчики здоровы, это ведь главное... Представь себе только, если бы что-нибудь случилось с Васькой или Димкой, ты только представь себе на минуту...

Лида перестала плакать, долго сморкалась, потом спросила:

— Кому будет звонить Митька?

— Генералу Усову,— солгал Писарев,— это самый большой человек в розыске. Он завтра едет к нему с утра...

— Ты объясни Митьке, что я отдала эту проклятую штуку моей подруге, оттого что в магазине не брали на комиссию, только оценили...

— Неужели ты не могла откладывать каждый месяц из тех денег, что я тебе давал, на эту самую дачу?

— Ты на рынок ходишь? Так сходи посмотри, сколько стоит зелень! И позвони по объявлениям в газете, спроси, сколько стоит дача. Откладывая, я б ее смогла купить в девяносто лет!

Писарев засмеялся и услышал, что Лида тоже смеется сквозь слезы; на сердце у него полегчало; он увидел ее очень явственно, и сердце его сдавила жалость.

— Как у тебя с деньгами?— спросил он.— Что-нибудь осталось?

— Я одолжила у Любы.

— Сколько?

— Двести.

— Я достану... Я вышлю тебе телеграфом сегодня же... Дай мне, пожалуйста, мальчиков.

Они, видимо, стояли рядом с матерью, потому что он сразу же услыхал Васькин голос:

— Пася, ну как ты?

— Прекрасно, Вась! Мне дали театр!

— Да ну?!

— Честное слово!

— Значит, ты теперь худрук и главный режиссер?

— Выходит, так...

— И будешь ставить, что придумали?

— Да.

— Поздравляю, пася... А у мамы, видишь, что вышло...

— Как это произошло?

— Дине куклу сунули... Сверху деньги, а внутри бумага... Ты поможешь маме?

«Он считает, что я все могу,— подумал Писарев.— Но я ведь тоже считал папу всемогущим. Потому у отцов и рвутся сердца, что они не могут выполнить все желания детей».

— Конечно, помогу, Вась... Только ты объясни маме, что это быстро не делается. Милиция должна работать постепенно, чтобы не спугнуть вора... Это вопрос месяцев, а не дней. Постарайся успокоить маму...

— Хорошо, пася... Как ты себя чувствуешь?

— Прекрасно. Димка далеко не плавает?

— Я не позволяю...

— Он рядом?

Димка очень любил мать, к отцу относился особо, с каким-то недетским интересом; ревновал ко всем актрисам; больше всего любил животных, кормил всех собак и кошек во дворе; подбирал на улицах больных голубей, приносил их домой, лечил, потом отпускал; ворона, у которой было перебито крыло, прилетала потом на балкон месяца два кряду.

— Алё,— услыхал Писарев писклявый Димкин голос и представил его себе — толстого, конопатого, голубоглазого, маленького еще, а потому принадлежного ему телесно; потного, пахнет детством, если прижаться лицом к его шее; мальчик не любил этого, стыдился, можно было целовать его, только когда спал. Вася утешал отца: «Это пройдет, пася, я был таким же, правда, у него возраст такой, он только за маму боится, ты для него мужчина, он считает, что ты сильный, поэтому он и не беспокоится о тебе...»

— Димуля, как ты?

— Знаешь, у Джульки, соседской собаки, щенки открыли глаза на десятый день, это невероятно, я веду наблюдение, правда, не начал еще записывать в тетрадку, дядя Коля сказал, что катранов в море больше нет, но и барабуля тоже отчего-то перевелась, а в горах уже пошли грибы, дядя Коля обещал отвезти на мотоцикле, у него теперь «Ява» с коляской...

Он всегда выпаливал новости через запятую, словно боясь, что отец задаст вопрос, главный для него вопрос, и на него надо будет однозначно ответить...

Поди ж ты, пятнадцать лет, а уже выработал стратегию защиты от вопроса про развод, которого не по-детски страшился, не хотел про это слышать, заранее отталкивал от себя придуманной самообороной...

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1, 2.

Потом снова трубку взяла Лида, попросила прислать не двести, а триста рублей, и это, как ни странно, успокоило Писарева: все вернулось на круги своя; конечно, пришлет, как не прислать... Да, конечно, попросит Митьку поторопить, да, убежден, что найдут, главное, чтоб все было хорошо у мальчишек, да, перезвонит...

Писарев вздохнул, поднялся с дивана, пошел в ванную, долго чистил зубы, потом надел тренировочный костюм, который устроил ему Володя из спортмагазина, прекрасно гонит пот, очень теплый, чуть что не до ноября можно бегать, и отправился трусить от инфаркта... (В Одессе он снял в одном из подъездов табличку: «Трусить в подъездах воспрещается». Бабеля нет, а жаргон остался. Митька рассказывал, что в Японии известный переводчик, «знаток» русского, в одной из наших книг объявление «сорить воспрещается», вывешенное на танцплощадке, перетолмачил как «драться нельзя». Все очень просто, объяснил Митяй, «сорить» показалось японцу производным от слова «ссора»; а наш Пастернак, чтобы найти истинное значение пустячного слова (впрочем, есть ли такие?!), перелопачивал все британские словари и литературу по Шекспиру, только б понять истинный смысл, вложенный великим англичанином в эти строки, ибо коль слово само по себе безжизненно, то оно делается взрывоопасным, когда соседствует с другими словами.)

На улицах было пусто еще; только метро пульсирующе выбрасывало людей, которые работали в Боткинской; они начинали в семь и шли через скверик возле Беговой; Писарев ужасался тому, как много мужчин курили на ходу, чаще всего «гвоздики», раньше эти папиросы называли «Норд», потом переименовали на «Север», в то как раз время, когда в футболе старались избегать слова «тайм» и вместо этого Вадим Синявский, самый наш великий комментатор, говорил «период», очень, конечно, русское слово, не то, что космополитический «тайм»; тогда нельзя было говорить «форвард», лишь «нападающий»; только никак не могли придумать, чем заменить в боксе «брэк»; одно время пытались привить «разойтись», но это звучало, словно в фильмах про то, как царские жандармы разгоняли рабочие демонстрации.

...Воздух был р а н н и м, только в Москве бывает такой особый воздух в начале июля; когда Писарев пробегал мимо пешеходов, он особенно остро ощущал сухую горечь табака, и думал, какая же это гадость — курево, и клялся себе каждый раз, что с сегодняшнего дня завяжет, но возвращался в квартиру, залезал под душ, растирался докрасна шершавым полотенцем, ставил себе кофе, засыпал овсянку в кипящую воду, завтракал, и, составляя план дня, машинально закуривал, испытывая при этом острое чувство счастья и безвозрастности: раз курю — значит, еще не старый, все впереди...

Когда на висках и на лбу появился пот, Писарев отчего-то представил себя бегуном на дальнюю дистанцию — он еще не потерял способности видеть себя со стороны — и потрусил быстрее, а потом вдруг вспомнил, что завтра можно звонить к Кириллу Владимировичу, а послезавтра придет приказ из управления, и звенящая легкость родилась в нем, и он высоко подпрыгнул, вытянув над собою руку, и дотронулся до холодного кленового листа, и подумал, что только если человек не разучился верить и радоваться, он может прыгать, несмотря на то, что ему сорок восемь...

«В «Уроке политеса»,— подумал он,— сцена должна быть забита актерами. Каждый человек, а еще лучше каждая пара обязаны быть поначалу разобщенными; движения всех при определенной пластике пар вызовут ощущение хаоса. Организация гармонии, которая совсем не идентична понятию «порядок», станет тем фоном, на котором можно разыграть действо о традициях и новациях, о высоком смысле «пропорции», которая вовсе не обязательно берет свой отсчет из геометрии... Весь задник сцены должен быть организован узнаваемыми плакатами и объявлениями: «Запрещено рвать цветы», «Не разрешается ходить по газонам», «нельзя», «запрещено», «нет», «нет», «нет». Сколько еще таких объявлений, бог ты мой! И какая поразительная изобретательность, когда дело касается того, чтобы не позволить! Наш спектакль — бой этому бессердечию, порочащему величие наших идеалов. А какими должны быть костюмы? Каждая культура смогла, точнее, была обязана, сформировать свою собственную науку; этика — одна из ключевых позиций знания... Как же угодно проникновение этики в повседневность! Тогда объявления могли бы звучать иначе: «Спасибо, что вы не пошли по клумбе» или «Цветам тоже больно!». Костюмы актеров обязаны нести громадную идейную нагрузку, ибо они сколок истории культуры. За нею просматривается то, как было раньше, в череде веков, когда творчество угасало, ибо исчезновение данной конкретной культуры есть исчезновение созидающего ее творческого элемента; в моменты пика с и м в о л и с у т ь соединяются воедино; в годины спада остаются схемы, царствует безжизненность... Кто же сможет нарисовать нам эскизы декораций и костюмов так, чтобы через них проследить за-

кономерность развития? Надо разбить сцену на две половины... Антика, царство обнаженной натуры, философия статики, ясности, близости; и устремленность нашей культуры, нетерпеливый рывок в науку, то есть превращение бесконечности в конечность, подход к венцу знания. И это через костюм и задник сцены. Как? Не знаешь, Писарев, еще не знаешь...»

Он посмотрел на часы. Восемь. Степанов наверняка спит. Его вчера не было до двух. Пьет димедрол, вот счастливец, такое легкое снотворное... А вдруг сегодня вскочит раньше обычного и унесется?

«Надо придумать одну из декораций так, чтобы это была огромная доска в университетской аудитории. Пусть будет слышно, как крошится мелок, когда академик пишет формулы. Кадр в кино только тогда к а д р, когда в нем работает и первый план и пятый. Доска с формулами не просто формальный изыск... Если бы уговорить академика выйти на мизансцену и начать диалог с поэтом или режиссером?.. Экспромт как выражение таланта... Стихи Пушкина в альбомах... Талант расточителен, суверенен и сам назначает себе цену...»

Пробегая мимо длинного барака, где обосновалось строительно-монтажное управление, Писарев увидел возле двери бачок для питьевой воды; кружка была привязана к нему металлической цепью. В каждом хозяйственном магазине таких кружек полным-полно, и красная им цена сорок копеек.

«Можно было б при нашей любви к объявлениям вывесить табличку: «Спасибо, что вы не вор»,— подумал Писарев.— Впрочем, этично ли это? А с другой стороны, если каждый день какой-нибудь скот будет эту кружку уносить, начальнику придется платить из своего кармана рублей пятнадцать в месяц, все-таки деньги. А еще хуже, если станут вычитать деньги у уборщицы; хоть им позволяют совместительство, на трех работах некоторые вкалывают, больше инженера или врача получают, но ведь пол мести и окурки собирать не сахар... Вообще объявление может быть либо злобным надсмотрщиком, либо добрым воспитателем, наделенным чувством юмора... Разумное «можно» больше способствует воспитанию человека в человеке, нежели чем слепое и постоянное «нельзя»... Мы постоянно говорим про культуру поведения, а хамство тем не менее не убывает... Значит, неубедительно говорим. Надо опереться на науку и провести ряд бесед по телевидению, в которых бы ученые, в первую голову медики, доказали людям, что улыбка способствует продлению жизни, а хамство, резкость, рявканье делают больным, истериком не только тех, кого обижают, но и того, кто лает, вместо того чтобы говорить... Отчего у американцев во всех учреждениях на столе стоят таблички «смайл» — «улыбайся»? А оттого, надобно доказать с цифрами в руках, что хитрые американцы просчитали прямую выгоду для здоровья людей, следовательно, для богатства общества, они без выгоды ничего не делают, прагматики бездуховные, все на деньгу переводят...»

Навстречу Писареву шла девушка; видимо, она приехала не на метро, очередной пульсации пассажиров еще не было; она шла быстро, на тоненьких каблучках, стройная, словно козочка; Степанов свою дочку Дуню называет «Бемби», круглоглазая и стройненькая.

Писарев поймал себя на том, что прибавил шагу и поднял плечи, чтобы казаться более спортивным; девушка, словно бы поняв его, улыбнулась; а что, подумал Писарев, Татьяна говорила, что нынешние девушки к мужикам моего возраста относятся лучше, чем к сверстникам, те, говорила она, какие-то маниловы, нет борцовских качеств, хотя мускулы накачали, будто тарзаны; даже чахоточный, если он борец духом, более привлекателен для женщины, чем избалованный атлет...

— Алло, Митяй, ты спишь?
— Уже нет.
— Слушай, мне театр дали...
— Нет...
— Клянусь!
— Почему сразу не позвонил?
— Тебя до двух не было.
— А в три не мог?
— В три я спал.
— А я только начал заниматься любовью.
— Так уж светло было...
— Темнота — друг молодежи, а мы ж с тобой старики, доживаем последнее... Подожди, дай я закурю... Ты был в управлении?
— Да. Первый заместитель принял, Назаров... Завтра надо звонить, передадут приказ...
— Поздравляю, главный режиссер!
— Поздравляю, член худсовета...
— Уволь, я уж и так в двух числюсь.
— У меня будешь работать, а не числиться...
— Посмотрим.
— Слушай, приезжай в театр к десяти.
— Не могу, Сань. Я веду своего режиссера, гада, в бассейн «Москву». Подъезжай, а? Будем как римляне, все там и обсудим.
— Приеду. А потом ко мне, да?
— Решим.

Писарев опустил трубку и только тогда вспомнил: о Лидином деле так и не сказал; ничего, в бассейне расскажу, да и потом что Митька может? Ну, переговорит с кем, ну, попросит помочь, а разве и так не помогают? Капитан этот — прекрасный парень, только в России есть такие прозрачные люди, когда сам получает двести и нет в нем ненависти к тому, кто имеет в двадцать раз больше, сострадает, будто сам зарплату потерял... Конечно, дедушкино колье стоит деньги огромные, только эта потеря ничто в сравнении с той, когда дядя Алик потерял в сорок втором карточки на всю семью. Где было достать продуктовые карточки, черт?! Детскую и иждивенческую... Там так и было написано: «иждивенческая», прямо хоть и не отоваривайся, от стыда сгоришь... Бабушка была «иждивенка», а она ведь просто работать уж не могла, совсем старенькая, еле двигалась. Спроецировать слово на всю сцену... И на этом фоне с у м е т ь поставить пантомиму домашней работы, то есть по тогдашним понятиям иждивенческую... Или спроецировать на задник рабочую карточку, кажется, шестьсот граммов хлеба на нее давали, и на фоне этой карточки показать лабораторию с окнами, заклеенными крест-накрест бумагой, чтоб не выбило взрывной волной во время бомбежек, и работу мыслителя, человека в белом халате, который недвижим, ибо он думает. В каком же мы долгу перед людьми науки! А на фоне доски с формулами можно как раз дать образ труда рабочего, Сталинградский тракторный, когда возле входа в цех шел бой, а на выходе ремонтировали танки... Придумать бы чтонибудь про сварку... Это будет грандиозно: фонограмма боя и встык — рождение формулы сухой сварки... Черт, есть ли такая? Срочно, сегодня же позвонить в институт сварки... Красивое сочленение понятий: «сухая сварка»... Выборочность памяти, чертовски интересно... Я не мог придумать этой самой сварки, наверняка где-то слышал или читал... А почему запомнил? Неужели потому, что мой визит к Назарову был заложен в каком-то таинственном коде? Как это у Борева в «Анализе «Медного всадника»? «Внимательное чтение»? Он говорил мне, что академик Щерба рекомендовал студентам читать строфу Пушкина полгода, а то и год... «Только в этом случае,— говорил он,— вы сможете приблизиться к пониманию Пушкина, его гения...» А вообще-то страшно... Эдак можно подменить Пушкина своими видениями, а еще хуже — представлениями... А может, именно толкователь — гарант вечности? Не будь у Христа апостолов, его учение не дожило б до наших дней...»

Первый звонок раздался ровно в девять; Писарев был убежден, что звонит администратор Ирочка; звонила, конечно же, она.

— Александр Игоревич, сколько мы просили штатных единиц?
— А что? Звонили из управления?
— Нет, пожарники пришли, спрашивают, кто будет подписывать акт, у них тут много замечаний, а со мной говорить не хотят, интересуются, кто у нас есть штатный.
— Скажите, что я приеду...
— Нет, им главный режиссер не нужен, им директор нужен или заместитель.
— Заместителя нам пока не дают, Ирочка, а единицу директора мы делим на две: главный администратор, то есть вы, и главный художник...

Ирочка зажала трубку ладонью и начала ворковать с пожарниками; Писарев при этом быстро писал расписание на завтра: «9. 00 — Кирилл Владимирович; 9. 15 — звонок в АН СССР, Ин-т. сварки; 9.30 — Дом моделей, переговоры о костюмах; 9.45 — звонок или поездка в мастерские Худфонда, разговор о заднике и занавесе, утверждение эскизов...»

— Александр Игоревич, ни в какую...
— Давайте им трубку...

Ирочка сказала кому-то:

— С вами будет говорить главный режиссер театра, заслуженный артист Александр Писарев, пожалуйста...
— Здравствуйте,— услыхал Писарев низкий бас,— это лейтенант Жаворонков.
— Доброе утро, товарищ Жаворонков, что там у нас приключилось?
— А приключилось вот что, Александр Писаревич...—Жаворонков басисто откашлялся.— Мы акт подписать не можем, потому что нет у вас тут ни одного ответственного человека. Нам общественность только тогда нужна, когда мы нарушителей правил пожарной безопасности привлекаем. Так что придется склад опечатать...
— У нас есть решение исполкома, товарищ Жаворонков.
— Оно у вас есть. У нас его нету. Нас исполком и прислал... Так что мы своей печатью вас запечатаем, пока не будет уполномоченного подписать и принять ответственность...

«Тащить и не пущать,— вспомнил Писарев слова Щедрина.— А у нас начальников за это костят... При чем здесь бедные начальники?!»

— Товарищ Жаворонков, давайте сговоримся так... Я приеду вместе с начальником отдела нежилых помещений Лаптевым к семи часам; поговорим по-людски, все обсудим ладом, а? Потом я должен передать для вашего коллектива три билета на творческий вечер Андрея Митрохина, он очень хотел, чтобы лично вы пришли.

...В одиннадцать тридцать Писарев был в райплане — надо загодя обговорить все вопросы, связанные с выделением фондов на оцинкованное железо (крыша склада все-таки протекала во время ливневых дождей); а еще Ирочка сказала, что можно выбить стеклянные панели, это вообще прекрасно, свет на сцену падает с потолка, как в ателье хорошего художника («Или в хорошем ателье плохого художника»,— весело поправил себя Писарев), плановики отнеслись к просьбе нового главного режиссера доброжелательно, однако посетовали на бюрократию и попросили принести официальное письмо от строителей, которые бы гарантировали выполнение работы в плановый период; поехал к строителям, те узнали Писарева, долго жаловались на то, как мало выходит хороших фильмов, просили помочь достать томик Высоцкого, обещали посодействовать.

...Писарев поглядел на циферблат; на поездки он потратил уже три с половиной часа.

«Ну отчего же,— горестно подумал он,— проклятые буржуи так щедро оплачивают труд секретарей?! Почему профессор в университете имеет трех помощников? Что они там, добрее нас? Более щедрые? Да они задушатся из-за цента! Но ведь платят! Потому что просчитали: эксплуатируя г о л о в у того, кто может особенно полезно и продуктивно думать, они получат в мильон крат больше прибыли, чем сэкономят на тех грошах, которые затрачивают на оплату работы маленького штаба при том, кто изобретает, готовит лекцию, снимает фильм... Те часы, которые я потратил впустую, имеют товарную ценность... За это время я мог бы провести репетицию. Сто репетиций — спектакль; если спектакль удался, он будет приносить государству ежедневную прибыль в количестве примерно пятисот рублей; допустим, люди ходят на этот спектакль пять лет; пять спектаклей в месяц; спрашивается в задаче: сколько мы отдадим обществу денег?»

Писарев остановился, достал из кармана блокнотик, долго умножал, шепча при этом, сколько останется в уме, и сам даже удивился получившейся цифре — 150 000 рублей.

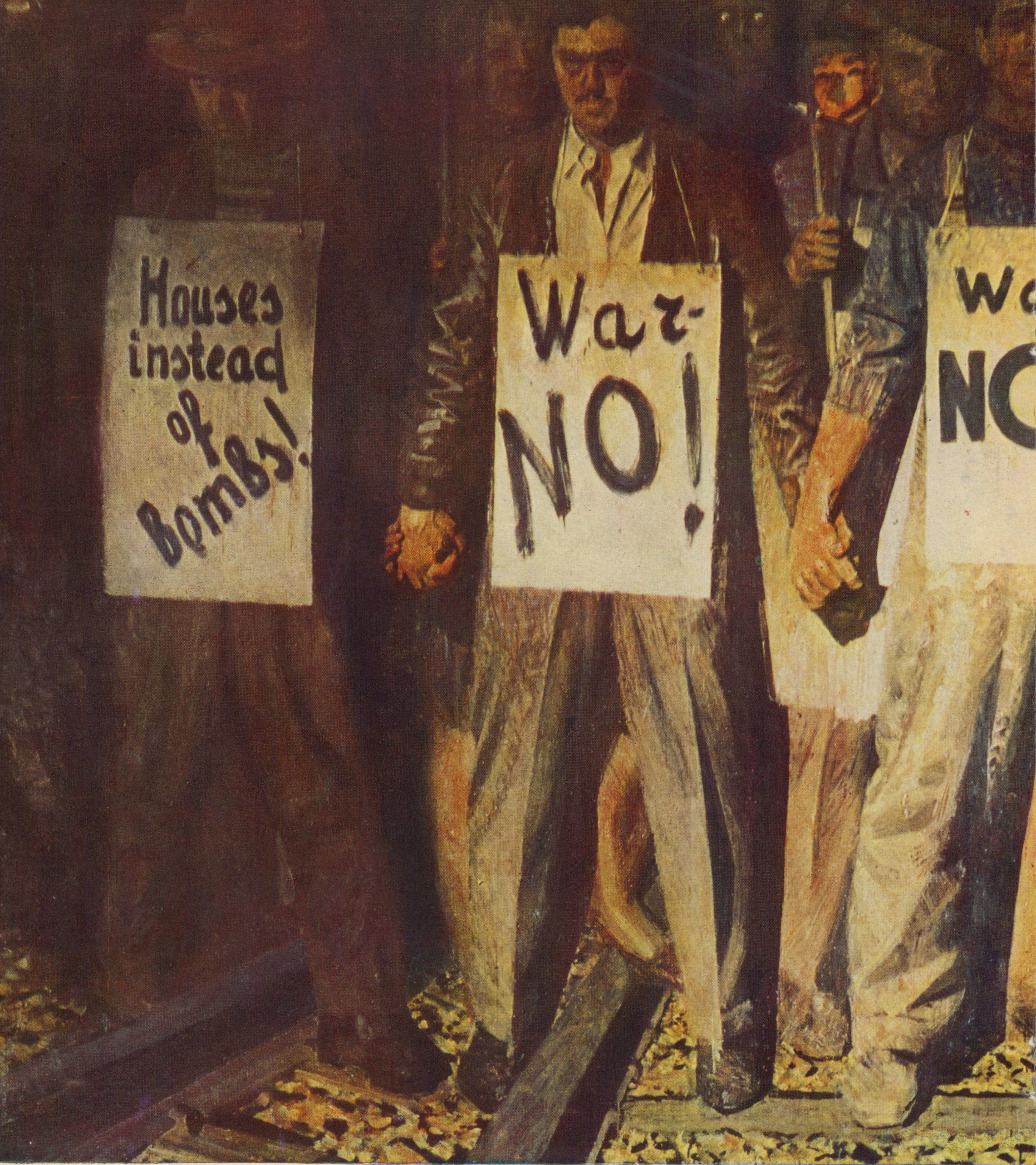
«Это мы, лицедеи,— горестно подумал Писарев.— А если такое просчитать на академиках?!»

Продолжение следует.

С. Григорьев. Род. 1918. НАТАША. 1948.

Выставка «50 лет МОСХ».

А. Китаев. Род. 1925. АРМИЯ МИРА. 1962—1982.

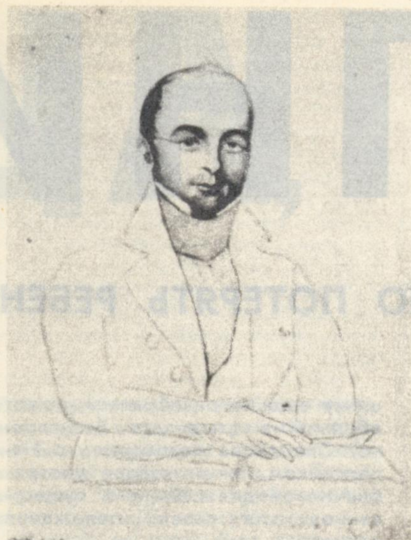

«Всесоюзная выставка «СССР — наша Родина».

Е. Широков. Род. 1931. В ИЮЛЕ. 1981.

«Всесоюзная выставка «СССР — наша Родина»

Портрет А. С. Грибоедова.

ПОСЛЕДНИЙ ПОРТРЕТ А. С. ГРИБОЕДОВА

Портрет знатной дамы.

Перед нами необычный портрет А. С. Грибоедова. Теперь в этом сомнений нет. А длились они, сомнения и поиски, почти тридцать лет. Вот что рассказала заведующая отделом искусств и культуры Музея искусств Грузии Ангелина Михайловна Григолия:

— Известно было, что эту черную акварель на поблекшей, типично восточной бумаге приобрела Национальная галерея Грузии у частного коллекционера, который, в свою очередь, купил ее тоже у частного лица в Баку. И было все это давно, до установления Советской власти в Грузии. Сегодня даже многие неспециалисты, посмотрев на рисунок, могут определить: это Грибоедов. Но для исследователя определения на глазок недостаточно. Мы начали сравнивать портрет с уже известными. Копия? Нет, оригинал. Причем с натуры: голова выписана тщательно, остальное контурно. Техника исполнения иранская, но чувствуется явно европейская выучка. Когда Грибоедова рисовали? Видимо, в последние годы жизни; может быть, даже в последний год или в последний месяц. Сильно поредевшая шевелюра несколько изменила известное по другим портретам выражение лица. Вспомним, как у Юрия Тынянова в его «Смерти Вазир-Мухтара» описана внешность Грибоедова незадолго до его гибели: «...И поднял на нее совсем чужое, не Сашино лицо: немолодое, с облезшими по вискам волосами и пронзительным взглядом».

Прошло много лет, и в запасниках музея был обнаружен сделанный точно на таком же листочке восточной бумаги и, несомненно, тем же художником портрет дамы. На обороте почти стертые эскизы карандашом: пожилая женщина, птицы, юноша в высокой иранской шапке и — о радость! — надпись на фарси: «Работа нижайшего художника Али». Так был установлен автор, нарисовавший и Грибоедова.

И все же беспокоил вопрос: как, когда и почему портрет попал в Баку? Если предположить, что портрет Грибоедова и знатной дамы (кто она, не установлено, но это не Нина Грибоедова) принадлежал самому Александру Сергеевичу или кому-либо из его окружения, то ведь известно, что все материалы, документы и вещи русской миссии в Тегеране были полностью уничтожены толпой фанатиков, ворвавшихся в посольство 30 января 1829 года. Ответ на этот вопрос мы нашли недавно в Таджикистане, в публикации А. М. Мухтарова («Известия отделения общественных наук АН Таджикской ССР») по поводу гребня Фатх Али, шаха иранского.

По словам преподавателя Душанбинского пединститута Мухаммеда Али Дадашева, этот высокохудожественный гребень работы исфаганских мастеров извлечен из его семейного архива, служил когда-то шаху расческой для бороды, но был подарен евнухом приближенному лицу Грибоедова — переводчику Дадашеву, чьим отдаленным потомком и является душанбинский преподаватель. А переводчик Дадашев был назначен Грибоедовым русским консулом в иранском городе Реште и незадолго до трагических событий в Тегеране отправил свою семью и вещи в Решт. Сам же погиб вместе с Грибоедовым. После его гибели семья была перевезена в Баку, где и сейчас живут некоторые его потомки. Вот откуда, надо думать, и гребень и, вполне вероятно, купленные в Баку работы «нижайшего художника Али».

И. МЕСХИ,
собкор «Огонька»

Тамара **ПОНОМАРЕВА**

ОТ МОЕГО ДО ТВОЕГО КРЫЛА

ДВЕ ЗВЕЗДЫ

Мы рядом друг с другом
прошли,
Друг друга лучами коснулись,
И душу друг другу сожгли,
И пеплом наутро проснулись.

С тех пор позывные летят,
Тревожа пустоты и земли,
Но холодно звезды глядят,
Вселенная зову не внемлет.

Бессмертная участь у нас,
И космос вращается в судьбах,
И просверки — в фокусах глаз,
И наше сияние в людях.

●

К утихнувшим вздохам моря
Летит, вся сверкая, звезда,
И гаснет в туманном просторе,
Исчезнув в мирах навсегда.
О это святое мгновенье,
Таинственное, как любовь!

Но море — второе пленение,
А звезды срываются вновь.
Я верю, что все относительно
На небе, земле и на дне,
Но разве не унизительно
Служить подножьем камней?
Ах, выбора нету для падших,
Покинувших небосвод.
Кто предал мир звездный
однажды,
Себе высоты не вернет.
А если и даже сумеет
Он выйти сухим из воды,
Назвать он себя не посмеет
По имени светлой звезды.

●

По степям скакали скифы,
Смерть несли народам
гунны,
Были, были, были мифы
На планете нашей лунной.

Эти смерчи, бури, смуты
Приходили, уходили.
В нас врывались волны круто,
За собой с Земли манили.

Биоритмы возвышали!
Мы в космических ракетах
Твердь орбиты разрушали,
Жаждали комет и света.

Этим и войдет в столетье
Эра атомная наша.
Мы — космические дети,
В нас вселенское бесстрашье.

●

Астральную астру и роз лепесток
Пущу по лучам за тобой
на восток.
Вручу я тебе всей Земли города,
Но белую ласточку я не отдам.

На голос мой вновь отзовется
звезда:
Она меня с детства учила летать.
Но тайну уроков предам я годам,
Лишь белую ласточку я не отдам.

О светоч очей, о горечь души!
Над нами суд вечность всесильно
вершит.
Клянусь этим дням и горячим
ночам,
Что белую ласточку я не отдам.

Ее вместе с жизнью вручила
судьба:
Парит и парит у высокого лба!
И снова трагично заметна во тьме,
Как черная память на белой зиме.

●

Откуда ты явился в космос
вьюжный?
(Я мир его земному предпочла!)
Двух белых птиц над пеленой
бездушной —
Зачем нас ночь полярная свела?

И было зыбким Севера сиянье,
И тишина над бездною плыла.
И сокращалось грозно расстоянье
От моего до твоего крыла.

ПРЕСТУПНИ

ИЛИ ПОВЕСТЬ О ТОМ, КАК МОЖНО ПОТЕРЯТЬ РЕБЕНКА

Альберт ЛИХАНОВ

2

Теперь они общались каждый день. И не только по делу, в главке. Каждый вечер, как к себе, Клава шла к знакомому и впрямь ставшему родным дому. Ей просто требовалось поразузнать подробности новой работы. В институте учат всему, кроме главного: как обращаться с людьми, как с ними разговаривать. К тому же на базу и впрямь обрушился настоящий шквал товаров. Требовалась разворотливость, четкость, от Клавы требовались новые черты характера, сама работа заставляла подобраться, быть сдержанной, деловитой. Не так-то это просто — из разговорчивой и мягкой сразу превратиться в суховатую и резкую. Но что делать? Этого требовала работа, иначе ни с чем не справишься, все завалишь. Клава чувствовала, как в бесконечных разговорах по телефону у нее непроизвольно возникают собачьи интонации той секретарши возле высокого кабинета. Товары получали магазины, а их директора и завы выкатывали Клаве столько хлопот, что человечность и понимание оказывались просто опасными свойствами характера — ничего себе, дела!

И вот Клава бежала к Наперснику. Советовалась.

Он был наверху блаженства! Вечера в его доме походили на институт усовершенствования. Клава узнавала бесчисленное множество подробностей, каких никогда и не слыхивала. Обучалась системе: завбазой — магазин, завбазой—заведующий отделом, трест, главк. Среди прочего Наперсник, конечно, научил Клаву многим важным вещам, без знания которых она бы, конечно же, зарылась, влезла в неприятности. Но первая ревизия прошла идеально. Клава боялась ее хуже пожара, но первая ревизия прошла замечательно, и вечером — в честь победы, в честь Наперсника, его бескорыстной помощи и дружбы — они распили бутылку шампанского, которую принесла Клава. Для нее первая победа означала еще и правильность пути, новую уверенность: она может нести колоссальную ответственность, может быть хозяйкой громадного состояния, может управлять людьми.

В тот вечер Клава почувствовала, что Наперсник тоже вздохнул с облегчением.

— Ну вот,— сказал он,— ты и выполнила обязательную программу, как в фигурном катании, знаешь?

— Теперь произвольную? — рассмеялась Клава.

— Вот именно,— посерьезнел Наперсник.—Произвольную. И даже выше того. Фигуристы свою произвольную программу ведь тоже заранее готовят, репетируют до совершенства. А ты должна выходить на лед и кататься с блеском и мастерством без всякой подготовки, исходя лишь только из предлагаемых обстоятельств. А это значит,— проговорил он многозначительно,— ты должна уметь все.

Они поговорили о том о сем, и вдруг Наперсник хлопнул себя по лбу:

— Совершенно забыл! А хотел сразу тебя обрадовать! Тебе выделена черная «Волга», представляешь? Будешь ездить, как министр. Вот такие дела. Такие права и обязанности.

На базе был и раньше так называемый завовский «Москвич»— пикап, но раз он был полугрузовой, на нем чаще перевозили какие-нибудь мелкие товары, и Клава пользовалась им только из крайней необходимости. Теперь «Волга»! На ней не станешь возить товары с железнодорожной станции. Значит, придется ездить самой.

Клава покраснела, стала благодарить, выходило, что Наперсник и тут всячески заботился о ней — укреплял ее авторитет.

— Н-нда,— проговорил он задумчиво и весьма откровенно,— черная «Волга» — и ты. Как думаешь, Диана, не приодеться ли тебе?

Клава снова вспыхнула. Еще бы, зарплата ее отличалась от прежней до неузнаваемости, плюс к тому всевозможные прибавки и премии, а она насела на работу, понятное, конечно, дело, но все же насела на работу и внешне ничем не отличается от кладовщиц или заведующих отделами, и вот опять укор дорогого и всевидящего Наперсника.

Он вышел из комнаты, вернулся, кинул перед Клавой пачку денег, перевязанную банковской полосатой лентой.

— Возьми у меня в долг,— проговорил он,— потом отдашь, и, пожалуйста,—Клава услышала раздражение,— приведи себя... в соответствие.

Кольнуло ли это ее? Пожалуй, нет. С ней возились, как с малым дитем, а от нее все никакого проку, все какая-то несообразительность, нерасторопность, инфантильность. А ведь от нее ждут уже зрелости во всем. Еще бы, черная «Волга» — и ее проходившееся пальтишко студенческой поры,— чем не инфантильность, раздражающая и глупая?

Клава взяла деньги, сложила их в сумочку. Они принялись за чай.

Как-то между прочим Наперсник сказал:

— Да, Дианочка, там вы получили болгарские дубленки, так к тебе завтра заедет секретарша одного человека,— он назвал фамилию,— отпусти парочку — женскую, сорок шестой размер, и мужскую, пятидесятый.

— Я же не имею права,—улыбнулась Клава, и ей тотчас стало стыдно.

— Знаю, знаю,—усмехнулся Наперсник.— Деньги они заплатят в магазине, а к тебе привезут записку и копию чека. Только надо оформить на тот магазин. Желательно тут же.— Он опять обаятельно улыбнулся.— Ну, а третью дубленку я тебе просто приказываю взять для себя! Когда-то еще будет завоз! Выберешь,— он говорил твердо, не допуская возражений,— оплатишь, как и те две, и завтра явишься к нам в обнове.

Клава явилась. Дубленка была роскошная. Отороченная мехом, с красивым пушистым воротником, она — это было ясно с первого взгляда — вознесла Клаву на какую-то новую духовную высоту. Красиво одетая красивая женщина — что может быть благородней, прекрасней, возвышенней? В конце концов блюсти достойный вид требовала от нее жизнь.

Клава полюбила смотреться в большое зеркало. Поглядывая в него с растущим чувством собственного достоинства, она радостно следила, как красотка в дубленке поднялась на изящные каблучки роскошных сапог, надела на голову мохнатую шапку из чернобурки, накинула на руку новомодную женскую сумку. Когда дубленка распахивалась, Клава любовалась прелестной костюмной двойкой — восемьдесят процентов чистой ангорской шерсти и лишь двадцать — синтетики.

Она наделала маленьких долгов, но ненадолго, зарплата позволяла ей одеться со вкусом, а тратиться ей было особенно не на что. Одним Клава страдала — и чем дальше, тем больше. Общежитием. Роскошно одетая женщина выходила из персональной черной «Волги» и открывала дверь общежития, надо же! Сначала это печалило ее, потом как-то незаметно стало угнетать, уничтожать.

Постепенно Клава научилась останавливать машину за квартал до общежития, потом идти неспешной походкой, оборачиваться по сторонам — нет ли знакомых глаз — и только потом браться за ручку двери общежития. Она уже чувствовала, что такое настоящий престиж, когда директор любого магазина вскакивает из-за стола, увидев тебя на пороге, когда шушукаются за спиной продавщицы: ведь все знают, какая у тебя сила.

С силой пока Клава по-настоящему еще не разобралась, но вот общежития стыдилась безусловно. Она снова поговорила с Наперсником, в разговоре употребив новое для себя, но существенное для своего положения слово.

— Неудобно! — сказала она довольно решительно, и Наперсник весело осклабился.

— Вот, вот,— согласился он,— неудобно, но мой тебе совет: не мелочись. Комнату я тебе хоть завтра раздобуду, еще хуже — однокомнатную квартиру. Почему хуже? Да потому, что ты там надолго застрянешь. Решай дело по-крупному,—присоветовал он,— выходи замуж и получай сразу двухкомнатную.

Клава даже задохнулась: ну и разговорчик! Ничего себе, выходи замуж — будто купи шубу. Мужей не меняют, просто так это не делается. Но Наперсник смотрел строго, кивал головой, потом, услышав несказанное, проговорил:

— Ты не ершись, подумай хорошенько и со мной согласишься.

Клава подумала, ведь Наперсник не давал пустых советов. Через четыре месяца, к весне, на свадьбе, которую справляла не столько Клава, сколько весь главк, ей с Павлом вручили ключи от двухкомнатной квартиры в доме, который вскоре сдавался.

Павел.

Наперсник любил повторять Клаве великую мудрость, что все в руках человека и этими своими руками он способен построить все, даже собственное счастье.

— Сильный человек,— говорил он,— может нелюбимое сделать любимым, отталкивающее — прекрасным.

И еще он повторял:

— Красота достойна уважения лишь тогда, когда она внутри человека.—Правда, он добавлял при этом: — Лучше, когда она еще и снаружи, но важней всего внутри.

Завершающая формула выглядела так:

— Сильный человек все может сделать собственными руками.— И повторял Мичурина: — Мы не можем ждать милостей от природы.

Раздумывая о себе, о своей семейной жизни, Клава вспоминала мать, вырастившую ее после ухода отца, и отца, которого видела трижды в жизни — молчаливым, угрюмым. У отца давно была другая семья, трое детей от второго брака, и он глядел на Клаву както исподлобья, хмуро, точно не на человека, а на свою вот так странно материализовавшуюся ошибку. Мать не требовала от него помощи, но он все-таки помогал нечастыми — к праздникам — переводами, и мать не уставала, хотя и беззлобно, комментировать отцовскую помощь.

ЦА,

У матери, похоже, не было мужчин после отца, по крайней мере не было серьезных попыток обзавестись новым мужем, и Клава выросла с верой в необязательность мужского присутствия.

Личный ее опыт был скромен, хотя и тосклив, до воя, до смертной тоски. В студотряде их группа работала неподалеку от политехников, и однажды после танцулек ее пошел провожать бородатый парень с гусарской выправкой, провожая, щекотал ей ухо бородой, смеялся, грубо тискал, и Клава, как дурочка, влюбилась. Недели через две, опять после танцев, они, как порой говорят, сошлись в лесочке, неподалеку от стройки. Назавтра политехник на танцах не появился, и кто-то из его приятелей сказал Клаве, что к нему приехала жена, тоже студентка.

— Теперь ему, поди, не до танцев,— усмехнулся приятель, вроде бы сочувствуя бородачу.

Клава тихонько ушла с танцев, убежала в лесок, тот самый, и до рассвета проревела. Потом успокоилась. Убиваться не стала, просто успокоилась, никому не сказав о своем приключении. Девчонки в институте на эту тему вообще рядили по-разному, и хоть карамзинская сентиментальность навеки останется в русской женщине, девчоночья болтовня не драматизировала и иного выхода, который бесславным по нашим временам не признавался. Выходил этакий странный коктейль, где зайтеливо смешивалась мечта о великой любви и девичьей непорочности с деловыми соображениями о том, каким флером прикрыть для будущего мужа его возможное разочарование в целомудрии жены.

Клава и сама не раз мучилась над этим. Но выдумать ничего не могла. Однако тогда была иная эпоха ее жизни. Как многие женщины, она ощущала себя пассивной частью мироздания, и ее судьба тогда полностью зависела от сильной личности.

Теперь сильной личностью становилась она сама.

Становилась?

Безусловно!

В торговле ничто не происходит бесследно. После тех трех дубленок к ней заявилась директорша магазина, вульгарно оштукатуренная крашеная блондинка, с которой Клава уже виделась, и вкрадчивым, лисьим голосом попросила кое-что из бабьего тряпья особого качества. Клава распорядилась выписать, но тут же выяснилось, что тот дефицит уже обещали другой торговой точке. Пришлось принять директора этого магазина, мужчину, выслушать его упреки и твердым голосом проговорить, что ожидавшиеся товары пока не поступили. Мужчину она утешила чем-то другим, кажется, костюмами. Клаве казалось, она справляется. Уступки и всякого свойства взаимные компенсации она считала доказательством такта и гибкости — без них в этой профессии не проживешь.

Со временем, позже, она научилась даже грубить, повышать голос. Странное дело, директора воспринимали это как должное и, кажется, ничуть не обижались.

Она становилась сильной личностью, а сильный человек, утверждал Наперсник, способен все сделать сам, собственными руками.

Даже построить счастье.

Прибавим к этому ее молодость.

Павла она увидела на улице вместе с одним из геологов-лауреатов. Геолог представил их друг другу. Каким он был, ее будущий муж? Единственное — высоким. Черты лица мягки и скорей женственны. Брови и ресницы светлые, оттого лицо выглядит добрым, только вот черные глаза сверлят двумя острыми буравчиками.

Она произвела на Павла сильное впечатление, их пути пересеклись совершенно в прямом, а не в переносном смысле слова: Клава шла в своем щегольском одеянии от подъезда главка к черной машине, а знакомый геолог и Павел шли по тротуару, и она пересекла им дорогу.

— Здравствуйте!

— А, здравствуйте!

— Как живете?

— Спасибо, потихоньку.

— Потихоньку — на этой машине?

— Что делать, приходится!

— Знакомьтесь, это Диана.

— Не Диана, а Клава. Диана — это богиня охоты.

— Которая теперь утверждена богиней торговли.

— Что вы! Заведующей базой.

Геолог пожаловался мимоходом, что, живя в северных краях, не может раздобыть приличной шапки не по спекулянтским ценам, и Клава решила щегольнуть, чуть щелкнув по носам этих двух рослых парней.

— Заходите,— сказала она лениво,— дам вам по шапке.

Они засмеялись. Потом зашли. Потом Павел пригласил ее в ресторан.

Нынешняя любовь скора на ногу. Павел сказал в ресторане, что поражен ее великолепием, раскованностью, умением руководить таким предприятием.

— Сколько там имущества? — спросил он.— На какую сумму?

Клава ответила, он закатил глаза, воскликнул:

— Танцую с миллионершей! Какое счастье!

На ухаживание ушло все-таки немало времени. Клава уже давно решила, что выйдет замуж за Павла, если он предложит ей это. Но он не торопился даже при больших общих скоростях. Они встречались, порой ужинали в ресторанах, но чаще сидели в кино или театре — Клава не давала ему провожать себя до общежития,— они встречались, даже целовались, но далее Павел не шел, и Клаву поражала его деликатность.

Однако она ошибалась. Это была не деликатность, а всего лишь нерешительность. Павел не решался, а Клава постановила про себя, что, пожалуй, возьмет, как сильный человек, дело в свои руки, построит семью собственными руками.

Павел был добрый парень, по характеру даже тюхтя, такой охотно согласится быть не ведущим, а ведомым, это важное обстоятельство в семейных делах, и она построит — отчего же не построить? — свое собственное счастье своими руками. Прибавим к этому объективное. Клава устала от общежития, устала от одиночества. И главное, что подстегивало, торопило,— рос разрыв между состоянием ее души, ее возможностями, и властью, и всем остальным — неустроенным каким-то, неимущим, временным образом ее жизни.

Ей хотелось постоянства, надежности, уверенности во всем — во всей своей жизни. Уверенность на работе и неуверенность в остальном — такое долго продолжаться не могло. Она подстегнула события. Сделала так, что Павел заревновал к ней, быстро предложил: выходи замуж.

Так вот, Павел. Конструктор на заводе, большее, чего он может добиться к глубокой старости,— две с половиной сотни, как главный конструктор проекта. Пока же он был всего лишь конструктор, но это Клава собиралась компенсировать собственной работой. Характер — тюхтя, несамостоятельный. Но и это Клава была готова компенсировать собой — своей энергией, своими новыми достоинствами. Любовь? У них, кажется, был намек на похожее, но что за беда, если это скоро кончится: мало ли людей прекрасно живут без любви. Не зря же говорится: человек сам кузнец своего счастья.

Они поженились.

Наперсник срочно раздобыл им квартиру под гарантийное письмо в хорошем, очень хорошем доме. Сильному человеку хотелось делать все быстро, даже немедленно, раз уж он сильный человек. Квартиру требовалось обставить — Клава быстро назанимала денег у знакомых завмагов. Ей давали охотно, даже как будто с благодарностью кто две, кто три, кто пять сотен. Один звонок Наперсника — и в квартире отличная мебель. Потом посуда — не хуже, чем у людей.

Всю жизнь помнить ей день рождения сына. Первая годовщина. Она вернулась из декрета на работу, там по-прежнему хорошо, с Павлом тоже все отлично, дом обставлен прекрасно. Теперь уже есть что показать жене Наперсника. До нее еще далеко, но все же.

Стол полон яств, теперь уже Клаве известно, как это делается: сними трубочку — и доставят все прямо на дом, в лучшем виде, свежайшее. Сверкает хрусталь, блистают бутылки.

Видите, она добилась всего, как и предсказывал Наперсник, все у нее замечательно, а главное — сынуля, сыночек, сын!

Почти три года, включая декретный отпуск, была уже Клава в своей высокой должности.

Какой она стала? Совсем другой. Даже разглядывая себя в большое зеркало — теперь у нее такое есть дома,— Клава признавалась тайком сама себе: да, совсем другая. Внешне — не девчонка, а женщина. Даже движения, утратив резкость, стали медлительные, спокойные. Лицо потеряло припухлость, стало строже, чуточку жестче, не поймешь, то ли перемены материнства, то ли характера.

Характер меняет работа, в этом Клава ни минуты не сомневалась, ведь самый лучший способ проверить любую истину — испробовать ее на себе.

Ей казалось, она движется вперед, набирается опыта. На самом деле она катилась к пропасти, по шажку, не очень заметно даже для себя, отступая от обязательных правил. Будто села играть в подкидного с друзьями, в шутку покрыла козыря младшей картой, никто не заметил этого или не захотел замечать — и пошлопоехало, уже не знаешь сама, когда сыграешь честно, а когда смухлюешь.

Чутьем Клава понимала, что стоит в начале цепочки, конца которой ей не видно, но это невидимое окончание и есть суть происходящего. Конечно, сознавать смысл своего дела должен каждый человек, и Клава прекрасно сознавала, что ее база — важная точка: перевалочный пункт от промышленности к покупателю. Каждый день, порой с утра до поздней ночи, чтобы поскорее освободить вагоны, грузовики, надсаживаясь, перевозили тяжелые контейнеры с одеждой, и база работала на пределе, боясь обсчитаться, сверяя реальное наличие с документами. Дальше товары раскладывались по полкам, развешивались на складах, и уже другие грузовики, согласно расписанию, развозили их по магазинам, к самолетам и другим вагонам. Суть дела проста: полученное распределить по торговым точкам, соблюдая справедливость, которая диктовалась вышестоящей организацией: кому, чего и сколько. База играла, так сказать, исполнительскую роль — всего-то. Правда, от четкости и честности ее работников зависела возможность или невозможность утруски-усушки. Зависело и еще одно, немаловажное: возможность замены артикулов, сортов, иначе говоря, одно и то же название товара могло выглядеть совершенно иначе. Кофточки одни назывались кофточками точно так же, как и кофточки совсем другие — иного фасона, качества и производства. Ну, а потом на базе всегда можно создавать излишки. Выполнили план, а тут подоспел дефицит, и дефицит этот можно приберечь на, так сказать, черный день, когда торговля будет отставать из-за отсутствия хороших товаров. Есть, одним словом, законная возможность для маневров.

За эту законную возможность, знала Клава, и уважают ее — не столько ее, сколько должность.

Нет, она не видела конца цепочки, не знала, что там делается, в магазинах, ни разу не встречала ни одного спекулянта, но понимала: когда дает партию дефицита той вульгарно крашеной блондинке, этот дефицит на прилавке не появляется. Такие дела. И она, Клавдия Пахомова, двигая, как шахматными фигурами, партиями дефицита, движет людьми, создавая или не создавая возможности. Стоит, так сказать, на пульте. На важном месте.

Напрасно думать, будто люди очень уж маются, совершив первый грех. То есть, конечно, маются, не могут не маяться, если вышло глупо, нечаянно, сгоряча, неожиданно. И в каких-то других материях. Когда же человек ожидает, готовится, предполагает свой грех — падение безболезненно, даже приятно.

Разве Клава не понимала, отку-

да дует ветер, когда все та же крашеная блондинка заскочила к ней на базу во время обеда, сказала, поболтать, а сама принялась разворачивать свертки и сверточки со всякой обалденной снедью: паштеты, икра, рыбка такая, рыбка сякая, бутылка дорогущего коньяка, еды было на роту, а они только чуть поклевали, и Клава остаток потом унесла домой. Просто так, конечно, бесплатно.

Размалеванная блондинка вызывала у нее когда-то неприязнь, теперь стала закадычной подружкой, и когда Клава заняла у нее пятьсот на благоустройство квартиры, та шепнула ей на празднике — и новоселья и годовщины сыночка: «Те деньги — мой тебе подарок!»

Клава сопротивлялась вяло, быстро согласилась. Про себя же подумала то ли с горечью, то ли с презрением и к ней и к себе: «Вот и признание!»

Круг подружек и друзей расширялся медленно, осторожно, но уверенно, и почти всегда соединял их как бы невзначай, случайно Наперсник. Клава не была его тенью, вовсе нет, она становилась самостоятельной, многое решала сама, но никогда не перечила ему, никогда не сомневалась в его просьбах, поручениях или приказаниях, и все шло гладко. База не занималась продажей, Клава не имела дел с деньгами, заведующие отделами и кладовщики поощрялись ею, имели большие возможности по части получения дефицита, за это почти каждый держал собственный уровень связей и контактов в деловом мире, доставал хорошие продукты, словом, жил неплохо и дорожил этой своей жизнью.

На собраниях Клава неустанно повторяла одну важнейшую мысль: если человек, работающий на базе, лично — это слово требовало особого ударения — будет замечен в спекуляции, его немедленно удалят с базы.

— Мы должны беречь нашу честь! — внушала Клава нравственную истину, строго оглядывая послушные, согласные с ней лица ее сотрудников.

Теперь про семью.

Все было, как и спланировала Клава, но все и не так. Павел оказался мямлей, как она ожидала, но мямлей требовательной. Он любил вкусно поесть, полежать на диване у телевизора, ворчал, что телевизор не цветной. Клавин муж владел психологией прицепного вагона, и ей часто приходила в голову мысль, что если она умрет или с ней что-то случится, Павел тут же найдет другой электровоз. Иначе он остановится, остынет и погибнет. Таким манером его воспитали родители, люди энергичные, с кулацкими замашками — они жили в сельце, неподалеку от города,— только вот Павел вышел совсем не в них.

В сельце, у родителей Павла, Клава, конечно, бывала, и не раз, летом здешнее хозяйство напоминало ей Кубань и материн огород. Отношения с родителями складывались поверхностно, без вложения чувств: Клава так уставала от базы, что здесь старалась отключиться полностью, наблюдать жизнь как-то со стороны. Даже ночью, во сне, и, может быть, именно и прежде всего ночью, ей виделись реальные ее недоделки — на том-то складе залежалось вот то-то, а в том-то отделе нет совершенно никаких запасов. Клавины сны были продолжением ее работы — ей никогда не снилось возможное или прошедшее, а только реальное, так что, приезжая к родным Павла, она точно приезжала увидеть во сне свои недоработки и по утрам делала пометки в записной книжке.

Потом они уезжали. Мир родителей мужа, понятый ею однажды, так и остался не глубоко изведанным. К чему ей это было тогда?

Скорей уж Павел — изведать следовало его.

Любил ли он Леню? По-мужски, наверное, любил, но больше всего любил себя — лежал без конца на диване перед телевизором, пять раз за вечер повторял, что это не цветной, ходил за Леней в садик с охами и ахами, так что Клава — хорошо, что есть машина,— забирала сына сама: малыш любил кататься.

Все в доме делала она сама. Отвозила Ленечку в сад, привозила багажник продуктов, вечером готовила, прибиралась, а Павел все лежал. Требовал телевизор, точно маленький.

Телевизор Клава купила, вызвав ребячий восторг мужа. Его вообще восхищало Клавино всемогущество. Порой он встречал ее с лицом таинственным и счастливым. Клава уже знала, что к чему. Проходила в комнату, видела стол, полный яств, блеск хрусталя.

— От кого? — спрашивала она, устало раздевая Ленечку.

Он называл:

— От Марии Ивановны,— это та, блондинка.

— От Орлова.

Павел радовался, как мальчишка, восхищался женой, а Клава вздыхала, не испытывая никаких чувств — ни стыда, ни радости.

Потом они усаживались за стол с неслучайными дарами, чокались, Клава помаленьку веселела, глядя, как ест Павел — с аппетитом, даже с азартом, будто не северянин, а грузинский гурман, и не раз думала, усмехаясь про себя: почему же Павел никогда не спросит: за что такие дары? Почему? Платит ли Клава деньги за эти подношения?

Муж ел, ничего не спрашивая, Клава успокаивалась, думая, что, видно, такой уж нынче век на дворе, все переменилось: погода, ценности, роли. Муж лежит на диване, а кормит семью жена, сильная, уважаемая личность.

Порой не муж с женой, а Клава с Павлом выходили в «свет», появлялись у Наперсника праздничными вечерами. Отношения между Клавой и ее учителем сильно переменились, ученичество давно закончилось, и они дружили теперь на равных: Наперсник никогда не позволял себе больше открытых нравоучений, большее, что он мог, так это повторять многозначительно: «Вот видишь?» Клава благодарно прикрывала глаза, соглашаясь, утверждая, что да, она видит, как глубоко прав был когда-то Наперсник, и способная ученица все помнит, все понимает и все готова исполнить, как ее попросят. На вечеринках у Наперсника между ним и Клавой тоже возникало бессловесное понимание — говоря о чем-нибудь ином, они время от времени бросали взгляды на своих ближайших, он — на рыхлую жену, она — на Павла, перехватывали взгляды друг друга, смотрели друг другу в глаза и отыскивали там постоянное: снисходительное взаимное понимание тяжести своей обузы.

Да, дом требовал от Клавы все новых расходов, не зря же говорил Маркс: бытие определяет сознание. Бытие Павла было достаточно высоким: поев однажды нежно-розовой семги, хочется съесть ее еще раз. Впрочем, Клава и сама отвыкла отказывать себе хоть в чем-нибудь. Кроме еды высокого класса, она теперь всегда модно одевалась, проявляя тонкий вкус и подробное знание импорта. К тому же появилось много доброхотов: один предлагает обувь, другая — дорогие безделушки, а там, глядишь, завезли немецкий фарфор.

Денег не хватало, и хотя пятеро — семеро особо доверенных друзей из директорского славного корпуса подкидывали теперь Клаве по сотне-полторы каждый месяц, если не деньгами в деликатных конвертиках, то чем-нибудь другим — ей все не хватало.

И тогда к ней снова пришла крашеная блондинка.

Притворив дверь, попросив Клаву закрыть дверь на ключ — такого еще не бывало,— подруга Маша предложила крупный фрахт. Появился, сказала она, ее старый друг, фамилия роли не играет, южных кровей. Южный друг разведал, что Москва выделяет северу большую партию дубленок. Из каждых пяти, которые попадут ему по госцене через Машин магазин, доходы от одной, проданной по ценам свободного рынка, он будет вручать Клаве.

«Так,— спокойно сосредоточилась Клава,— пахнет сговором».

— А сколько цен дают на вольном рынке? — спросила она.

— Зависит от сметки мастера,— деловито ответила Маша.— Как минимум, коэффициент — один и восемь. Порой два. Бывает два с половиной.

— Две с половиной госцены?— удивилась Клава и сама поразилась собственным своим до конца еще не изведанным возможностям.

Она не ответила сразу блондинке Маше. Просила время — обдумать, сообразить. Требовалось разрешение Наперсника. А значит, его участие. Но такие вещи не обсуждают вслух. По крайней мере на этом уровне. Так что Клаве действительно требовалось обдумать, в какой форме — не явной, но достаточно прозрачной — обратиться к Наперснику. Помогла все та же Маша. Написала примитивную докладную: в связи с большой потребностью геологов, поисковиков, экспедиторов прошу увеличить количество утепленных верхних изделий,— ничего себе, формулировочка! Сначала подмахнула Клава. Потом Наперсник, но с существенной оговоркой: «в случае появления возможностей». Не уцепишь.

Они посмотрели друг другу в глаза — учитель и ученица. Приписка Наперсника означала для него стопроцентную страховку. Все возлагалось на Клаву. Какую она найдет возможность? Найдет — пожалуйста, почему же не утеплить геологов, поисковиков, экспедиторов?

Клава глядела Наперснику в глаза и понимала: вот уж действительно он выпускает ее на произвольную программу, как у фигуристов.

Дубленки пришли, большая партия, сверху хотели помочь основательно. Только кто же будет таскать такие роскошные шубки? Жалко, в них по театрам, а не по трассам надо бы!

За первые пять дубленок Клава с Машей получили по триста. Как сказала блондинка, без вычетов. Сумму, причитавшуюся Наперснику, Клава положила в сейф. Подмахнула документы на отправку в Машин магазин целой партии — пятьдесят штук, тридцать из них надо было продать через прилавок.

Партия дефицита оказалась действительно велика, Клава раскидывала по тридцать — пятьдесят во многие магазины, звонили из треста, из главка, раза три звонил Наперсник, обеспечивал кое-кого. Клава успокоилась: в этой бурной торговле, вызванной завозом, два десятка левых, оформленных законно, никто не заметит.

Не заметили. Пожадничал южный друг. Получив пятую партию, забрал все дубленки сразу, набил ими несколько мешков, загрузил в такси.

Замели его в поезде, и, деля свою пайку на троих, он раскололся.

Деньги у Клавы нашли прямо в сейфе. Ее долю и долю Наперсника. Про учителя она, конечно, промолчала, и все повисло на ней.

Пожалуй, только через год Клава стала замечать жизнь. Увидела снова небо, набухшие почки, услышала шорох дождя.

Следствие, суд, грузовик с решеткой и скользкие — всегда скользкие — железные ступеньки в этот грузовик, лица людей, разглядывающих ее, лицо Павла и даже личико Ленечки — все сплавилось в какой-то один долгий, сводящий с ума кошмар — полусон, полубред, полуявь...

Через год после того, как с ней разговаривали на эту тему, Клаве окончательно сообщили, что развод, возбужденный по инициативе Павла, оформлен.

Она усмехнулась и вдруг снова увидела жизнь—небо, почки, снова услышала шум дождя.

Она поняла, что у нее теперь ничего нет, кроме вот этой жизни с ее простыми звуками. И что единственная ценность из прошлого, которую никому не удастся у нее отнять,— сын, Ленечка.

Клава написала Павлу письмо. Оно заняло половину странички, от силы. Писать было нечего, кроме одного: как сын? Что бы там ни случилось, но мать имеет право знать о нем — о его здоровье, учебе, ведь уже без нее он пошел в школу.

Видно, сознание человека устроено так, что грех свой, дурное, будто какую опухоль, он из сознания старается как бы изъять. Не забыть, нет, забыть грех невозможно, а вот именно что изъять. Будто бы страшное, что произошло с тобой, было вовсе не с тобой, а с кем-то еще, хорошо известным, близким, но не с тобой. И это страшное тебя не касается — твоей души, твоего будущего, вообще тебя. Оно присутствует где-то вообще, не мешая жить. Так устроена психика. Потому что, если помнить без конца об этом, голова не выдержит, сойдешь с ума. Бывает и так, ясное дело, но чаще все же человек осужденный живет по инер-

ции хорошего в своей душе, плохое точно бы пропускается, не желая, чтобы о нем помнили. Это, если говорить о внутренней жизни.

Конечно, грех греху рознь, есть такие, что никакой жизни, страх и мука преследуют каждый миг, но известно и такое: даже убийца про себя как про убийцу не думает. То ли прикидывается, то ли на самом деле так — страшное свое деяние из себя выбрасывает. Не зря же Достоевский еще заметил: убийцы чаще всего слезливы, сентиментальны, себя жалеют.

В Клавином сознании ее грех отсутствовал.

При разговорах, ясное дело, она объясняла, что сидит за взятку, статья такая-то, а душа ее вынашивала будущую, почти святую жизнь. Она работает почтальоншей, разносит газеты и письма в каком-нибудь городке, живет в маленькой комнатушке, и светлая бедность ее посвящается единственному в жизни — милому Ленечке.

Он растет чистым, честным, и Клава всю свою жизнь кладет ему под ноги, только чтоб вырос настоящим, достойным, красивым человеком. Если можно было бы уйти в монастырь и туда бы пускали с детьми, она бы ушла не задумываясь, чтобы скромной жизнью, тишиной, тихой просьбой к чему-то извечному замолить свой грех и обеспечить безгреховность Ленечки.

Но таких монастырей не бывает. Что ж! Бедная скромность — вот идеал, который она выбирает. Истина в этом. Уж ей ли не знать?

Мебель, тряпки, хрусталь, жратва — да это ли цель жизни и высшая правда? Нет! Правда в простоте и ясности.

Простоту Клава понимала совершенно конкретно, ясность — довольно туманно. Бедно жить в конце концов не так и трудно, но какой целью означить конец жизни?

Ленечкой.

Умом Клава понимала, что Ленечка когда-нибудь вырастет и мать не станет нужна ему, как прежде. Но это далекое было слишком далеко.

Пока Клава ждала письма.

Но его все не было.

Написала снова. И опять не получила ответа.

Поверить было трудно, даже невозможно: за что такая жестокость? Ну ладно, Павел стыдится ее, развод — его святое право, кто осудит мужика? Но не ответить на письмо? Не написать про сына? Разве же не для Павла старалась она?

Человеческой неблагодарностью Клава не поражалась. Тут, за колючей проволокой, в вузе под названием «места заключения», наслышалась она всякого, и почти в каждой драме главным действующим лицом была эта самая человеческая неблагодарность. Женщины попадали сюда по разным причинам, и большинство одиночек, но немногие из замужних разводились здесь: мужчины ждать не хотели или стыдились жен-преступниц.

Женщины вели себя по-разному. Встречались истерички, иные плюнули на себя, опустились. Третьи, среди них и Клава, работали истово, верили в возвращение, старались освободиться досрочно — за исправное поведение и хорошую работу.

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЯРОСЛАВА СМЕЛЯКОВА

ЖИВОЙ ЛИК РОССИИ

Ведь мы-то совсем не в салонах историю нашу творим.

Ярослав Смеляков

Каждая из эпох, пройденных человечеством за многовековую историю, имеет свой неповторимый лик. Ныне, в конце нашего стремительного космического века, особенно очевидно всемирное значение грандиозных революционных свершений России в мятежные осенние дни семнадцатого года.

Отечественная литература была призвана совершить активное, художественно-новаторское вторжение в этот новый мир, запечатлеть неповторимый его лик: для нас — современников, и еще более для тех, кому счастливо доведется в будущем принять на свои плечи радостную многотрудную заботу дальнейшего социалистического обновления современного мира. Ведь каждое новое поколение становится со временем памятным звеном единой духовной цепи нашей истории, нашей государственности:

И современники и тени
в тиши беседуют со мной.
Острее стало ощущенье
шагов Истории самой...

Более тридцати лет Ярослав Смеляков прекрасно и дерзновенно работал в русской литературе. Именно прекрасно и дерзновенно. Вслушайтесь в мужественные строки, написанные поэтом в предгрозовом сороковом году. Давно стали историей события тех далеких дней, а стихи... Наполненные любовью к России, они и сегодня удивительно современны:

Если я заболею,
к врачам обращаться не стану.
Обращаюсь к друзьям
(не сочтите, что это в бреду):
постелите мне степь,
занавесьте мне окна туманом,
в изголовье поставьте
ночную звезду.
Я ходил напролом.
Я не слыл недотрогой.
Если ранят меня в справедливых боях,
забинтуйте мне голову
горной дорогой
и укройте меня
одеялом
в осенних цветах.

Стихи Ярослава Смелякова всегда первичны. Можно только удивляться и восхищаться, сколь богато поэтическое видение мира этого Мастера слова, сколь раскованно-дерзка его фантазия, его поразительная способность творить красоту поэзии, а значит, видеть красоту жизни там и в том, что для многих других стихотворцев кажется обыденностью и скучной прозой повседневности.

Он верен и предан по-сыновьи своей заглавной теме, главной заботе — судьбе его России, ее прошлому, настоящему, будущему. Она его «строгая любовь», его радость, его надежда, его совесть. Сколько прекрасных, крылатых стихов и поэм было сложено в честь России! Казалось бы, трудно уйти от того, что уже было сказано — да еще как! — о твоей любимой Родине. Не случайно в наши дни появляется много стихов о России, которые похожи одно на другое, как близнецы-братья. Вроде внешне все правильно в таких стихах, но нет в них главного: судьба Родины не стала в них судьбой поэта.

Когда же все, чем живет твоя Родина, народ, становится сутью собственной жизни, тогда-то и рождаются в душе и сердце такие произведения о России, как книга Ярослава Смелякова «День России», уже давно ставшая нашей классикой.

Внешне суровая, собранная, чуждая пустопорожней суете, холодной риторике и многословию, муза Смелякова по-своему удивительно задушевна и лирична, ей свойственна добрая русская улыбка, в сердце строгая любовь к своим «железным» героям — людям великого трудового братства. Эта строгая любовь вместе с тем глубоко романтична. Пробуждая все лучшее в душе, она делает человека подлинно счастливым и великим. Таковы герои известной поэмы Смелякова «Строгая любовь», эти «неисправимые романтики тридцатых годов» с их революционной убежденностью, мечтой о подвиге.

Таковы герои многих стихов, созданных поэтом в разные годы. Вспомним стихотворение «Хорошая девочка Лида», одно из лучших в нашей лирической поэзии:

Преграды влюбленному нету:
смущенье и робость — вранье!
На всех перекрестках планеты
напишет он имя ее.

На полюсе Южном — огнями,
пшеницей — в кубанских степях,
на русских полянах — цветами
и пеной морской — на морях.

Он в небо залезет ночное,
все пальцы себе обожжет,
но вскоре над тихой Землею
созвездие Лиды взойдет.

...Всегда горьки потери хороших людей, умеющих дарить радость другим. Но что делать! Мы смертны. Постепенно рубцуются раны многих потерь. Но бывает и так: нам мучительно долго, порой всю жизнь не хватает того, чья жизнь оборвалась на взлете, кого мы хорошо знали и провожали в последний путь.

Я неоднократно испытывал такое горькое чувство, что в нашей современной поэзии нам так не хватает сегодня Ярослава Смелякова. Не хватает порой смеляковского отношения к слову, русскому языку, к высокому гражданскому назначению поэта.

Я стихи писать не буду
из-за всякой ерунды:
что мне ссуды, пересуды,
алиментные суды.

Пусть читают наши люди,
веселясь и морща лбы,
эту книгу многих судеб
и одной — моей — судьбы.

Читаешь эти строки, и слышится тебе чуть глуховатый, такой родной и памятный голос поэта, в нем и мудрость жизни, и иронические ноты, и сдержанная смеляковская улыбка, и эмоциональная убежденность мысли, заключенной в весомые, конкретно-глобальные образы:

Владыки и те исчезали
мгновенно и наверняка,
когда невзначай посягали
на русскую суть языка.

С волнением вглядываешься в другие литые строки стихов Ярослава Смелякова, особенно в те, что когда-то довелось слышать от автора. Многие из них уже давно стали хрестоматийно-классическими: «Наш герб», «Мое поколение», «Рабочему классу», «Русский язык», «Милые красавицы России», «Монолог русского человека», «История», «Иван Калита», «Даешь!», «Командармы гражданской войны», «Рязанские Мараты», «Бывать на кладбище столичном...», «Ода русскому человеку», «Назым», «Элегическое стихотворение» и многие другие.

Особо хотелось бы подчеркнуть, что судьба, мягко говоря, не баловала Ярослава Смелякова. Порой она уготавливала ему тяжелейшие испытания на стойкость, нравственную чистоту.

Непоколебимая вера в Советскую власть, в идеи и дело Ленина, столь высокохудожественно и народно-правдиво выраженная в стихах поэта, вера в мудрость рабочего класса, в рядах которого в дни трудовой комсомольской юности проходил Ярослав Смеляков незабываемые для него университеты жизни, помогли поэту выдюжить на крутых поворотах истории и совершить поэтический и гражданский подвиг, запечатлеть в Слове неповторимый живой Лик России.

Юрий ПРОКУШЕВ,
лауреат Государственной премии РСФСР имени А. М. Горького

Полевая дорога

Евгений КАРАСЕВ

•

Русской песни давняя печаль.
Русской песни радость зоревая...
Слышишь, слышишь, тройка
скачет вдаль,
бьется колокольчик, заливаясь?
Прелести своей не потеряв,
песня уведет, куда захочет.
Слышишь?
Это ж в сердце у тебя,
заливаясь, бьется колокольчик!

•

Заблуждался, в чем-то
был неправ,
но по жизни шел с душою чистой.
У людей,
у птиц,
у диких трав
ты добру и красоте учился.
Славно жил! Не думал никогда
о богатстве или о карьере.
Восходила над тобой звезда —
ты в удачу откровенно верил.
Жизнь, она, как песня, коротка.
Только вот сложилась ли,
как песня?
Если даже истина горька,
все-таки на лучшее надейся.
И, с годами мудрость обретя,
вовсе не обласканный судьбою,
заблуждайся, Времени дитя,
только будь всегда самим собою.

СЛЕПОЙ

Он просил. И давал я слово —
отвезу...
Наконец привез.
Осторожно веду слепого
от столицы за сотню верст.
За развилкой дорог, за полем,
где, как шрам, протянулся ров,
мы садимся.
Он все запомнил,
потому и молчит, суров.
И, пиджак порыжелый сбросив,
как впервые в жизни своей,
жадно слушает звон колосьев,
жадно слушает звон стрижей.
Дышит хрипло он и устало,
словно видит опять врага.
— Вот от этой березы старой
я лежал в двадцати шагах.
А на склоне вон том, пологом,
вырастая, как из земли,
шли они — рукава по локоть —
на окопчик, ощерясь, шли...
Ясно видит он все, как было,
сердцем чувствует, как тогда...
И молчит возле рук могила,
и ржавеет над ней звезда.
Что-то рядом нащупать хочет.
Другу шепчет: «Прости, прости...»
Здесь когда-то и был окопчик,
а теперь его не найти.
— Я-то что, я живу на свете,
а вот Петька... Погиб дружок...
Сорок первого года ветер,
как огонь,
мне лицо обжег.

•

Тихо выйти в крепкий холодок
золотого мартовского утра
и увидеть, как простор широк,
освещенный трепетно и мудро.
И услышать колокол вдали
и грачей неистовые крики.
Задохнуться музыкой земли,
словно откровением великим.
И понять, что выше счастья нет,
и навек благословить все это:
и дорогу,
и подталый снег,
и порыв безудержного света,
и стыдливость русскую берез
в час нетороплибого свиданья...
Потому и родина — до слез,
всё до слез —
и песни и страданья.

•

А. Жигулину.

Озари немудреной строкою
мою душу — на радость
иль грусть.
Прочитаю — и вдруг успокоюсь,
словно полем родимым пройдусь.
И обрушится солнечный ветер,
и полынью пахнет зоревой.
Одинаково счастье на свете —
под Воронежем и под Москвой.
К нам приходит порою усталость,
нас куда-то несет суета.
Ничего. Только б нежность
осталась,
только б совесть осталась чиста.
Чтобы слово — душевно и строго,
чтобы память, как небо, светла.
Чтоб всегда полевая дорога
к материнскому дому вела.

ТВ ПОСЛЕДНЯЯ ЛИ ЖЕРТВА?..

Недавно на телеэкране был показан новый фильм-спектакль «Попечители». Оказалось, что так была названа одна из самых проникновенных пьес великого русского драматурга А. Н. Островского «Последняя жертва».

...Критика отнеслась к «Попечителям» неоднозначно.

Выступила «Советская Россия», защищая Островского от непрошеных «попечителей». Любители же новинок от классики приветствовали «соавтора», сочинившего (цитирую) эту «прививку к бытовой достоверности»!..

Зрители, еще не зная, что их ждет, доверчиво отложили ради желанной всегда встречи с Островским многие свои дела. Понятно, они надеялись увидеть любимых героев, в свое время сыгранных многими корифеями русской сцены, поскольку развитие театрального искусства страны никогда не могло обойтись без шедевров, принадлежащих Островскому. На бессчетных подмостках и бессчетно раз появлялись прекрасные образы «Последней жертвы», всегда определяющие не только художественную, но еще идейную силу коллектива... Достаточно напомнить время былого расцвета МХАТа и Аллу Тарасову, достигшую поистине трагедийного звучания в лучшем, быть может, ее создании — роли Юлии Тугиной. Или вспомним поразительный дуэт, где Тугина — Карелина и Прибытков — Меркурьев, в одном высоконравственном ключе вдохновенно игравшие «Последнюю жертву» на сцене театра имени Пушкина в Ленинграде, вызывали силой великого человеческого сострадания, силой душевной жертвы именно то, что древние называли катарсисом, очищением души.

Ключ, который дает искусству Островский в самом понятии ж е р т в а, очень не прост. Он требует не сюжетного изыска, не внешней отделки событийной канвы, не «представления» жизни мелких и маленьких людишек, не занятной интриги в их денежных и любовных отношениях... Нет, для Островского ж е р т в а — это всегда добровольная отдача души ради счастья другого человека. Отдача другому самой великой ч е л о в е ч е с к о й своей ценности... И жертва Юлии Тугиной — это не только вся история ее самоотверженной любви к человеку, пусть низкому и ничтожному, погибшему по сути дела, но вовсе не такому уж простому, умеющему это свое ничтожество спрятать до поры от прощающих глаз Юлии... И — это еще сложнейшая история Прибыткова, из «денежного туза» превращающегося в человека большой души, больших чувств...

Вот так, шаг за шагом, тема высокого жертвования собою, способности к отклику души, к самоотдаче становится у Островского тем стержнем, на котором единственно и держатся и развиваются все отношения в с е х героев. Ведь даже и вертопрах, мот, пустопорожний человечек Дульчин тоже отчасти преображен невиданной силой душевного подвига, который ради него совершает Тугина...

Короче, Островский щедро, любовно, шаг за шагом о т к р ы в а е т за событиями **человека**. Именно в этом смысле знаменитых слов Прибыткова, что порывистый, чистый поцелуй Юлии (когда она горячо, искренне благодарит его за деньги для любимого ею человека) **«дорогого стоит»**... Умный, деловой и прижимистый, но очень одинокий Прибытков прозревает за этим поцелуем не кокетливый жест, но измученную душу гордой, страдающей женщины... И тут театры всегда давали нам не просто пример внешней только «благонравности» Тугиной. Жертва Юлии делала Прибыткова настоящим ее защитником — так говорит нам Островский в своей пьесе, которая остается не просто «поучительной» сегодня, но как никогда нужной людям, желающим удивляться и радоваться прекрасному в жизни.

Но ведь совсем, совсем не это говорит нам М. Козаков, смело написавший будто «на основе» пьесы Островского свой собственный сценарий, ничего общего не имеющий с произведением классики, кроме лишь имен действующих лиц да самой грубой, приблизительной основы сюжета, низведенного на уровень мелкожитейского события. Здесь «герои», не задумываясь, не грустя, продают и покупают друг друга. Самая «любовь» их — всего-навсего инстинкт, у одних менее, у других более яростный... Внучка Прибыткова, энергично отбивающая у Тугиной любовника, вернее, делающая попытку купить его, пожалуй, даже равных себе не имеет в этом смысле: такие уж безумные, неукротимые ее «стр-ррр-расти» заставляет изображать актрису постановщик спектакля М. Козаков...

Сам он при всем этом опять же присутствует! Им сыгран здесь таинственный «Наблюдатель», зловеще мерцающий взглядом из-под широких полей низко надвинутой шляпы. Впрочем, его можно принять и за одного из участников безостановочно кружащегося карнавала; на этом именно «фоне» и совершаются все разгульные события «купецкого быта». События бездуховные, мелкие и маленькие...

Трудно да и не нужно обвинять в подобном звучании фильма-спектакля занятых в нем артистов. Безусловно талантливые люди, они лишь «осуществили» нелепый и ненужный замысел... Неудачной — не по их вине — оказалась от начала до конца никчемная попытка «переосмыслить» Островского, преподнести его пьесу «на новых началах». Здесь пропала не только и д е я ж е р т в ы как высокого подвига любви, подвига души; пропала, увы, сама жизнь эпохи, знавшей не только соображения расчета да бездуховную физиологию «любящих» людей... Народ России жил иначе, сознавая смысл добра и зла... И Островский говорил об этой жизни так, что самое простое поднималось до сокровенного. Становилось п е с н е й ж и з н и. Благословением всего чистого и честного... И как же хочется, чтобы великое, гуманное творчество Островского — оскверненное, попранное непрошеными радетелями, «попечителями» — оказалось бы на самом деле п о с л е д н е й ж е р т в о й бездумного и небережливого отношения к классике. Не только русской, но и мировой.

Н. ТОЛЧЕНОВА,
заслуженный
деятель искусств РСФСР

гости «огонька»

РАДЫ ВСТРЕТИТЬСЯ!

Что такое праздничный концерт? Ответ только один — хорошая программа с хорошими исполнителями.

Вот такую программу и такое исполнение продемонстрировали артисты Москонцерта перед Новым годом в нашей редакции. Вел этот веселый и одновременно содержательный вечер конферансье Юрий Шпагин.

В репертуар солистов Т. Кондрашовой и В. Клюкина входят всеми любимые русские народные и советские песни; они были исполнены под мастерский аккомпанемент баяна и двух гитар.

Ю. Гарин выступил с дружескими пародиями. Свое виртуозное искусство показал жонглер-фокусник О. Миандсалу.

Редакция благодарит артистов, пришедших к нам «На «Огонек».

Поет Т. Кондрашова.

Фото А. Награльяна

эстрада

О ПРОЖИТОМ И ПЕРЕЖИТОМ

Программа «Друзьям открытые сердца», посвященная 60-летию образования СССР и показанная на сцене Московского театра эстрады, привлекла именно чувством открытого сердца, с каким пришли к зрителям, своим добрым друзьям, представители эстрадного искусства народов нашей страны. Встреча эта стала настоящим праздником. Программа — театрализованная — это отнюдь не формальная дань «моде», но интересная и серьезная попытка приобщить эстраду к высокой гражданской тематике. Отсюда — продуманная литературная основа, энергично нарастающий ритм, точное режиссерское видение и каждого отдельного номера и всего спектакля в целом. Все это — как бы продолжение поиска, успешно начатого А. Аскольдовым в программе «Золотая моя Москва».

Нынешнюю программу режиссер-постановщик Эмиль Радов задумал как рассказ о прожитом и пережитом страной, Москвой, городом, где соединились судьбы многих народов. Очень достойно был введен в спектакль сценический образ Владимира Ильича Ленина.

Сцена «У истоков юбилея» А. Крымко стала как бы идейно-художественным эпиграфом представления... Выступления же многих мастеров — Ивана Суржикова, Маргариты Войтес, Эдуарда Ханка, Альберта Асадуллина, Энвера Сихарулидзе, Лейлы Ашрафовой, Льва Мирова и Марка Новицкого, Нани Брегвадзе и Медеи Гонглиашвили, Иосифа Кобзона, фольклорного ансамбля «Ярославские ребята» — предстали словно живое олицетворение многонационального талантливого искусства. В программе принял участие оркестр Государственного театра эстрады. Театр открыл также москвичам возможности оригинального вокально-юмористического дарования молодого крымского артиста Алексея Горяченкова. Кроме того, режиссер ввел в программу редкий сейчас, но чрезвычайно актуальный жанр политической сатиры.

В расцвете исполнительского мастерства предстал ансамбль песни и пляски ордена Ленина Московского военного округа под художественным руководством Владимира Гордеева. Искусство воинов придало программе эпическую широту и мужественность.

Выразительные картины «Москва приветствует страну» и «На Красной площади парад» логически продолжили и завершили программу, созданную талантами братской многонациональной семьи народов.

М. КОРОТКОВ

На сцене Нани Брегвадзе.

ПО СЛЕДАМ НАШИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

ДНЕПР СТАНЕТ ЧИЩЕ

Исполком Херсонского городского Совета народных депутатов считает правильными факты, изложенные в фельетоне «Как здоровье, Славутич?..» (журнал «Огонек» № 44 1982 года), о загрязнении некоторыми предприятиями города реки Днепр.

Наращивание мощностей Херсонского консервного комбината было произведено за счет реконструкции основного производства. В силу этого обстоятельства существующие системы очистки промстоков на сегодняшний день не соответствуют возросшим объемам производства. На комбинате в течение ряда лет ведется строительство внеплощадочной канализации. Общая сметная стоимость составляет около трех с половиной миллионов рублей. Строительство ведет СМУ «Промстрой-3» комбината «Херсонпромстрой». Окончание строительства этого важного природоохранного объекта запланировано на 1983 год. Ввод в эксплуатацию этого объекта даст возможность принять промстоки от консервного комбината на городские очистные сооружения. Ряд природоохранных мероприятий выполняется и на других предприятиях города, что должно обеспечить к концу 1985 года полное прекращение сброса промстоков в акватории Нижнего Днепра.

А. Е. ВЕРБИЦКИЙ,
председатель исполкома
Херсонского городского
Совета народных депутатов

Редакция получила ответ и от Министерства мелиорации и водного хозяйства УССР:

«Органами Минводхоза УССР за загрязнение реки Днепр, его водосборной площади, бесхозяйственное расходование воды только в текущем году были применены штрафные санкции к восьми должностным лицам Херсонского консервного комбината.

За потраву рыбы жидким аммиаком, происшедшую по вине водителя Белозерской «Райсельхозтехники» тов. Красовского, Херсонская госрыбинспекция применила штрафные санкции к трем должностным лицам, а тов. Красовский осужден условно на 2 года с взысканием с него причиненного ущерба 7 тысяч рублей в доход государства. Ущерб, причиненный за потраву рыбы в сумме 36,5 тысячи рублей, возмещается «Райсельхозтехникой».

За сброс топливного мазута в Каховское водохранилище Великолепетихскому маслозаводу органами Минводхоза УССР предъявлен иск в сумме 18,2 тысячи рублей. Иск взыскан.

Водоохранными органами Минводхоза УССР только за 9 месяцев текущего года за нарушение водного законодательства применены штрафные санкции на 325 должностных лиц на сумму 7,9 тысячи рублей. Предъявлено 13 исков для возмещения ущерба за загрязнения водных источников на сумму 62 тысячи рублей, 56 руководителей промышленных предприятий лишены премий.

Органы Минводхоза УССР в дальнейшем усилят контроль за санитарным состоянием Нижнего Днепра».

«ДЕЛО БЫЛО В ПТУ...»

В журнале «Огонек» (№ 35 за 1982 год) был опубликован очерк Жанны Орловой «Дело было в ПТУ...». Суть дела такова: учащийся рижского профессионально-технического училища В. Утинанс совершил преступление, квалифицируемое как хулиганство. Через год в зависимости от того, как будет вести себя Вольдемар в стенах училища, приговор будет исполнен или отменен. В ходе следствия и суда выявились большие пробелы в воспитательной работе. Штатная должность воспитателя общежития существовала лишь на бумаге. Подростки были предоставлены самим себе, проступки их не обсуждались ни коллективом педагогов, ни комсомольской организацией. Руководители училища не занимались подбором кадров тех, кто призван воспитывать учащихся, влиять на их нравственное и социальное становление.

Редакция получила письмо председателя Государственного комитета Латвийской ССР по профессионально-техническому образованию Я. Броделиса. В письме сообщается, что очерк был внимательно рассмотрен. Проверка учебно-воспитательного процесса в училище подтвердила факты, приведенные в очерке. Материалы этой проверки обсуждались на коллегии Госкомитета. Директору ГПТУ № 6 С. Филимонову, его заместителям, всем членам педагогического коллектива указано на необходимость устранить имеющиеся недостатки. Особое внимание было обращено на повышение ответственности каждого члена педагогического коллектива за порученный участок работы, на недопустимость формального отношения к своим обязанностям.

Состояние учебно-воспитательного процесса в ГПТУ № 6 Государственный комитет Латвийской ССР по профтехобразованию держит под постоянным контролем.

ЗА ЧТО Я ЛЮБЛЮ РОДИНУ

Александр СЕРАФИМОВИЧ

За то, что моя Родина — родина вырастающего социалистического строя (...)

За то, что моя Родина — родина изумительной партии, партии невиданной силы, невиданной мощности, невиданного предвидения, невиданной гибкости и беззаветного самопожертвования.

За то, что моя Родина — родина несокрушимой силы, за то, что, высоко неся факел, освещающий мировой путь к счастью измученному трудовому человечеству, моя Родина оградила этот путь единственной в истории, единственной в мире силой, и имя ей — Красная Армия.

За то, что моя Родина ослепительно загорается всеми оттенками, всеми цветами мысли, творчества, невиданного расцвета науки, искусств.

За то, что моя Родина от края до края дымит сказочно вырастающими гигантами производства и на своих тяжких хребтах держит всю громаду социалистического строительства.

За то, что моя Родина до самых глубин всколыхнула неохватимые массы без конца замученного пролетариата и крестьянства, и не только у себя, но и во всем мире.

1930-е годы

ХУДОЖНИК РЕВОЛЮЦИИ

А. ЖУРАВЛЕВА,
доктор филологических наук, профессор

Он родился в донской станице Нижне-Курмоярская и пронес через жизнь память о жаркой степной тишине, ковыльных токах и сухом перестуке копыт казачьих коней.

Детские годы его вместили две жизни: «одна — с отцом, с матерью, с братом, с сестрой, с гостями, в светлых чистых комнатах... другая — на кухне, откуда меня... постоянно гоняют и где прислуга и денщики; в казарме, где казаки нашего донского полка, куда меня не пускают под страхом наказания и куда я убегаю потихонечку».

Дослужившийся до офицерского чина Серафим Иванович Попов не оставил после себя многочисленной семье ничего, кроме двух Георгиевских крестов. Со смертью отца началась «незамирающая бедность», и только выхлопотанная матерью скромная войсковая стипендия позволила будущему писателю поступить на физико - математический факультет Санкт-Петербургского университета.

Он пробыл в нем недолго. Студенческий кружок, членом которого стал Александр Попов, питался идеями первой русской марксистской группы «Освобождение труда». Однажды на тайной сходке к Попову подошел стройный черноглазый студент и, протянув руку, представился: «Александр Ульянов».

Они разговорились, а на следующий день Ульянов предложил новому товарищу вести пропаганду среди рабочих Галерной гавани. Так начался его революционный путь.

С болью вспоминал он вечеринку в честь Татьянина дня, на которой в последний раз видел Александра Ульянова. Уже вечером 1 марта 1887 года по университету поползли слухи о неудавшемся покушении на царя и аресте его участников. Вскоре со шрифтами подпольной типографии Попов был схвачен жандармами. Спустя несколько дней «тюремный телеграф» принес страшную весть: Ульянов и четверо его товарищей казнены глухой ночью на дворе Шлиссельбургской крепости.

Потянулись томительные годы архангельской ссылки. Суровый быт поморов открывал бывшему студенту новые стороны жизни. Накопленные наблюдения просились на бумагу. В 1889 году крупная московская газета «Русские ведомости», где в то время сотрудничали В. Короленко, Глеб Успенский, Д. Мамин-Сибиряк, Н. Златовратский и другие виднейшие прозаики демократического лагеря, поместила рассказ «На льдине». Ссыльный Александр Попов стал писателем Серафимовичем.

Первый успех окрылил, но и заставил о многом задуматься. На родину, под надзор полиции, он вернулся с неотвязной мыслью: о чем писать? Как рассказать людям о самом главном, вызвать у читателя уважение к человеческому мужеству и стойкости, а не слезливое сочувствие бедам и несчастьям обездоленных?

Во внутренней полемике с литераторами народнического толка рождалась своя тема, свой голос. В Нижний Новгород к Короленко Серафимович приехал нелегально уже достаточно известным автором острых обличительных рассказов. которые Владимир Галактионович горячо рекомендовал Глебу Успенскому.

Приближался долгожданный час освобождения от гласного надзора. В 11-м номере журнала «Русская мысль» за 1895 год появился рассказ Серафимовича «Под землей» — первое выступление молодого писателя в толстом столичном журнале. Вслед за ним в декабрьской книжке журнала «Новое слово» вышел рассказ «Под праздник», тоже из шахтерского быта. Простая история о маленьком сыне горняка, начинающем в канун праздника глубоко в забое тяжкую, безотрадную жизнь, получила широкое признание. Рассказ этот неоднократно переиздавался, но сам автор чувствовал некую неудовлетворенность.

Оглядываясь впоследствии на годы, когда он смог наконец окунуться в «гущу жизни», Серафимович писал:

«...Куда бы я ни приходил, кого бы ни наблюдал, спускался ли в шахты, дышал ли смертной отравой свинцовой с рабочими, уходил ли в Азовское море с рыбаками... везде бесконечно расширялась эта страшная жизнь... Обо всем этом хотелось рассказать, кричать, а кругом стояла полиция, жандармы, прокуроры, цензоры...»

Совет В. Г. Короленко привлечь Серафимовича к работе в московских изданиях был услышан. В январе 1902 года писатель получил письмо на бланке известной столичной газеты «Курьер». Заведующий беллетристическим отделом «Курьера» Леонид Андреев предлагал Серафимовичу место постоянного сотрудника отдела. Они познакомились и подружились. Серафимович начал бывать на знаменитых «Средах» Телешова, объединявших таких ярких художников, как Бунин, Куприн...

В просторной квартире Андреева в Средне-Тишинском переулке он познакомился с Горьким, а на следующее утро получил приглашение навестить его в Гранатном переулке, 22. Вышел Серафимович оттуда уже активным сотрудником горьковского «Знания», участником различных литературно-общественных начинаний великого пролетарского писателя.

...Утром 19 декабря 1905 года Серафимович пошел к Горькому. На Пресне догорали баррикады, угрюмые семеновцы вывозили на дровнях трупы.

Алексей Максимович был сильно простужен и глухо кашлял в платок. Он быстро просматривал письма и рукописи, рвал их и бросал в камин, где билось желтоватое пламя. Заметив оттопыривающийся карман гостя, Горький немедленно спросил:

— Что написали?

— Кончаю очерк о Пресне, и вот еще рассказик, маленький.

— Это хорошо. Надо больше, лучше... Главное — верить в будущее,— прибавил Горький, обращаясь как бы к самому себе.

Наказ этот Серафимович выполнил. Едва отгремели декабрьские бои, он засел за роман «Город в степи», утверждающий торжество и закономерность грядущей революции.

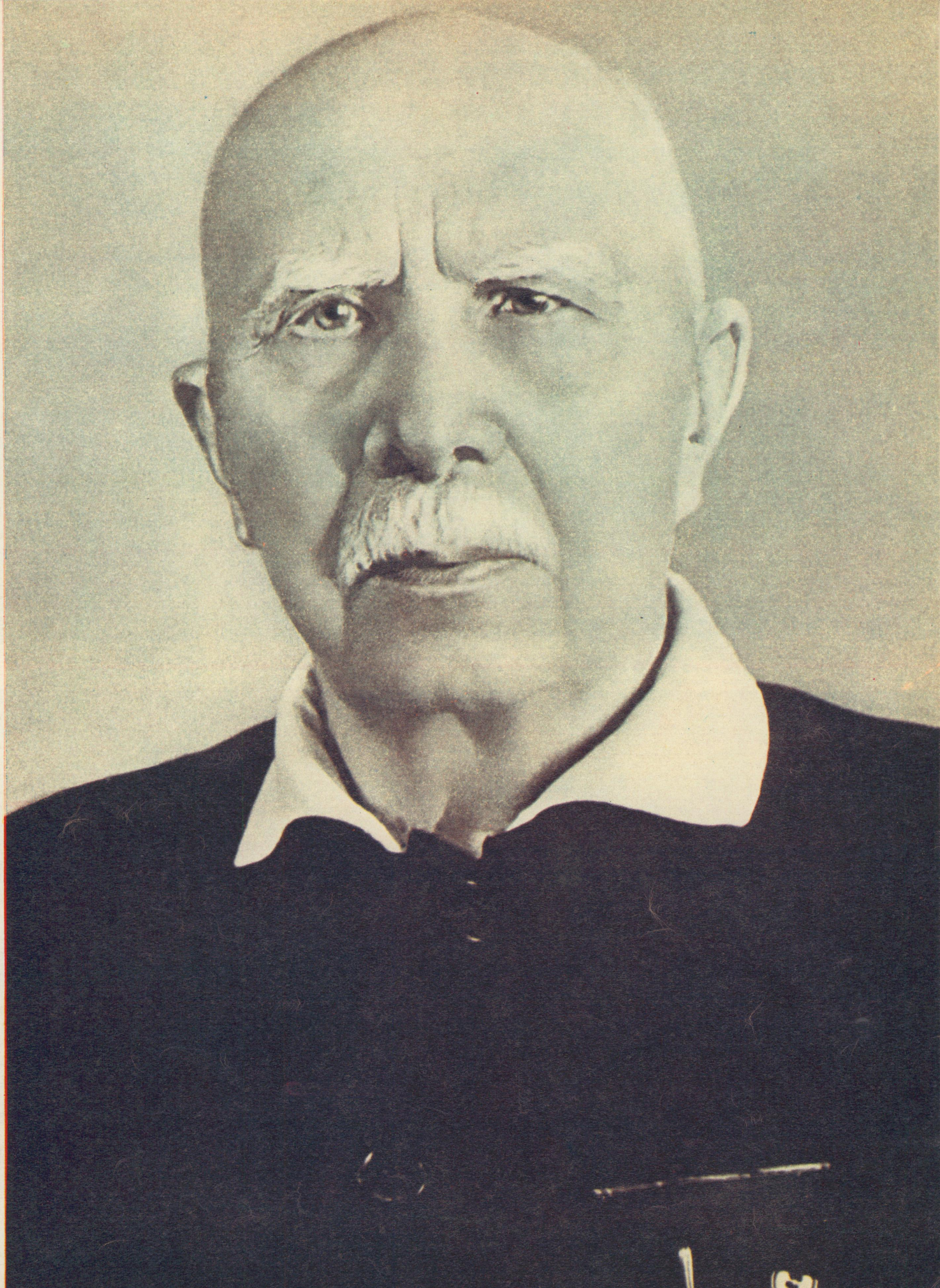
Один из зачинателей в русской литературе пролетарской темы, певец и защитник рабочего класса, А. Серафимович ни на минуту не сомневался в его окончательной победе.

Снова оба писателя встретились лишь десятилетие спустя, уже накануне Октября.

«Многоуважаемый товарищ Александр Серафимович, редакция «Известий Московского Сов. Р. и С. Д.» предлагает Вам взять на себя заведование отделом литературы, критики и искусства. 22 ноября 1917 года».

Он согласился сразу, хотя знал, что берется за нелегкое дело, что столкнется со скрытым недоброжелательством и враждой многих бывших собратьев по перу. Старый газетчик, побывавший в окопах империалистической, он не желал довольствоваться спокойным редакторским местом, когда на фронтах решались судьбы революции, и с весны 1918-го регу-

Александр СЕРАФИМОВИЧ

лярно выезжает корреспондентом в Действующую армию.

Месяцем раньше Серафимович вступил в партию большевиков. Его принимали в Пресненском районе, где он строил баррикады в 1905-м и участвовал в восстании 1917-го.

На Южном фронте, в частях 8-й армии ему довелось обнять своего младшего сына — шестнадцатилетнего Игоря. По соседству с братом сражался двадцатилетний комиссар Анатолий Попов.

...Разбухали от летучих заметок и сюжетов записные книжки, новые люди, рожденные революцией, просились в строку. «С ними нужно жить... с ними и жизнь делать»,— говорит писатель в рассказе «Черной ночью».

В 1919 году выходит сборник Серафимовича «Впечатления», затем вторая его книга о буднях молодой Республики Советов. Захваченный водоворотом событий, он работает много и плодотворно. Удивительные встречи ждут его на каждом шагу.

Когда на Южном фронте героически погиб сын Анатолий, писатель получил сердечное письмо Ленина. В нем были следующие строки: «Сестра только что передала мне о страшном несчастье, которое на Вас обрушилось. Позвольте мне крепко, крепко пожать Вам руку и пожелать бодрости и твердости духа... Мне очень хочется сказать Вам, как *нужна* рабочим и всем нам Ваша работа... Простите, что пишу наскоро... Ваш Ленин».

Свое главное произведение, ставшее классикой советской литературы, он начал писать с заключительной сцены митинга, где сконцентрирован идейный замысел романа. Потом написал первую сцену — тоже митинг, безбрежное людское море, но еще не ведающее понятия «дисциплина», бурлящее, стихийное. В контрастном противопоставлении начала и конца проступал возвышенный поэтический пафос «Железного потока».

В дверь 408-го номера 1-го Дома Советов (ныне гостиница «Националь»), где жил тогда писатель, стучались герои легендарного похода таманцев, неся на лицах печать неуловимого сходства. Присылали письма, неуклюжие, но полные живых зарисовок боев. Кто-то принес дневник... Перерабатывая груды материала, Серафимович по крупицам создавал незабываемые образы Кожуха, бабки Горпины, характеры рядовых бойцов.

Листая черновики романа, видишь, каким беспощадно требовательным к себе был автор, отсекая все лишнее, уводившее читателя в сторону от основного смысла. Он до изнеможения трудился над художественной тканью повествования, шлифовал каждое слово, добиваясь предельной выразительности.

«Тогда, вдруг разорвавши голубое спокойствие, ахнуло с броненосца, и пошло ломаться и грохотать... Над уползающей змеей загадочно и мягко родился белый клубочек, лопнул с тяжелым

А. С. Серафимович, Р. П. Островская, Б. Л. Пастернак (справа налево) среди офицеров гвардейской части. 1943 год.

треском и, медленно относимый, стал таять... Второй раз с броненосца ослепительно блеснуло громадным языком... в разных местах со стоном попадали люди, а на повозке, на руках у молодки с черными бровями и серьгами в ушах, торопливо сосавший грудь ребенок обмяк, отвалились ручонки, и губки, холодея, раскрылись, выпустив сосок...»

Два с половиной года жизни было без остатка отдано писателем этой книге. А затем началось ее триумфальное шествие по всему миру.

Серафимович же тем временем взвалил на свои плечи разбор сотен, тысяч писем со стихами, очерками, прозой, поступавших из разных уголков страны в журнал «Творчество», редактором которого он был. Прикрывая ладонью уставшие глаза, 60-летний писатель упорно выискивал в неразборчивых каракулях на листках школьных тетрадок, на оберточной бумаге, на обоях проблески новой литературы.

Он продолжал неутомимо заниматься этим, возглавив литературный отдел Наркомпроса (Лито), стараясь теснее сплотить молодые писательские ряды, отдал немало сил организации Союза советских писателей. Многим замечательным мастерам нашей литературы дал он путевку в жизнь, безошибочно умея разглядеть в начинающем авторе будущий талант.

Так произошло с Михаилом Шолоховым.

В начале 1925 года Серафимовичу позвонили из издательства и попросили посмотреть рукопись сборника рассказов. Она вызывала у редакции некоторые сомнения, и имя ее автора — М. Шолохова никому ничего не говорило. Серафимович читал всю ночь, а наутро позвонил в издательство:

— Какие могут быть сомнения? Издавайте, издавайте немедленно! Если хотите — напишу предисловие...

Через несколько месяцев на книжных прилавках появился сборник «Донских рассказов» М. Шолохова с предисловием Серафимовича.

Горячее участие принял он и в судьбе «Тихого Дона», подвергшегося резким, необоснованным нападкам рапповской критики. Редакторским авторитетом Серафимович настоял на публикации первого тома романа в январском номере журнала «Октябрь» за 1928 год, выступал в его защиту со страниц «Правды».

Писателей-земляков связывала искренняя дружба, многолетняя переписка, и Серафимович с присущей ему скромностью не уставал повторять, что он-де только «простой рядовой боец», а вот Шолохов — «настоящий командир в литературе».

С добрым напутствием Серафимовича вошел в советскую литературу Д. Фурманов. Серафимович активно помогал уже смертельно больному Николаю Островскому.

«Я с благодарностью вспоминаю его дружескую помощь мне в первый год пребывания моего в Москве,— отмечал один из старейших советских писателей, Федор Гладков.— Он сам приходил ко мне в подвал на Смоленском бульваре, терпеливо слушал мои рассказы и наставлял меня с отеческой лаской. Этой отеческой лаской он смягчал самые суровые свои оценки незрелых произведений многих литераторов, укреплял в них веру в свои силы и указывал пути к достижению художественного совершенства».

Бойцом Александр Серафимович оставался в мирные дни и в годы войны. 17 сентября 1942-го в «Правде» был напечатан его гневный рассказ «Ребенок», открывший цикл фронтовых очерков и рассказов писателя. 80-летний юбилей не задержал Серафимовича в Москве — с первой же писательской бригадой он вновь устремляется на фронт, где громил врага танк «Александр Серафимович», построенный на средства, переданные писателем в Фонд обороны.

Он еще успел после войны побывать в родном городке, носящем его имя. На Дон, к отчему крову, Серафимович всегда спешил по весне, возвращаясь с кучей материалов и впечатлений из очередных творческих командировок. Здесь его ждали не только как дорогого гостя, почетного члена президиума торжественных собраний и заседаний, но и как одного из наиболее энергичных депутатов местного Совета, неизменно проявлявшего трогательную заботу о нуждах своих земляков.

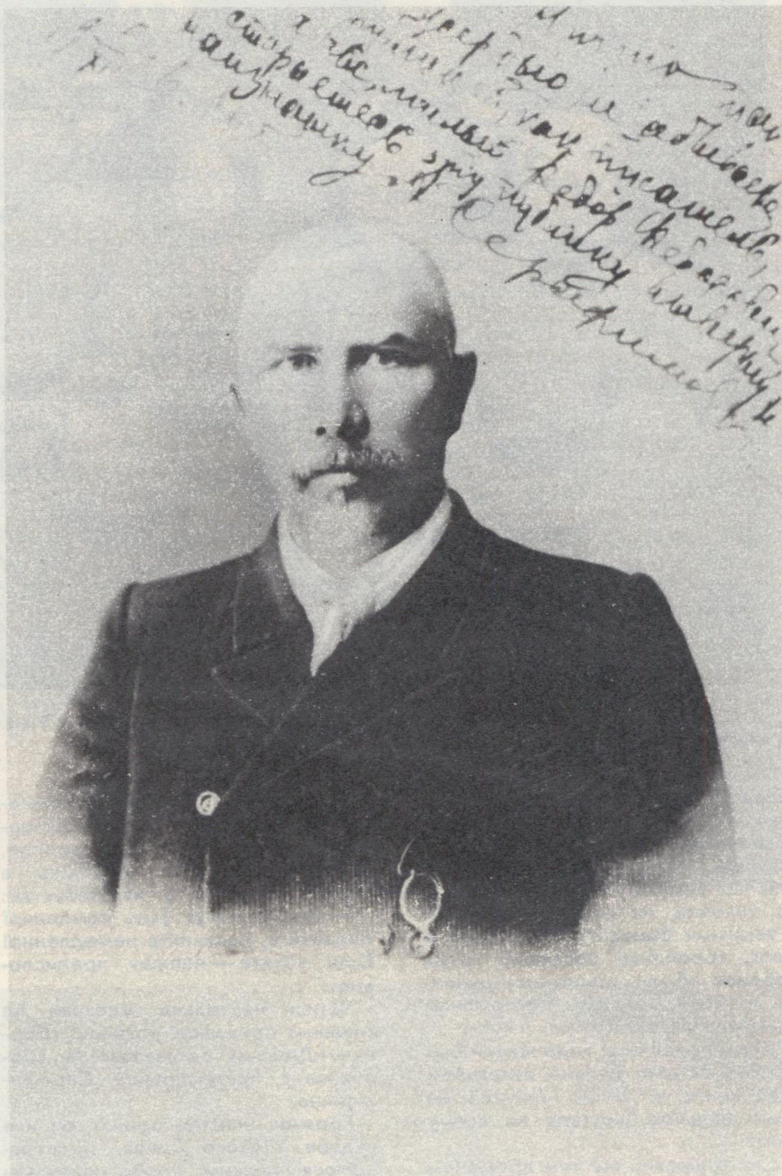
Им, их детям и внукам адресовано последнее послание выдающегося советского писателя «С высоты восьмидесяти пяти лет», которое он написал в 1948 году незадолго до смерти и которое сегодня хранится в его музее. И, вглядываясь в стремительно размашистые строки под стеклом стенда, напоминающие характер Александра Серафимовича, невольно хочется прочесть вслух:

«Жизнь пахнет упоительно! Жизнь наша — необъятный голубой простор моря! Так украшайте эту жизнь еще более, еще более раздвигайте ее просторы!»

А. Кокорин. ИЛЛЮСТРАЦИИ К РОМАНУ А. СЕРАФИМОВИЧА «ЖЕЛЕЗНЫЙ ПОТОК».

В ТЕ ДАЛЕКИЕ ГОДЫ...

Григорий ЕРШОВ

Александр Серафимович. **Фото 1906 года.**

Был обычный будничный день, а в большом зале Политехнического буквально яблоку некуда было упасть.

На авансцену легко и молодо вышел, почти выбежал подвижный, худощавый человек в новой черной тройке, в высоких ботинках со стариковскими пряжками и туго накрахмаленных, жестких, ослепительных манжетах, словно выкованных на длинных худых руках. Пышная русая борода и такая же пышная копна темно-русых, скорее каштановых волос, взметнувшихся над его поблескивавшим нездоровой пергаментной желтизной высоким открытым лбом, словно бы в раму заключили его энергичное, то и дело подергивавшееся болезненной нервной гримасой бледное лицо. И только по-молодому весело и добро сиявшие, выразительные его глаза жили, казалось бы, своей, отдельной, раскованной жизнью.

Негромкий, высокий голос ветерана Шлиссельбурга Морозова звучал как-то особо доверительно, западая в сердца почти каждого из сотен молодых людей, собравшихся в этом зале.

Долго говорил Николай Морозов. Он рассказывал о тех, на чью долю выпало, как и ему, одиночное заключение в мрачных равелинах Шлиссельбурга, Петропавловки, Александровского централа. С болью сердечной и невольными слезами на глазах рассказывал он о тех, кто не выдержал до конца испытания холодом, голодом, одиночеством и, перерезав вены или сжигая себя в камере, как узник Грачевский, покончил жизнь самоубийством. Немало было сошедших с ума, в слепом отчаянии павших под пулями охранников, ринувшихся прямо на солдатские штыки... Но были и такие, как Вера Фигнер...

— Мы преградили дорогу безумию ежедневным изнурительным трудом,— громко и решительно выбросил в зал эту фразу Морозов. И рассказал, как он перебрал пальцами, перекопал голыми руками и не один раз всю землю в крохотном дворике-закутке в глубине равелина, сумел посадить и вырастить множество самых различных растений и цветов...

Вот тогда-то молодой рабочий — большевик Василий Адеркин подошел к сцене и быстро взбежал на нее.

Николай Морозов прервал речь, ожидая приближающегося к нему смоляно-темного юношу с большой алой розой в руках.

И когда юный Адеркин вручил ее пятидесятидвухлетнему герою, а сам остался тут же, на верхней ступеньке лесенки, ведущей в зал, Морозов высоко поднял розу над головой и под аплодисменты всего зала прочитал свои стихи:

Близко время пробужденья
городов, селений,
Время грозных революций,
бурных потрясений...

На эстраде появился необычайно встревоженный администратор, и, в то время как Морозов, низко наклонив голову и подняв над нею руки, сомкнутые в рукопожатии, тепло прощался с дружно рукоплещущим залом, не ожидая конца аплодисментов, повелительным жестом приказал рабочим сцены выкатить к рампе рояль и громко объявил залу фамилию известного московского пианиста.

Начался короткий камерный концерт с фортепьяно, вокалом и скрипкой.

Внутренне раздосадованный и затянувшейся до него концертной программой и тем, что ему выступать после столь горячо принятого аудиторией известного русского революционера, словно бы на закуску, по сцене тяжелой походкой немолодого человека прошел к рампе, сияя большой, гладко выбритой головой, писатель Серафимович. Пока объявляли его выступление, Серафимович успел пригладить пальцами топорщащиеся усы. Он вынул из бокового кармана полублузы-полуфренча темного сукна свиток — рукопись рассказа, развязал розовую ленточку, расправил, скрутив трубочкой в обратную сторону, листки.

Но вот зал стал потихоньку затихать после встречных аплодисментов писателю, и тот, слегка выкинув левую руку с рукописью вперед, прочитал по памяти, глядя в зал:

— Уже посинело над далеким поворотом реки, над желтеющими песками, над обрывистым берегом, над примолкшим на той стороне лесом.

Тускнели звуки, меркли краски, и лицо земли тихонько затягивалось дымкой покоя...

Зрительный зал не сразу, а с некоей раскачкой начал вслушиваться в спокойный, без какой-либо самой малой претензии на артистический жест и выразительность, пожалуй, умышленно несколько монотонно звучащий, не очень громкий, но благодаря хорошей дикции свободно доходящий во все уголки зала, немного усталый голос известного в России писателя.

Зал мерно дышал, кое-где покашливали, но стояла вполне удобная для чтения, ненапряженная, спокойная, терпеливо-устойчивая тишина.

Теперь уже слушатели знали, что герои рассказа — старик и тот, второй верзила в пестрядинной рубахе,— это сторожа при барже, а неподвижно лежащий у костра третий, в городской одежде — московский рабочий-наборщик, бежавший от полицейской расправы из города после жестокого подавления восстания...

— Пришло время...— бросает в зал методично, неспешно, увесисто слово за словом писатель...— Жисть-то она человеческая, как трава полезла...

Серафимович на какое-то время умолк, но зал не шевелился, не руша тех чувств, которыми проникся каждый — все ждут, куда поведет их дальше писатель.

Вместе с писателем и его героем — наборщиком как бы воочию видят сидящие в зале «тихую, молчаливую, задумчиво-спокойную ночь, тонко дрожащие в глубине звезды, дремотный шепот невидимо бегущей воды...».

...Черпая ложками кислое молоко, мирно сидят трое у костра. А двое, накрепко связанных, ждут своей участи. Она не сладка. Сначала старый казак пытается попугать сидящих у костра расстрелом. Но здоровенный, в пестрядинной рубахе, спокойно прихлебывая молоко, невинно отвечает ему: «За что же расстрел, ежели казаков у нас не будет?.. Ты трошки потерпи, зараз поедим, коней ваших расседлаем, в штаны вам и за пазуху песку насыплем, да и в реку обоих».

Обыденность происходящего делает угрозу, нависшую над казаками, и реальной и еще более страшной.

А крестьяне вершат свой правый суд от имени и всей окружающей молчаливой природы и от имени обиженного и задавленного произволом простого народа.

— Да-а, придет время,— громким, жестким голосом, сурово от имени героя своего, старого крестьянина, бросает медленно, по слову, в зал писатель,— ...придет время,— вдруг повторяет он уже не по тексту рассказа, устремив горящий долгий взгляд в зал,— так-то и народ нежданно-негаданно подымется, и будете вы лежать и ждать, и будете удивляться, и душа у вас смертно заскорбит и возопиет: эх, кабы воротить, поиному бы жили...

Читает рассказ писатель и напряженно взглядывает в зал: «Поймут ли? Хочу, чтобы поняли: народ наш не пал духом и верит, свято верит, что революция... продолжается...»

Эти слова писателя и его героя зал встречает вдруг громким рукоплесканием.

Такой неожиданный контакт с залом теплой волной заливает сердце писателя. Около часа он читает, а люди остро следят и почувствовали переход к кульминации...

Старый крестьянин начинает освобождать казаков от пут и отпускает с миром и молодого и старого. По рядам прокатилось какое-то движение, послышался шепот.

— Эхх... — досадливо крякнул длинный,— продолжал ровным и спокойным голосом читать Алек-

---

Фрагмент главы из новой повести Г. А. Ершова, над которой он сейчас работает.

сандр Серафимович.— Сказал, не выпущать... Теперь расхлебывай... Ишь карьером лупят. Спешат, кабы не упустить...

— Вот уже близко, уже над самым обрывом, потом звуки помягчели и пошли влево — в объезд поехали, к спуску. Несколько минут стояла ненарушимая тишина. Потом стал доноситься, приближаясь, мокрый хруст песка. Двое, не отрываясь, глядели в ту сторону,— читал Серафимович, а в зале кто-то в сердцах сказал:

— Отпустили на свою голову, теперь не расхлебать...

Писатель чуть было не улыбнулся этой реплике, так она была близка тому, что сейчас он прочтет своим слушателям:

— Эхх! — все досадливо чмокал длинный.— Зря отпустили.

Зал взволновался, послышался шумок, снова зашептались, обсуждая сложившуюся ситуацию.

Серафимович резко повысил голос:

— Вырисовался среди темноты силуэт лошади,— громко бросил он в зал, хотя именно эту фразу хотелось бы произнести спокойно, не выделяя.— Рысью подъехал бородач и, сдержав разгоряченного коня, заговорил.

«Теперь можно»,—весело подумал писатель и еще громче, глядя прямо в зал, будто и был он сам тем старым казаком, что прискакал сейчас к тем троим, отпустившим его по доброте сердечной на все четыре стороны, по памяти, не с листа заговорил:

— Вот что, ребята... Перегоните зáраз баржу на ту сторону, а парень нехай уходит через лес... Энта стерва поехал докладывать командиру сотни... Хотел перестрелять вас оттеда, с обрыва, насилу уговорил... Сказываю, дескать, живьем надо взять их. А мне тоже наседать-то на него не приходится: зáраз доложит, что люцинеров покрываю... Глядите, к утру взвод пришлют, туго вам придется...

Дочитывал рассказ, а сам думал: «Вот и до главного с вами, други мои, добрались: видите, чай, что брешь образовалась в оплоте царизма — в армии, даже в главной опоре престола — казачестве! Такой поворот дела не может не поддержать в массе народной веры в конечное торжество революции!»

— Ххо-о!..— читал писатель ответ старика казаку.— Часа через два пароход придет, к утру нас и след простынет.— А-а, ну так... То-то, я думаю, ворочусь, скажу... Ну, прощайте!.. А старик у вас — правильный человек!

Лошадь ходко пошла. Некоторое время из степи доносился удаляющийся топот, потом смолкло. Над чертой обрыва свободно, не затеняемые, играли звезды, играли по всему небу, играли в темной глубине реки...

Последние слова рассказа утонули в половодье дружных и всенарастающих рукоплесканий.

Писатель коротко поклонился залу и, свернув рукопись трубочкой, энергичным движением засунул ее в глубокий карман.

Возле трамвайной остановки полиция окружила всех, ожидающих трамвая.

Василий Адеркин, так же, как и Серафимович, попытался уклониться от полицейской облавы, да, видно, красная розочка, врученная им на глазах у всех шлиссельбуржцу Морозову, приковала к нему накрепко внимание статного и злющего, знающего толк в таких делах филера.

Адеркин был схвачен и доставлен в полицию, где и обнаружилось, что у него нет никакого «вида» на жительство в Питере, а через несколько дней была установлена его личность беглеца из «политических», взятых за активное участие в баррикадных боях рабочих на Волге.

Добавили красную розу, врученную бывшему «государственному преступнику», получилось двенадцать лет каторги и ссылки, которая для него закончилась лишь вместе с Февральской революцией 1917 года.

В 1931 году в Ленинграде, на Невском, напротив Казанского собора, в доме правления общества не то старых большевиков, не то ссыльных поселенцев, за шахматным столиком встретились седой революционер, ветеран Н. А. Морозов, и совсем юный тогда автор этих строк. Над столом нависли знатоки из общества, ветераны царской каторги и ссылки, дружная, подбадривающая и нередко подсказывающая компания, как лучше сделать ход юному шахматисту. В результате ему удалось выиграть партию в шахматы у самого Морозова — «грозы» шахматистов Шлиссельбурга и нынешнего общества политкаторжан и ссыльных поселенцев.

Морозов искренне был огорчен. И чтобы разрядить обстановку, неизменно энергичный и добросердный дядя Вася, поблескивая сединой в пышной своей шевелюре, горящими кавказскими глазами впился в Морозова.

— Николай Александрович! — как-то очень требовательно, хотя и с некоторой ласковостью сказал он.— Взгляните в эти глаза,— он неотрывно смотрел на шлиссельбуржца,— неужто не узнаете их?

Морозов медленно поднял голову и долгим раздумчивым взглядом ответил на горячий взгляд Адеркина.

— Роза! Красная роза! — воскликнул он вдруг.

Встал, сделал шаг навстречу Василию Константиновичу. Они обнялись и крепко расцеловались.

Тогда-то я из дружеских воспоминаний этих людей и узнал всю историю с выступлением Морозова и Серафимовича.

Н. А. Морозов после выхода из тюрьмы.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Известный советский литературовед и критик Л. А. Плоткин написал воспоминания о нескольких встречах с Александром Серафимовичем.

Мы приводим из его неопубликованных воспоминаний описание первой встречи с Серафимовичем воронежских молодых писателей на их родной земле.

...Осенью 1933 года меня пригласил к себе редактор областной газеты «Коммуна» Александр Владимирович Швер и сообщил, что к нам едет Серафимович, то есть даже не едет, а плывет на пароходе из своих родных мест, по Дону и реке Воронеж, и сегодня будет у нас в городе.

И вот мы, Швер, заведующий местным издательством Владимир Николаевич Алексеев, трое воронежских литераторов, Ольга Кретова, Максим Подобедов и я, направляемся на специальном катере навстречу писателю.

Он принял нас приветливо, и мне запомнились его серьезное широкоскулое лицо, небольшие аккуратно подстриженные усики, умные и внимательные глаза, неторопливые жесты. Если бы меня спросили, какое главное впечатление оставила у меня первая встреча, я сказал бы, что прежде всего в Серафимовиче бросалась в глаза прочная, спокойная, уверенная в себе внутренняя сила. Это ощущение прочности, спокойствия и силы не оставляло меня во все дни нашего общения с писателем.

Речь зашла о больших переменах в жизни советских писателей после известного постановления ЦК от 23 апреля 1932 года и ликвидации РАППа. Мы знали, что в том повороте, который произошел в литературе, значительную роль сыграл Серафимович.

— Вот увидите,— сказал он,— теперь все будет хорошо... Много скверного, ненужного и наносного убрано с пути... Пишите, работайте. Внимательно вслушивайтесь в голос живой жизни... Старайтесь улавливать то новое, что в ней возникает.

Заговорили о писателях, с которыми Александр Серафимович был близок. Кто-то из нас спросил, как он относится к Горькому. В то время как раз развернулась оживленная и довольно острая дискуссия о языке нашей литературы. Непосредственным участником дискуссии был и Серафимович. Его точка зрения, как известно, отличалась во многом от горьковской постановки вопроса. Нет надобности сейчас, спустя сорок лет, возвращаться к этой полемике. Через некоторое время, весной 1934 года, Горький счел необходимым обратиться к своему оппоненту со специальным открытым письмом, которое так и было озаглавлено: «Открытое письмо А. С. Серафимовичу».

Тогда же Серафимович, чуть помедлив, ответил:

— Что же... Горький — великий мастер. Я очень многим обязан ему. Все мы учились у него... И должны учиться... Это отличная школа...— Помолчав, он добавил:— Ну, а что касается личных отношений, Алексей Максимович может быть отзывчивым человеком... и очень ласковым... Но он бывает порою и весьма крутым... весьма...

Среди других тем нашей беседы почему-то, я уже не помню в какой связи, возникло имя Леонида Андреева. Серафимович, разумеется, никогда не забывал и не мог забыть, какую большую роль сыграл Андреев в его писательской судьбе, ведь именно Леонид Андреев в немалой степени помог Серафимовичу в публикации его ранних произведений. Такое не забывается.

Александр Серафимович с живейшим участием, я бы сказал, даже с нежностью, говорил:

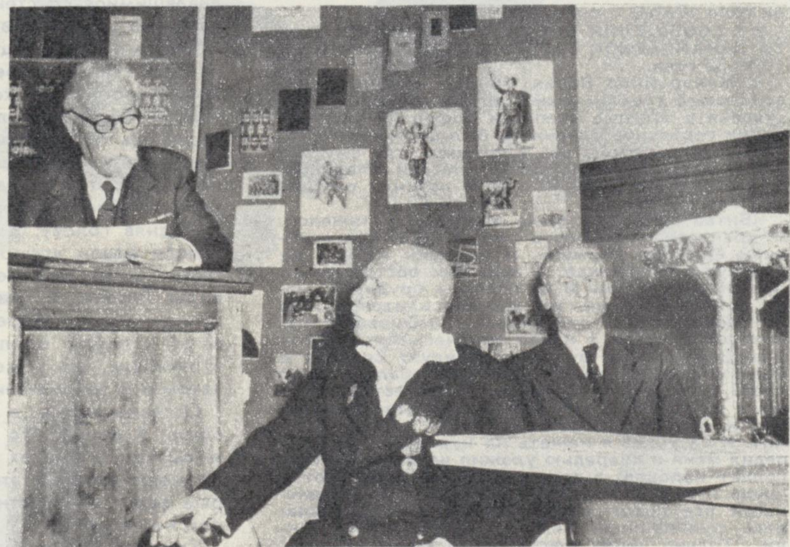
— Да, это был очень добрый, очень мягкий, душевный человек... Большой талант... И вместе с тем писатель очень запутанной души... Жаль, что так нескладно сложилась его судьба.

Из молодых советских писателей он с особой теплотой говорил о Шолохове.

— Художник огромной силы... большая наша надежда...— сказал он об авторе «Тихого Дона».

Под вечер, уже в сумерках, мы вернулись в Воронеж.

Л. ПЛОТКИН

На юбилейном вечере А. Серафимовича в Доме литераторов. Выступает Н. Телешов. Справа — А. Фадеев.

САДИ АЛЬ-МАЛЕХ

ГЕРОИ КРЕПОСТИ ШКИФ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

К утру обстановка нормализовалась. Вторая атака была отбита. Израильтяне снова потеряли десятки солдат убитыми. Мы подбили несколько бронемашин. Противник был вынужден отступить за стены крепости, сумев продвинуться вперед лишь на несколько метров во время боя. Шестеро наших бойцов погибли; не все те, кто бросился нам на помощь, вернулись назад.

Самолеты снова принялись бомбить крепость. Противник не знал, что нас осталось всего одиннадцать, в том числе четверо подростков.

Израильское радио сообщило о том, что израильские войска захватили крепость Шкиф, в то время как они с огромным трудом выносили тела убитых с поля боя.

ИЗ СООБЩЕНИЯ ВОЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА ИЗРАИЛЬСКОЙ ГАЗЕТЫ «ЕДИОТ АХРОНОТ», 10/VI.82 года:

«...Майор Якуб Барак, 30 лет, командующий войсковым соединением бригады «Голани». Участвовал в штурме крепости Бофор (Шкиф), получил серьезное ранение и был доставлен в военный госпиталь «Тель Хашумир», где ему была сделана сложная хирургическая операция. Я посетил его в госпитале, и вот что он рассказал:

«Битва за Бофор была яростной и тяжелой. В крепости находилось соединение палестинской бригады «Ярмук», и ни один из них не дрогнул, не побежал. А ведь мы обстреливали крепость ракетами и из полевых орудий 72 часа кряду! Конечно, им досталось изрядно, но они держались и отбивались с небывалым мужеством... Потом я начал «прочесывать» район боя. Вдруг вижу в темноте силуэт солдата в боевом шлеме. Стрелять? Я заколебался: вдруг свой? Тогда я еще не знал, что палестинцы тоже в шлемах. Офицер особого отдела закричал ему на иврите: «Парень, ты какой части?» Молчит. И не успел я нажать на курок, как он опередил меня и очередью уложил четверых наших солдат наповал, а семерых ранил. Меня вот в грудь и в лицо. Наши потери убитыми и ранеными все время росли, особенно когда началась рукопашная. Хорошо, что подошли танки... Только через шесть часов наши вертолеты с большим трудом сумели забрать раненых... И хотя мы получали очень четкие указания и точно представляли себе картину боя, мы недосчитались многих — палестинцы сражались с упорством, которое превзошло все наши ожидания.

Четыре раза до этого мы воевали с арабами, но у меня впечатление, что мы впервые воюем по-настоящему. Штурм крепости Бофор продолжался целых девять часов, даже больше. Я не испытываю никакой симпатии к палестинцам, более того — я их ненавижу. И вместе с тем, должен признаться, я стал их уважать. Нельзя не уважать бойцов, которые сражаются с таким мужеством...»

ИЗ ИЗРАИЛЬСКОЙ ГАЗЕТЫ «ДАВАР», 19/VI.82 года:

Интервью с майором Доф, одним из офицеров бригады «Голани»: «...Я один из немногих, кому посчастливилось выйти из этого боя целым и невредимым... Мне было приказано атаковать, взять крепость штурмом и очистить ее от палестинских бойцов. У меня в подчинении было девять танков, тринадцать бронетранспортеров и в общей сложности девяносто человек личного состава, в том числе четверо офицеров. Я думал, что в крепости по крайней мере несколько сот палестинцев, а оказалось, их было не больше пятидесяти человек. Однако это не помешало им смело вступить с нами в рукопашный бой и нанести нам немалые потери. Ни один из них не сдался, не запросил пощады. Я думаю, наши потери при взятии крепости Бофор были одной из главных причин, заставивших Израиль прекратить огонь восьмого июня.

Моральный дух палестинцев очень высок. Да, теперь-то мне ясно, насколько наивны и глупы были наши представления о палестинских бойцах, которых мы считали трусами, готовыми бежать при первой опасности. Теперь-то я знаю, что палестинцы умеют драться по-настоящему...»

ИНТЕРВЬЮ С ИЗРАИЛЬСКИМ ОФИЦЕРОМ, ВОЗВРАЩАЮЩИМСЯ С ФРОНТА, ОПУБЛИКОВАННОЕ В НОМЕРЕ ГАЗЕТЫ «АЛ-ГАМИШМАР» от 8/VII.82 года:

«Бои за крепость Шкиф были кровопролитны и яростны. Мы потеряли убитыми более трехсот солдат и офицеров. Помню, что среди погибших под Шкифом офицеров были полковник Меир Лоли, полковник Банхас Дауд, подполковник Мазрахай, подполковник Абадия Борак, подполковник Джони Герник, майор Соломон Эхи, майор Ауорор Чен Самуил и другие.

Все погибшие там солдаты и офицеры были отличными воинами. Нам следует горько их оплакивать».

Окончание. См. «Огонек» №№ 1, 2.

III

Рассказывает Низар

...Сел я на камень, недалеко от крепости, обхватил голову руками и чуть не заплакал от бессильной злобы. Надо мной летали самолеты. Их вой сливался с грохотом орудий, разрывами бомб, непрерывными очередями, раздававшимися со стен крепости — там, где была видна израильская военная техника, окапывались мои товарищи. Где они сейчас? Погибли или сумели перейти на другую позицию? Эта крепость, к которой я привык за многие годы и которая была прибежищем всех бунтарей на протяжении веков, теперь превращается в мгновение ока в тюрьму, в которой осаждают этих бунтарей! А я не осмеливаюсь даже приблизиться к ней.

Подняв голову, я посмотрел на возвышающуюся вдали крепость. Над ней поднимался густой дым. Под ней быстро, сердито текли воды Литани. Я сказал себе: «Не позволю осквернять ее берега вражеской ноге». Я встал и пошел вдоль реки. Хотелось сделать что-нибудь, но у меня с собой были только автомат и три магазина с патронами.

Остановившись, я снова посмотрел на крепость. Я верил, что мои товарищи были еще живы там, в окопах и пещерах. Захватчики не посмеют войти в эти подземные ходы, которые ведут неизвестно куда... Крепость до сих пор не пала!

Крепость — вот она, рукой подать, а поди-ка, проберись туда! С воем проносятся самолеты.

Рассказывает Мерван

Около полудня восьмого июня израильтяне начали новое наступление. Оно было яростным, ужасным; сметало все на своем пути. В наступлении приняли участие танки, артиллерия, самолеты, бронированные вертолеты. Однако мы выстояли и не позволили этой значительной группировке войск продвинуться вперед ни на шаг. Мы подбили еще несколько танков и бронемашин, уничтожили десятки солдат во дворе крепости, помимо тех, что сгорели в танках. Нас было всего одиннадцать человек. Мы рассредоточились по всей крепости, поклявшись держаться до последнего патрона, а потом взорвать самих себя. Если уж мы были обречены на смерть, то почему не уничтожить как можно больше вражеских солдат?! Мы сражались свободно, хладнокровно, без малейшего страха или замешательства.

Во время этого сражения меня поразил один боец, имени которого я не знаю. Он засел в воронке и поражал оттуда всякого, кто пытался сделать хоть шаг. Если его пыталась атаковать группа солдат, он забрасывал их гранатами, а затем брал в руки автомат, чтобы прочесать все вокруг. Этот боец сражался с беспредельной храбростью. Когда его окружили и попытались захватить в плен, он встал во весь свой высокий рост, бесстрашно глядя на противника. На палестинца бросилось сразу несколько израильских солдат. Я подумал: «Они съедят его живьем». Но в этот момент раздался взрыв.

Герой и окружавшие его вражеские солдаты погибли.

В другом месте юноша-подросток далеко отошел от крепости и спрятался между воронкой и развалинами, так что оказался ближе к противнику, чем к нам. Он не позволил ни одному танку продвинуться больше, чем на десять метров, поражая его из гранатомета в нижнюю часть башни. Паренек подбил несколько вражеских танков. Наконец его обнаружили и дали по нему залп из орудий и гранатометов. В том месте обгорела земля, оставшись свидетельством его подвига.

Это было упорное сражение. Неприятель понес значительные потери. Он снова отступил, очевидно, полагая, что в крепости осталось еще немало партизан. В этом сражении мы потеряли троих взрослых бойцов и одного подростка. Двое других подростков были ранены.

Утром следующего дня состояние Салаха и Бурхана значительно ухудшилось. Это были последние подростки, оставшиеся в крепости. Ранее их товарищ получил серьезные ранения. Потому мы поручили его другу Омару вывести раненого из крепости по подземному ходу. В таких обстоятельствах я решил вывести их из крепости тем же путем, чтобы спасти им жизнь. Потом они смогли бы уйти подальше от израильских позиций. Ребята согласились и пошли со мной. Я сопровождал их в течение двух или трех часов, и мы пришли в почти безопасное место...

«Приложение

Корреспондент бюллетеня «Эхо битвы» встретился с тремя подростками, которых оккупационные власти держали в своих застенках в течение полутора месяцев. Недавно под давлением общественности и благодаря усилиям международного Красного Креста их выпустили на свободу вместе с группой других подростков. Они рассказывают о том, как их арестовали и как с ними обращались во вражеских тюрьмах.

Омар Саид Махмуд, 15 лет.

После того, как один из наших товарищей получил серьезные ранения и были ранены Бурхан Ахмед ат-Тайиб и Салах Мараа Халиль, нам предложили покинуть крепость. Несмотря на то, что вражеские танки обрушили на нас шквальный огонь, мы сумели пробраться в одну из близлежащих пещер, где прятались в течение пяти дней. Там умер наш тяжело раненный товарищ. На пятый день израильтяне обнаружили нас при помощи собак-ищеек. Они окружили пещеру и взорвали несколько гранат у ее входа. У меня был только один магазин патронов, который я весь израсходовал. Убедившись, что у меня больше нет патронов, израильтяне окружили нас и принялись избивать прикладами винтовок и дубинками по телам и головам, не обращая внимания на состояние моих раненых товарищей. После этого нас связали и отправили в один из сортировочных концентрационных лагерей на юге Ливана, местоположение которого мы не смогли определить, так как нас доставили туда с завязанными глазами. В лагере меня начали допрашивать, а моих товарищей Бурхана и Салаха увели в неизвестное мне тогда место.

Бурхан Ахмед ат-Тайиб, 15 лет.

Омар не был ранен, поэтому его сразу же стали допрашивать. Нас же спутали сетью, похожей на сеть для ловли рыбы, потом привязали к корпусу вертолета и отправили на оккупированную территорию. Там нас наспех подлечили в одном из госпиталей, а потом посадили в одиночные камеры и принялись допрашивать. Нас спрашивали о характере полученной нами подготовки, именах тех, кто нас тренировал, местах хранения боеприпасов. Кроме того, израильские солдаты возили нас по поселениям, показывая поселенцам.

Салах Мараа Халиль, 15 лет.

Сионистские солдаты избивали и унижали нас, особенно когда они напивались или впадали в истерию. Они изливали на нас всю свою ненависть, так как мы были единственными, с кем они имели дело. Израильские офицеры приказывали нам под угрозой избиения и пыток ругать революцию и Абу Аммара[1], подра-

[1] Прозвище председателя Исполкома ООП Ясира Арафата (примеч. перев.).

жать крику животных. Нас подвергали избиениям и унижениям постоянно, часто без причины. Я лично видел, как один из наших товарищей умер от избиений, голода и жажды. Сионистские солдаты снимали с нас наручники и веревки только во время обеда или допроса.

«Эхо битвы», номер 81 от 28/VII.82 года».

...Во время моего отсутствия началось четвертое наступление на крепость. Когда я вернулся, нас со всех сторон осыпали снарядами и бомбами. Я с огромным трудом добрался до моей позиции. Израильские солдаты снова прорвались во двор крепости. На позиции было только два бойца. Я спросил об остальных троих. Мне сказали, что они сражаются в других местах. Никто не знал, живы ли они еще. Шел жаркий бой. Всюду свистели пули. То там, то здесь раздавались возгласы на арабском и иврите. Дым. Взрывы. Атакующие самолеты. Не знаю, кого они обстреливали, скорее всего выслеживали бойцов. Представьте себе, самолет гоняется за человеком, чтобы поразить его ракетой, которая в десять раз больше этого человека, а потом еще одной ракетой, чтобы он был убит наверняка! Сколько же ракет присылают им из Америки!

Наша позиция была очень хорошо защищена и являлась одной из важнейших в крепости. Я находился на расстоянии примерно трех метров от товарищей. На нас обрушивались десятки снарядов из всех отверстий в стенах крепости. Вот они приближаются. Это приближается смерть. Наступили последние мгновения жизни. Что может быть дороже последних мгновений жизни, особенно если знаешь, когда они истекут!.. Свист пуль, автоматные очереди, взрывы снарядов — без конца. Будь проклят тот, кто придумал эти пули. Мы умираем от них и при помощи их освобождаем свою землю... Раздался крик... Только один крик, но такой громкий... Погиб боец! Когда погибну я? Я старался держать в поле зрения позицию, на которой были два моих товарища, и вход в крепость, чтобы уничтожить еще одного вражеского солдата. Я заметил одного из моих товарищей, который полз ко мне, истекая кровью и испуская стоны. В тот же миг группа вражеских солдат двинулась ко входу в крепость. Меня им трудно было сразу заметить. На расстоянии двух или трех шагов от меня за скалой стоял заряженный четырехствольный пулемет. Я бросился к нему и начал неистово стрелять, поворачивая пулемет во все стороны на подвижной турели. Мои очереди привели израильтян в замешательство, а я продолжал их косить с тем же неистовством. Я беспрестанно стрелял во всех направлениях. Было видно, как падали враги. Десятки новых солдат пытались войти в крепость, но в страхе бежали. В то же время я постоянно ожидал, что вот-вот меня поразит та самая проклятая пуля и положит конец охватившей меня истерике. Я продолжал стрелять, дрожа всем телом и обливаясь потом. Можно было только диву даваться, откуда взялась во мне эта дьявольская сила. У входа в крепость никого не осталось, но пули не переставали свистеть, а я все стрелял и стрелял, оставаясь целым и невредимым. Не знаю, сколько прошло времени... Это время показалось мне вечностью. Ничего в своей жизни я не ожидал с таким нетерпением, как момента смерти... Я думал, что со мной произойдет все, что угодно, но ничего не произошло — судьба, казалось, проявляла упорство. Очень скоро, через несколько минут или секунд, не знаю точно, я почувствовал, что сейчас рядом со мной упадет несколько снарядов. Внезапно рядом со мной упала граната. Я не слышал, как она взорвалась, потому что оглох. Я увидел разлетающиеся в стороны осколки и сразу же потерял зрение. У меня словно отнялись руки. Я повернулся назад, к пещере. Буквально через минуту почувствовал, что кто-то меня тащит. Но куда? В этот момент я потерял сознание.

ИЗРАИЛЬСКОЕ РАДИО, ВЫПУСК ПОСЛЕДНИХ ИЗВЕСТИЙ, 9/VI.82 ГОДА:

«Сегодня господин премьер-министр Менахем Бегин на специальном вертолете в сопровождении министра обороны Ариеля Шарона и командующего «Армией свободного Ливана» Саада Хаддада прибыл в крепость Бофор после занятия ее израильскими войсками. Поднявшись в крепость, премьер-министр дружески пожал руку Сааду Хаддаду и во всеуслышание заявил: «Дарю вам эту крепость... Она — ваша...»

«Премьер-министр обнимается с Саадом Хаддадом, предателем ливанского народа. Премьер-министр заявляет: «Крепость Бофор — ваша». Однако каждому ясно, что в действительности это означает: «Крепость Бофор и река Литани — мои».

(Из речи Тауфика Туби, депутата Коммунистической партии Израиля в кнессете. Газета «Иттихад», орган КПИ, 11/VI.82 года.)

Газета «Едиот ахронот», 10/VI.82 года:

«Беседуя с офицером, командовавшим операцией по захвату крепости Бофор, Менахем Бегин спросил:

— И что же, ни один из них так и не сдался?

— Ни один. Во всяком случае, я не видел никого с белым флагом. Они предпочли сражаться до конца.

Менахем Бегин удивленно поднял брови:

— Значит, они и в самом деле умеют драться?

— Умеют, господин премьер. Вот это-то и тревожно».

ИЗ ПЕРЕДОВОЙ СТАТЬИ ГАЗЕТЫ «ИТТИХАД», 11/VI.82 ГОДА:

«Из репортажей, опубликованных в «Джерузалем пост» и «Гаарец», стало окончательно ясно, что господин Шарон скрыл от комиссии по иностранным делам и национальной безопасности действительные цифры людских потерь, понесенных при штурме крепости Шкиф, когда, широко улыбаясь, утверждал, что она взята практически без потерь. Как, в свете пропагандистского тумана, которым окутана подлинная картина штурма, можно доверять данным израильских официальных сообщений?»

Там было самое безопасное место. Хасан плотно заложил большую часть входа в подземелье камнями, а потом стал делать мне массаж, пытаясь вернуть сознание, несмотря на то, что сам был на грани потери сознания. Вскоре он впал в забытье. Когда очнулся, то обнаружил, что я все еще лежу без памяти. Тогда Хасан приложил ухо к моей груди и пощупал пульс. Убедившись, что я жив, он стал продолжать время от времени делать мне массаж и принимать другие меры, пока не выбился из сил. Однако Хасан был уверен, что я еще не умер, поэтому он не хотел оставить меня одного и ждал, когда я очнусь.

Мой товарищ рассказывал обо всем этом шепотом. Издалека доносились голоса людей, говоривших на иврите.

Я удивился, как они не увидели нас в течение всего этого времени. Не знаю, сколько дней мы провели в подземелье, однако мои часы показывали половину второго ночи. Хасан полагал, что мы потеряли сознание под воздействием усталости и гранат нервного действия два дня тому назад. Может быть, солдаты увидели наши неподвижные окровавленные тела и поленились удостовериться в том, что мы мертвы. Возможно, они побоялись углубиться в подземелье. Это вероятнее всего.

Самые юные защитники крепости Шкиф после возвращения из израильского плена.

IV

Продолжение рассказа Низара

Утром следующего дня, то есть через два дня после того, как я покинул крепость, я связался с ее защитниками по радио. Связь была плохой. Голоса были еле слышны, но я понял, что бой шел жестокий и что ребята будут держаться до последнего. Потом связь прервалась. Я снова попытался связаться с ними, но не смог. Я кричал в микрофон рации:

— Я Низар! Как слышно?

Продолжение рассказа Мервана

Я открыл глаза. Кругом было темно. Я еще не очнулся полностью. Я протянул руки: каменные стены, потом теплое человеческое тело. Я ощутил большую радость. Кто бы он ни был — важно, что рядом со мной лежит человек. Осторожно спросил:

— Кто ты?

— Хасан,— с удивлением ответил лежавший рядом со мной человек.

Прежде чем он успел сказать еще что-нибудь, я вспомнил, что видел его в те последние мгновения, когда он, раненный, полз ко мне. Я быстро спросил его:

— Ты в порядке?

— В порядке. Я ждал, когда ты очнешься.

Хасан рассказал мне, что, когда он полз ко мне, я был ранен осколками гранаты и упал недалеко от него. Большинство израильских солдат погибло у входа в крепость, а остальные отступили. Хасан оттащил меня в подземелье, не обращая внимания на свою рану.

го. Мы стояли перед выбором — либо выбраться из подземелья, уйти из крепости и спастись, либо вернуться на наши позиции в крепости и пойти, таким образом, на самоубийство. У нас был только один автомат и несколько обойм в моем патронташе. Оба мы были ранены и двигались с трудом. Поэтому мы решили уйти из крепости и оставить ее врагу.

Товарищ Хасан был палестинцем, родившимся в палаточном лагере Сабра в Бейруте. Он прожил в Ливане всю свою жизнь и пробрался в Южный Ливан для выполнения своей боевой задачи. Зная все выходы из крепости, в которой прожил более двух лет, он отправился на разведку. У подземелья, в котором мы оказались, было несколько выходов. Он разведал их и сказал, вернувшись:

— Ты помнишь, где был бак с водой?

Я сказал:

— Да, за крепостью.

— Мы выйдем этим путем, он наиболее безопасный.

Мы двинулись с великой осторожностью. В темноте я ощущал сильное беспокойство. В этой части крепости царила тишина. Очевидно, израильтяне побоялись здесь расположиться, опасаясь внезапных нападений партизан. Товарищ Хасан выбрал очень трудную дорогу. Мы поползли. Сначала мы оказались в окопе. У меня сильно болела раненая нога, и Хасан подкладывал под нее свою руку, чтобы моя нога не касалась земли. Я прополз немного, потом он полз следом за мною и снова протягивал руку. Я тянул свою ногу. Потом я снова полз, а он за мной. Так мы проползли

РОДНИКИ ГОРНОГО КРАЯ

У всех, кто посетил Нагорный Карабах, эту подлинную жемчужину солнечного Азербайджана, в памяти навсегда остаются родники. Их сотни в разных уголках автономной области. И удивительное дело — все они не похожи друг на друга, у каждого «лица необщее выраженье». На Степанакертском комбинате стройматериалов ежегодно готовят более ста комплектов для оформления фонтанов и родников из гранита, мрамора, базальта. Здесь работают искусные каменотесы по производству родниковых памятников.

Особым почетом у карабахцев пользуется старейшина каменотесов — ему за восемьдесят — Симон Хачатурович Петросян. У него редкий дар «одевать» в камень источники питьевой воды.

Сейчас Симон Хачатурович возводит собственный дом, уже прозванный в народе домом-родником. Мастер построил под ним каменный бассейн со студеной питьевой водой, вывел ее в уличный родник для гостей города и соседей. На каменной арке бывший фронтовик начертал имена своих погибших боевых друзей.

«Добрый путник! Утоли жажду и вспомни погибших за свободу и независимость нашей Родины» — выбито на роднике-монументе в колхозе «Коммунизм» Мартунинского района.

Запоминаются родники из прошлого столетия, созданные по мотивам творчества прославленной азербайджанской поэтессы Натаван в городе Шуше.

Памятники-родники — это запечатленная в камне песнь о силе дружбы советских народов, о торжестве ленинской национальной политики. Они прославляют труд пахарей, щедрость плодов земли, отвагу и доблесть сынов этого края.

Промышленность Нагорно-Карабахской автономной области специализирована на выпуске в больших объемах шелковых тканей и обуви, электротехнических и радиотехнических изделий, мебели и ковров, мраморных облицовочных плит и швейных изделий, продукции пищевой и мясо-молочной промышленности, вин и коньяков. Большая работа проводится по реконструкции и расширению некоторых действующих предприятий.

Высокоразвитым аграрно-промышленным комплексом стало сельское хозяйство области. За годы десятой пятилетки более 90 процентов всего прироста валовой сельскохозяйственной продукции получено за счет роста производительности труда.

...И день и ночь шумит автотрасса Баку — Степанакерт. У родников останавливаются рейсовые автобусы, водители грузовиков, туристы. И многие спешат к струям студеной, чистой, как горные снега, воды.

А. ЖИГАЙЛОВ

двадцать — тридцать метров примерно за полчаса.

Когда мы ползли, я услышал, как Хасан сдержал стон и что-то тихо прошептал.

— Что случилось? — спросил я, повернувшись к нему.

— Ничего. Мне на спину сверху упал камень. Ползи.

Этот камень разбередил его рану на спине, и она стала кровоточить, но Хасан не сказал мне об этом и продолжал подкладывать свою руку под мою ногу. Мы оба ползли, и Хасан терпел ужасные боли в спине.

Проползя в течение часа еще столько же и задохнувшись от усталости, мы оказались на значительном расстоянии от вражеских позиций. Тогда мы поднялись и, ковыляя от одной скалы к другой, пробрались как раз к нижней части крепости. Там мы спрятались в траве и сели отдохнуть.

Хасан сказал:

— Знаешь ли, Мерван, как я рад, что ты вернулся живым.

— Почему только я? Ведь ты тоже жив, и это доставляет мне неописуемое счастье.

— Да,— ответил Хасан с сожалением,— сейчас я жив.

Он застонал и схватился рукой за спину. Только тогда я понял, что он страдает от сильнейшей боли и что его рана сильно кровоточит. Я упрекнул его. Хасан покачал головой и сказал:

— Я знаю, что серьезно ранен и умру. Поэтому мне так хотелось тебя спасти.

Тут Хасан принялся объяснять мне, какие дороги ведут к Набатии и которые из них наиболее безопасны. Я не дал ему договорить, взял его под руку, и мы медленно пошли по направлению к главной дороге. Когда мы пришли туда, Хасан был на пороге смерти.

Я взял у него автомат, отошел на несколько шагов и замер в ожидании. Вокруг темень. Было три или четыре часа утра. На дороге появилась машина. Я выстрелил по фарам и, думаю, попал в правую. Вскоре появилась другая машина. Когда она подъезжала, шофер сбавил скорость, потому что близкий к крепости участок дороги был весь изрыт воронками от бомб. Я выстрелил и попал в дверь машины, но она тоже не остановилась. Очевидно, водитель изо всех сил нажал на газ, и машина рванулась вперед. Я смотрел, как она мчалась по изрытой дороге, смеясь про себя и удивляясь, как она не перевернется.

Третья машина остановилась. Я попал ей в фару, правда, не знаю, в которую, но я слышал звон разбитого стекла. Водитель сразу же затормозил. «Джип» поднял облако пыли. Из машины вышли двое. Я крикнул им умоляющим голосом:

— Спасите нас! Мы партизаны! — направив на них автомат.

Я услышал, как эти двое быстро поговорили друг с другом. Через несколько мгновений я услышал выпущенную по мне автоматную очередь. Хасан прятался в траве на расстоянии десяти метров от машины. Я моментально распластался по земле, прижав руку к сердцу, и подумал: «Бедный Хасан. Они его прикончат, если заметят. Ведь он безоружен и тяжело ранен». Я выстрелил по машине не целясь, так как те двое спрятались, а я плохо видел из-за осколка, засевшего в моем правом глазу. Так мы перестреливались минуты две. Вдруг машина взорвалась. Послышался крик, и все затихло. Подойдя к горящей машине, я увидел двоих убитых в гражданской одежде. Хасана среди них не было. Я увидел его в нескольких шагах. Хасан переполз в другое место. Я удивленно спросил его:

— Почему взорвалась машина?

Хасан сказал мне, что у него за спиной была привязана на крайний случай граната. Я ничего о ней не знал. Он мне также сказал, что это были фалангисты: Хасан слышал разговор между пассажирами, когда они выходили из «джипа».

В это время послышался шум мотора. Дорога была загорожена, и машина остановилась. Лежа я разглядел, что в ней был только один водитель. Я крикнул, направляя на него автомат:

— Мы партизаны! Помогите нам!

Водитель быстро вылез из машины. Хасан стонал, ему стало хуже после того, как он бросил гранату. Водитель отнес его в машину. Я сел тоже. Наставив автомат, я сказал:

— В госпиталь — немедленно, в Набатию!

Водитель рассмеялся и ответил:

— Товарищ, убери автомат. Твой друг и ты в безопасности.

Оказалось, что он принадлежал к Национально-патриотическим силам Ливана, выехал на задание. Когда мы рассказали ему о себе, наш новый друг сообщил нам обстановку в районе.

После десяти минут езды, за несколько километров до Набатии, я вспомнил, что здесь недалеко есть партизанская база. Я спросил о ней водителя.

— Да, но ее перевели в аль-Ахраш,— ответил он.

Я поручил Хасана водителю. Он успокоил меня, сказав, что отвезет моего друга в безопасное место, где его будут лечить. Я простился с ними и попросил остановиться у дороги, ведущей в аль-Ахраш, где находится партизанская база. Водитель дал мне патроны и две гранаты. Я пошел на восток, по направлению к базе. Время от времени я оглядывался. Водитель ждал на улице, следя за безопасностью дороги.

ИЗ ПИСЬМА ОФИЦЕРА ИЗРАИЛЬСКИХ БРОНЕТАНКОВЫХ ЧАСТЕЙ К ЖЕНЕ ОТ 13 VI, ОПУБЛИКОВАННОГО В ИЗРАИЛЬСКОЙ ГАЗЕТЕ «ГААРЕЦ» И ПЕРЕПЕЧАТАННОГО В КУВЕЙТСКОЙ ГАЗЕТЕ «КАБАС» 5/VIII.82 ГОДА:

«...А как тебе нравится это крылатое словечко, которое пошло в ход с легкой руки поэта Хаима Хейфера, написавшего: «Черным зловещим зверем, символом смерти нависла над нами крепость Бофор»?

Ты только погляди, как они стараются внушить людям, будто главная опасность, угрожавшая нашему существованию, исчезла без следа! Это ж надо — крепость Бофор, не имевшая никакого значения с военной точки зрения, превратилась вдруг в «символ войны», стала средоточием всех проблем нашего полоумного государства!

И вот уже Бегин торопится посетить крепость, заявляя, что хочет своими глазами увидеть «поверженного зверя». И это говорится о крепости, являвшейся памятником прошлого, не более того! Удивительные люди наши руководители! Превращают груду древних развалин в «зверя» и начинают с ним сражаться... С каких пор Бегин стал Тесеем, спасающим своих сограждан от чудовища?»

ИЗ ИНТЕРВЬЮ С ГОСПОЖОЙ ГЕРНИК, МАТЕРЬЮ МАЙОРА ДЖОНИ ГЕРНИКА, ПОГИБШЕГО ПРИ ПЕРВОМ ШТУРМЕ КРЕПОСТИ БОФОР. ГАЗЕТА «ДАВАР», 26/VI.82 ГОДА:

«Я не знала, что мой сын, майор, со своим соединением послан штурмовать крепость Бофор. Я вообще никогда не слышала о ней — еще одно незнакомое название, часто повторявшееся в передачах израильского радио на иврите. Там много разглагольствовали о героизме, проявленном нашими солдатами при штурме, однако ни разу не поведали о том, что все участвовавшие в операции погибли. Погибли, сраженные огнем в этом палестинском аду... Наверно, нам ничего не сказали о потерях, чтобы Бегин мог поехать в крепость и фотографироваться там вместе с Шароном среди камней, обагренных кровью наших сыновей! Да, да, они снимались там среди развалин, крови и трупов. Неужели Бегину не стыдно? Почему он скрыл от нас, что штурм этой крепости стоил жизни сотням наших солдат и офицеров? Старый убийца, грязный, мерзкий террорист... Я никогда не прощу ему этого. Боже, как бы я хотела, чтобы он вместе с Шароном пожаловал на похороны моего сына! У меня бы не дрогнула рука разрядить в них обойму...»

V

— ...Ну, хорошо, Низар, а все-таки что теперь? Будешь сражаться за Бейрут?

— Вряд ли. В Бейруте и без меня народу хватает. Они сумеют показать врагу, почем фунт лиха, пусть только сунется! А я пришел сюда ненадолго, у меня поручение, только и всего. Мое место там, на юге, в тылу врага. На днях иду обратно. Вот именно, ты угадал — в крепость Шкиф, где остались мои друзья. Сионисты еще узнают, какой мы народ...

— И ты пробрался на базу, Мерван?

— Да, и очень просто. Меня увидел часовой, когда я находился от нее на расстоянии нескольких сот метров. По моей походке он понял, что я ранен, и сообщил обо мне бойцам. Двое бойцов встретили меня и отнесли в глубь базы. Там было около двадцати человек. Большинство вернулось из операции в тылу врага. Они быстро накормили меня и напоили чаем, оказав первую медицинскую помощь. В то утро я слегка перевел дух.

Здоровье мое понемногу восстанавливалось, только глаз болел все сильнее, потому что в нем засел осколок. Товарищам пришлось отправить меня в тыл, чтобы я не был им обузой.

ИЗ ПЕРЕДАЧИ ИЗРАИЛЬСКОГО РАДИО НА ИВРИТЕ, 15/VII.82 ГОДА:

Из интервью с раненым израильским офицером:

«...После взятия крепости Бофор мы как-то расслабились, решили, что теперь уже самое трудное позади, особенно после того, как наши войска без всяких осложнений перешли реку Литани. И вдруг — обстрел! Стреляют со всех сторон, и между прочим, и с холмов, которые мы уже захватили (то есть из крепости и прилегающих районов.— Прим. авт.) в самом начале операции».

20 ИЮНЯ КОРРЕСПОНДЕНТ БИ-БИ-СИ В ЛИВАНЕ СООБЩАЛ:

«...Неужели израильтяне и в самом деле серьезно полагали, что крепость Шкиф пала? Не знаю, но, во всяком случае, в последние два дня их позиции там неоднократно подвергались атакам...»

КОРРЕСПОНДЕНТ АГЕНТСТВА ФРАНС ПРЕСС, 10/VI.82 ГОДА:

«Отдельные палестинские соединения совершают ночные налеты на позиции израильтян в районе крепости Шкиф».

ИЗ БЮЛЛЕТЕНЯ «ЭХО БОРЬБЫ», ВЫПУСКАВШЕГОСЯ ОТДЕЛОМ ПРОПАГАНДЫ ООП В ДАМАСКЕ, 4/VII.82 ГОДА:

«Представитель Объединенных вооруженных сил Палестинского сопротивления и ливанских Национально-патриотических сил информировал, что вчера одно из наших соединений, действующих в районе крепости Шкиф, встретилось на марше с израильским мотопатрулем и вступило с ним в бой.

Наши бойцы сражались с таким героизмом, что противник был вынужден запросить подкрепления, что только увеличило его потери. В бою враги потеряли тридцать человек убитыми и ранеными и два бронетранспортера...»

ИЗ ТОГО ЖЕ БЮЛЛЕТЕНЯ, 16/VII.82 ГОДА:

«В сводке израильского военного командования, переданной по радио на иврите вчера, 15/VII.82 года, признается, что один израильский бронетранспортер подорвался в районе крепости Шкиф на мине, подложенной палестинскими партизанами. При взрыве убит сержант Натан Азиридж и ранены трое солдат. В сводке также говорится, что на той же дороге на минах, подложенных палестинскими партизанами, подорвался штабной «джип», в результате чего были убиты двое офицеров и тяжело ранен третий».

ИЗ КУВЕЙТСКОЙ ГАЗЕТЫ «АЛЬ-ВАТАН» ОТ 17/VII.82 ГОДА:

«Противник признал факт партизанского нападения на крепость Шкиф в Южном Ливане. Это — шестое нападение на крепость в течение одного месяца. Согласно опубликованному вчера сообщению в Аммане со ссылкой на представителя командования израильской армии, группа партизан позавчера рано утром атаковала израильских десантников в крепости Шкиф, обстреляв их из пулеметов, автоматов и гранатометов.

Израильское радио сообщило, что столкновение с партизанами продолжалось пятьдесят минут. Некоторые партизаны сумели достичь крепости и обстреляли не успевших отойти израильских солдат. Далее было сообщено, что четыре израильских вертолета пришли на помощь израильским войскам в крепости. В течение длительного времени вертолеты прочесывали территорию крепости, применяя осветительные бомбы.

Радио признало, что двое израильтян было убито, а семеро тяжело ранено. Было убито двое партизан. Радио сообщило, что израильские солдаты считают крепость Шкиф заколдованным местом, так как там было убито и ранено много их товарищей».

VI

Как-то в конце июля под вечер я сидел в редакции, когда в комнату вошел парень в форме отрядов Палестинского сопротивления. Строгий, суровый, с обветренным лицом и длинными черными усами. Подошел ко мне:

— Вы Саади?

— Я. А что? Что-нибудь случилось?

Я несколько неуверенно приподнялся из-за стола. Парень протянул мне руку:

— Да нет, ничего не случилось... Просто Низар...

У меня екнуло сердце:

— Что? Убит?

Парень широко улыбнулся:

— Ну вот уж сразу так — убит. Я просто спрашиваю — помните такого? Вам от него привет.

— Спасибо. Как он там? Где он?

Боец ободряюще похлопал меня по плечу:

— Не волнуйтесь, с ним все в порядке. Вот поручил мне заглянуть к вам в редакцию, поблагодарить за статью о нем и его товарищах. Кстати, вы ведь о них, наверное, все время слышите?

— Еще бы! — воскликнул я.— Да и не мы одни — весь народ слышит!..

Рассказывает Мерван

В долине Бекаа я попал в деревню Газа. Там боль в глазу постоянно усиливалась. С каждым днем зрение ухудшалось. Нога тоже время от времени болела. Но, несмотря на это, я принимал участие в партизанских операциях за линией фронта, а также в местах соприкосновения сирийских и израильских войск в районах Бир Ильяс, аль-Мардж и Саад аль-Фираун. Во время этих операций я сумел отомстить за моих товарищей в крепости Шкиф.

ИНОСТРАННЫЕ АГЕНТСТВА СООБЩАЛИ ИЗ БЕЙРУТА 10/VIII.82 ГОДА:

«Официальный представитель Объединенных сил заявил, что вчера вечером одно из партизанских палестинских соединений, действующих в тылу израильских войск, атаковало израильские позиции в районе крепости Шкиф. По словам представителя, в завязавшемся бою партизанами были уничтожены все находившиеся в крепости израильские солдаты, и над ней более получаса развевался палестинский флаг. Только после того, как израильское командование перебросило на вертолетах значительное подкрепление, партизаны оставили крепость и скрылись в лесах, не потеряв на поле боя ни одного человека.

Следует отметить, что крепость Шкиф с момента захвата ее интервентами непрерывно подвергается атакам партизан, в результате чего израильтяне несут значительные потери в живой силе».

VII

— Ты бы написал, Низар, про все, как там было.

— Не до этого сейчас!

— Но ведь это твой долг, Низар.

— Может, и напишу. Да только не пером, а винтовкой, всю историю обороны крепости и тех, кто ее защищал...

Я вижу перед собой его решительное лицо, и сердце мое наполняется гордостью и счастьем за наших людей. Такие не подведут!

...Когда я окончательно потерял зрение, меня переправили в госпиталь «Яффа» в Дамаске. Там осколок из глаза вынули, и я прошел курс лечения.

— Мерван, что сказали тебе врачи?

— Сказали, что нет надежды восстановить левый глаз. «Ты потерял глаз, но выиграл бой. Не правда ли?» Конечно, я выиграл бой. Глаз, который я потерял,— это лучший орден, которым я мог наградить крепость.

— Прости, я забыл спросить тебя, к какой палестинской организации ты принадлежишь?

— Я?.. Я сын революции!

Дорогой, ты остался в моем сердце и в моей памяти.

ИЗ БЕСЕДЫ КОРРЕСПОНДЕНТА «ГААРЕЦ» С ИЗРАИЛЬСКИМ СОЛДАТОМ, ПОЖЕЛАВШИМ ОСТАТЬСЯ НЕИЗВЕСТНЫМ ИЗ ОПАСЕНИЯ, ЧТО ЕГО БУДЕТ ПРЕСЛЕДОВАТЬ ВОЕННАЯ ПОЛИЦИЯ.

«...ЧТО? КРЕПОСТЬ БОФОР? БОЖЕ МЕНЯ УПАСИ!.. ДАЖЕ И НЕ УПОМИНАЙТЕ ПРИ МНЕ О НЕЙ... ЭТО ЖЕ ВЕРНАЯ СМЕРТЬ. ...НУ УЖ НЕТ. ПУСТЬ МЕНЯ ПОСАДЯТ, ПУСТЬ ДЕЛАЮТ СО МНОЙ, ЧТО ХОТЯТ, НО В БОФОР Я НЕ ПОЕДУ. НИ ЗА ЧТО НА СВЕТЕ! ЧТО Я ТАМ ЗАБЫЛ, В ЭТОМ АДУ?»

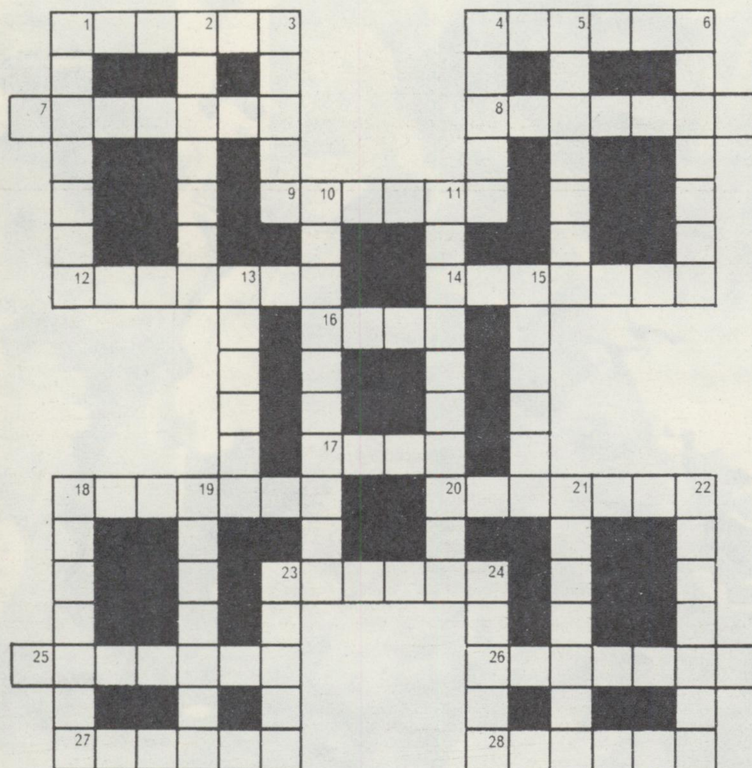
VIII

«...О крепость Шкиф.
Ты не сдалась врагу.
Сражались камни
И мешки с песком...
Сражалось солнце, и луна, и море...
Стояли насмерть скалы и стволы деревьев...»

Моин БСИСУ,
из стихотворения
«Открытое письмо крепости Шкиф»

Перевел с арабского Д. МИКУЛЬСКИЙ.

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Математик и механик, академик, трижды Герой Социалистического Труда. 4. Трагедия Шекспира. 7. Вид учебных занятий. 8. Предельные внешние очертания предмета, сооружения. 9. Ионизированный газ. 12. Персонаж рассказа И. С. Тургенева «Муму». 14. Озеро в Якутии. 16. Пушной зверь. 17. Обширное водное пространство. 18. Поэма А. Фирдоуси. 20. Надпалубные части судового оборудования. 23. Государство в Южной Европе. 25. Народный художник СССР, лауреат Ленинской премии. 26. Сорт печенья. 27. Немецкий композитор и дирижер XIX века. 28. Род поэзии.

По вертикали: 1. Переработка нефти для получения моторного топлива. 2. Русская медная монета. 3. Винт для крепления деталей. 4. Расплавленная масса в глубине Земли. 5. Судоходство между портами одной страны. 6. Столица союзной советской республики. 10. Прибор для измерения светового потока. 11. Итальянский композитор XVI—XVII веков. 13. Оперетта И. Кальмана. 15. Глава дипломатического корпуса. 18. Советский космонавт, дважды Герой Советского Союза. 19. Русский поэт XIX века. 21. Легкое быстроходное судно. 22. Составная часть военного искусства. 23. Местная разновидность общенародного языка. 24. Город в Болгарии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

По горизонтали: 5. Ильинский. 8. Блокнот. 9. Ликенай. 12. Максимова. 15. Сальто. 16. Натрий. 17. Шпала. 19. Парабола. 20. Трембита. 22. Пилон. 24. Кольцо. 25. Латвия. 26. «Вольность». 29. Ступица. 31. Фарадей. 32. Верещагин.

По вертикали: 1. Глинка. 2. Лифт. 3. Псел. 4. Шишков. 6. Платье. 7. Газета. 10. «Мирандолина». 11. Багратион. 12. Мокроусов. 13. Антресоль. 14. Филателия. 17. Штамп. 18. Алтын. 21. Льгота. 23. Стайер. 27. Офицер. 28. Теркин. 30. Алей. 31. Фрак.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Прядильщица Елена Филиппова — выпускница ПТУ-17 при Яковлевском льнокомбинате Ивановской области * Льняная скатерть с вышивкой шелком. (См. в номере материал «Мечта директора».) **Фото Г. Розова**

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Нагорно-Карабахская автономная область Азербайджанской ССР. У родника «Дружба» колхоза имени Энгельса * Город Шуша. Сценка у родника * Родник «Пахарь» в селе Ханабад * «Изобилие» — родник в поселке Мартуни.*«Арка-Радуга» — так назван источник у автовокзала поселка Мартуни * Родник в селе Чартар. (См. в номере материал «Родники горного края».) **Фото А. Жигайлова**

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 27.12.82. Подписано к печати 12.1.83. А 00605. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 332. Заказ № 3585.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Г. ЗАХАРОВА

Фото Г. КОПОСОВА

Директор московского завода игрушки «Кругозор» Василий Семенович Гуськов ведет нас по этажам, по просторным цехам. Это завод необычный — стены расписаны кадрами из мультфильмов, всюду цветы, веселые эмблемы «игрушечной продукции». А вот и выставка игрушек, населенная забавными созданиями.

— Обратите внимание,— говорит Василий Семенович,— модели одинаковые, но, если присмотреться, можно заметить, что созданы они разными людьми. Это и есть творчество!

С интересом смотрю, как из-под ловких пальцев работницы появляется обрамленная кудрями головка. Всего за несколько секунд буквально у меня на глазах рождались новые прически. Казалось бы, что все уже было, трудно придумать что-то еще, но фантазия мастеров беспредельна. Потом я смотрю, как куклам подбирают глаза. В зависимости от цвета волос, овала «лица» и, наверное, еще каких-то неведомых мне особенностей.

Тут много цехов. И все они такие вроде бы непохожие, а между тем одинаково уютные и красивые. Разработать и сшить костюм для куклы — большое искусство. Платье должно подчеркнуть привлекательность игрушки да еще и само по себе понравиться малышу.

— А дети приходят на завод? — спрашиваю я.

— Недавно побывала здесь группа из детского сада. Конечно, масса впечатлений. Увидели, наверное, даже то, что нам с вами уже не дано видеть. Они на окружающее смотрят ведь по-своему... Часто бывают у нас школьники. Взгляните: эта линия швейных машинок устроена для юных практикантов.

Старшеклассники с удовольствием выполняют эту работу. Сами не так давно были малышами и прекрасно помнят, как радовались новой игрушке, но вместе с тем придирчиво рассматривали ее. Вот и стараются угодить младшим.

Последняя остановка в нашем путешествии—цех сборки. Здесь—так называемая «готовая продукция». Осталось ее только упаковать и отправить в магазины.

На прощание Василий Семенович показал новые модели, которые скоро появятся в продаже. Вот пластмассовые пяльцы и салфетки с узором. Это «Набор для вышивания для маленьких рукодельниц». Не обойдется, конечно же, и без новых кукол. А детский миксер с микродвигателем и батарейкой предназначен для детей постарше. С его помощью можно приготовить настоящий гоголь-моголь.

— Мальчишек тоже не обидим,— улыбается Василий Семенович.— Для них подготовили автомобили с дистанционным управлением — багги и ралли. Думаю, что и наша новая железная дорога понравится ребятам. Ну, а для любителей мастерить — три вида моделей самолетов, на любой вкус.

Завод игрушки «Кругозор». А над ним — модели, выпускаемые здесь.

Ребятишки — гости завода.

РОЖДАЕТ

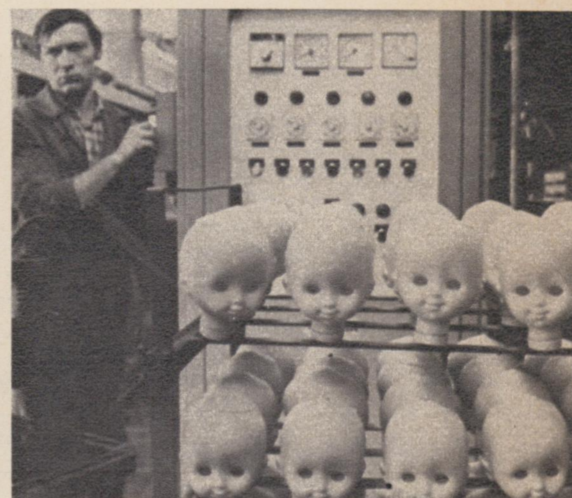

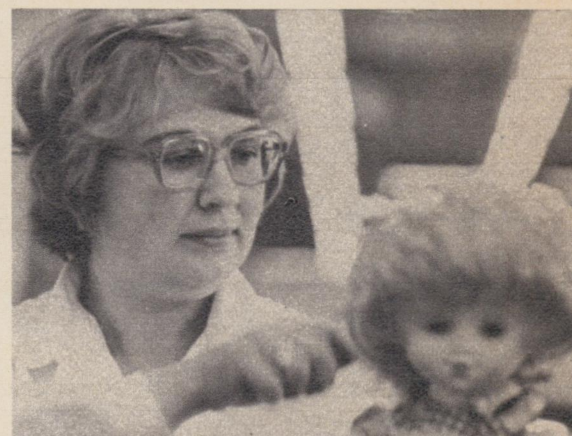
В обеденный перерыв в заводском клубе идет концерт.

Забавные грелки для чайников.

Из рук прессовщика А. В. Голихина головки выходят вот в таком виде.

А в сборочном цехе прически творит Наталья Сергеевна Ченкина.

Новые куклы.

СЯ ИГРУШКА

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

